

ISSN 2312-3400

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И К А З А Н С К О М У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

Том 38, № 3–4
2018

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В КАЗАНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК РТ

**ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Том 38, №3-4

КАЗАНЬ, 2018

**ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

2018. Том 38. № 3-4

ISSN 2312-3400

**Научный журнал
Издаётся с 2017 года**

Учредители: Хайрутдинов Р.Р., Ситдилов А.Г.
Издатель: редакция журнала

Адрес издателя: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № ФС
77-72116 – печатное издание от 29.12.2017.

Периодичность: 4 выпуска в год

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21
Email: kvmkfu@mail.ru
Сайт журнала: <https://ioaie.ru>

Дата выхода выпуска в свет: 29.12.2018
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84/16.
Тираж 500 экз. Отпечатано
с готового оригинал-макета в типографии Издательства
Казанского университета. Адрес типографии: 420008,
г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
Тел.: +7(843) 233-73-59; 233-73-28

Главный редактор

Напольских Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор КФУ, профессор кафедры культурологии Удмуртского государственного университета (Ижевск), член-корреспондент РАН

Состав редакционного совета:

Председатель – Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, доцент, председатель Совета отделения Российского исторического общества в Казани.

Члены редакционного совета:

Арутюнов Сергей Александрович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института этнологии и этнической антропологии (Москва).

Головинёв Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Этнографического Бюро, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АН РТ (Казань);

Казанский Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (Санкт-Петербург).

Михай Хоппал, Dr. hab., профессор, президент International Society for Shamanistic Research (Будапешт).

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института востоковедения РАН (Москва);

Пиотровский Михаил Борисович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры и искусств (Казань);

Ситдилов Айрат Габитович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор Института археологии АН РТ (Казань).

Эберхард Винклер, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой финно-угроведения Гёттингенского университета (Гёттинген).

Юха Яхунунен, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой восточноазиатских исследований Хельсинкского университета (Хельсинки).

Распространяется бесплатно

© Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2018

**PROCEEDINGS
OF THE SOCIETY FOR ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY
AT THE KAZAN UNIVERSITY**

Volume 38, issue 3-4.

ISSN 2312-3400

Editor-in-chief

Vladimir V. Napolskikh, Doctor of history, Professor of the Udmurt state University, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Kazan).

Editorial board:

Chairman – Ramil R. Khayrutdinov, Phd, Professor, Director of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University, Chairman of the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan (Kazan).

Members of the editorial board:

Sergey A. Arutyunov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Dept. of Caucasus of the Institute for Ethnology and Ethnic Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Andrey V. Golovnyov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Iskander L. Izmaylov, Doctor of history, Head researcher of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Nikolay N. Kazanskiy, Doctor of Philology, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Mihály Hoppál, Dr. hab., Professor, President of the International Society for Shamanistic Research (Budapest).

Vitaliy V. Naumkin, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Mikhail B. Piotrovskiy, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Hermitage (St.-Petersburg).

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor (Kazan).

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, Director of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan).

Eberhard Winkler, Dr. hab., Professor, Head of the Institute of Finno-Ugric Studies of the University of Göttingen (Göttingen).

Juha Janhunen, Dr. hab., Professor, Head of the Dept. of East Asiatic Studies of the University of Helsinki (Helsinki).

Published after the decision of the scientific council of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University and the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan.

Published since 2017 (resumed edition after 1878-1929) 4 times a year.

Founders: Ramil R. Khayrutdinov, Ayrat G. Sitdikov

Adress of the redaction: Russia, 420008, Kazan, Mezhlauka, 3, r. 117

СОДЕРЖАНИЕ

История татар в Средние века и Новое время

<i>А. Р. Бахтегариев, М. С. Гатин, Д. А. Мустафина, Р. Р. Фахрутдинов, Р. Р. Хайрутдинов.</i> Казань, Крым и Великое княжество Литовское в дипломатических и военных столкновениях на рубеже XV–XVI вв.....	8
<i>М. С. Гатин.</i> Сведения ливонских источников XIII–XVI вв. о татарах.....	23
<i>З. М. Шадыметова, Д. А. Мустафина, М. С. Гатин, А. А. Гатин, Р. Р. Фахрутдинов.</i> Татары-мусульмане Оренбурга в российской торговле со Средней Азией во второй половине XVIII в.....	34
<i>А. Ф. Шафиков.</i> Ахл ас-сунна: концептуальные и формальные представления об исламской идентичности в конце XIX–XX века в Поволжском регионе.....	48
<i>Д. М. Галиуллина.</i> Специфические особенности «татарского джадидизма» конца XIX – начало XX вв.....	61
<i>А. Х. Тухватуллин.</i> К проблеме вклада Х.-Г. Габаша (1863-1936) в модернизацию духовной культуры татарского народа в конце XIX - начале XX веков.....	69

Археология Средневековья

<i>З. Г. Шакиров.</i> К вопросу об урбанизации на территории Волжской Булгарии.....	86
<i>Л. Ф. Недашковский.</i> Исторические особенности золотоордынского города.....	97

Востоковедение и античность

<i>Э. В. Рунг, Е. А. Чиглинецв.</i> Darius versus Xerxes: образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях и в произведениях Эсхила и Геродота.....	118
<i>Л. М. Шмелёва.</i> Миграция галлов в Италию в IV в. до н.э. и ее влияние на эволюцию римской внешней политики.....	159

CONTENTS

Medieval and early modern Tatar histori

<i>A. Bakhtegariyev, M. Gatin, D. Mustafina, R. Fakhrutdinov, R. Khairutdinov.</i> Kazan, Crimea and the Grand duchy of Lithuania in the diplomatic and military battles at the turn of the 15th and 16th centuries.....	8
<i>M. Gatin.</i> Livonian sources of XIII–XVI centuries about the Tatars.....	23
<i>Z. Shadymetova, D. Mustafina, M. Gatin, A. Gatin, R. Fakhrutdinov.</i> Tatar muslims of orenburg in the russian trade with the countries of the middle east in the second half of the XVIII century.....	34
<i>I. Shafikov.</i> Ahl al-Sunna: conceptual and formal ideas about Islamic identity at the end of the XIX-XX centuries in the Volga region.....	48
<i>D. Galiullina.</i> Specific features of “Tatar jadidism” late XIX - early twentieth centuries.....	61
<i>A. Tukhvatullin.</i> To the problem of the contribution of H.-G. Gabashi (1863-1936) in the modernization of the spiritual culture of the Tatar people at the end of the XIX X beginning of the twentieth centuries.....	69

Medieval archaeology

<i>Z. Shakirov.</i> To the issue of urbanization on the territory of the Volga Bulgaria.....	86
<i>L. Nedashkovskiy.</i> Historical peculiarities of the cities of Golden Horde.....	97

Oriental and antique studies

<i>E. Rung, E. Chiglintsev.</i> Darius versus Xerxes: the images of Darius I and Xerxes in old-persian inscriptions and in the works of Aeschylus and Herodotus.....	118
<i>L. Shmeleva.</i> Migration of the Gauls to Italy in the IVs. and its influence on the evolution of Roman foreign policy.....	159

История татар в Средние века и Новое время

УДК 94

Казань, Крым и Великое княжество Литовское в дипломатических и военных столкновениях на рубеже XV–XVI вв.

**А. Р. Бахтегариев, М. С. Гатин,
Д. А. Мустафина, Р. Р. Фахрутдинов, Р. Р. Хайрутдинов**

E-mail: bahtegariev@mail.ru

Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена обозначившейся в исторической науке тенденцией переосмысления событий XV – начала XVI вв., вызванной изменениями в экономической, политической и социокультурной сферах, в теоретико-методологических способах исследований. А также пребыванием в тени проблемы отношений Великого княжества Литовского с осколками Золотой Орды, в особенности политических контактов с Казанским ханством, сыгравшим заметную роль в борьбе за политическое верховенство в постордынском пространстве. Цель статьи заключается в выяснении характера и особенностей взаимоотношений Великого княжества Литовского с двумя из множества наследников Золотой Орды – Казанским и Крымским ханствами. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является сравнительно-сопоставительный метод. Изучение межгосударственных отношений Великого княжества Литовского со смежным Крымским и пространственно удаленным от княжества Казанским юртами показало существование различий в политической линии Литвы по отношению к названным татарским ханствам и позволило выяснить причины этого.

На характер и формы взаимоотношений интересующих нас государств влияли два фактора: 1) наличие, или отсутствие общих границ; 2) необходимость учета взаимоотношений постордынских государств и Литвы с Большой Ордой, Оттоманской Портой и усиливавшимся Русским государством. Дипломатическая активность последних приводила порой к изменению характера межгосударственных связей. Обуславливая, перерастание отношений из дипломатической в военную форму, или прекращение военного конфликта, или перерыв во взаимных контактах. Материалы статьи могут быть использованы при воссоздании общей картины развития взаимоотношений государств в Восточной Европе в рассматриваемый период, а также в академических курсах лекций по всеобщей и российской истории.

Ключевые слова: История, Великое княжество Литовское, Крымское ханство, Казанское ханство, Оттоманская Порта, Московское княжество, межгосударственные контакты.

Для цитирования: Бахтегариев А. Р., Гатин М. С., Мустафина Д. А., Фахрутдинов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р. Казань, Крым и Великое княжество Литовское в дипломатических и военных столкновениях на рубеже XV–XVI вв. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2018; 38(3-4): 8–22.

Благодарность: Работа выполнена в соответствии с Программой Правительства Российской Федерации по конкурентному росту Казанского федерального университета.

Kazan, Crimea and the Grand duchy of Lithuania in the diplomatic and military battles at the turn of the 15th and 16th centuries

**A. Bakhtegariyev, M. Gatin,
D. Mustafina, R. Fakhrutdinov, R. Khairutdinov**

E-mail: bahtegariyev@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The urgency of the problem under study is due to the tendency in the historical science to rethink the events of the 15th - early 16th centuries, caused by changes in the economic, political and socio-cultural spheres, in theoretical and methodological research methods. As well as staying in the shadow of the problem of relations of the Grand Duchy of Lithuania with the fragments of the Golden Horde, especially political contacts with the Kazan Khanate, which played a prominent role in the struggle for political supremacy in the postdordyn space. The purpose of the article is to clarify the nature and characteristics of the relationship of the Grand Duchy of Lithuania with two of the many heirs of the Golden Horde - the Kazan and Crimean Khanates. The leading approach to the study of this problem is the comparative method. The study of interstate relations of the Grand Duchy of Lithuania with the adjacent Crimean and Kazan yurts spatially distant from the principality showed the existence of differences in the Lithuanian political line with respect to the named Tatar khanates and allowed to find out the reasons for this. The nature and forms of relations between the states of interest to us were influenced by two factors: 1) the presence or absence of common borders; 2) the need to take into account the relationship of the postdordian states and Lithuania with the Great Horde, the Ottoman Porte and the growing Russian state. The diplomatic activity of the latter sometimes led to a change in the nature of interstate relations. Conditioning, the development of relations from diplomatic to military form, or the cessation of military conflict, or a break in mutual contacts. The materials of the article can be used to recreate the overall picture of the development of relations between states in Eastern Europe in the period under review, as well as in academic courses of lectures on general and Russian history.

Keywords: History, the Grand Duchy of Lithuania, the Crimean Khanate, the Kazan Khanate, the Ottoman Port, the Moscow Principality, interstate contacts.

For citation: Bakhtegariyev A., Gatin M., Mustafina D., Fakhrutdinov R., Khairutdinov R. Kazan, Crimea and the Grand duchy of Lithuania in the arena of diplomatic and military battles at the turn of the 15th and 16th centuries. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. Kazan, 2018; 38(3-4): 8–22. (In Russ.)

Acknowledgements: The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие межгосударственных контактов в западной части Евразии после распада Джучиева Улуса и произошедшей смены участников политических взаимоотношений – одна из интереснейших проблем, требующая выяснения роли и намерений каждого из государственных организмов, претендовавших на наследие Золотой Орды, определения восприятия их государствами, сохранявшими политическое единство, а также выявления характера, формы и динамики дипломатических связей между конкретными сторонами (Греков, Якубовский, 1950). Ведь при относительной синхронности развития им приходилось, выстраивая взаимоотношения, преодолевать политические, военные и религиозные (идеологические) различия. Восточная Европа представляла собой не только территорию, становившуюся ядром последовательно сменявших друг друга империй. Она являлась и ареной столкновения культур, существенно отличающихся друг от друга, в частности стала местом противостояния двух мировых религий – христианства (как православной, так и католической ее ветвей) и ислама – со временем трансформировавшегося в толерантное взаимодействие (Трепавлов, 2010). В рассматриваемый период турецкий султан являлся халифом, главой всех мусульман, и этот статус неминуемо предполагал исполнение им функций защитника правоверных. Что означало незримое присутствие султанской Турции

за спиной мусульманских юртов в Восточной Европе (Смирнов, 1889). Рубеж двух столетий оказался наполнен очень тонкой дипломатической игрой, в которой стало принимать участие и добиваться выгодных для себя результатов и начинавшее укрепляться Московское княжество. Европейские же державы предпринимали безуспешные попытки столкнуть между собой Османскую Порту и Московское государство. Нередко дипломатические хитросплетения перерастали в военные конфликты как локального, так и более масштабного характера (Шваб, 2011). В этих условиях представляется крайне важным определить формы и характер контактов Великого княжества Литовского с двумя татарскими юртами. Крымским, оказавшимся в вассальной зависимости от Османского государства, и Казанским, попавшим под протекторат Московского княжества, прерванным подчинением власти крымских Гиреев.

Методы

Предпринятая попытка распутать хитросплетения международных отношений в Восточной Европе в конце XV – начале XVI вв., выяснение особенностей дипломатического взаимодействия Великого княжества Литовского с Крымским и Казанским ханствами потребовали применения ряда методов, в том числе методов историзма, анализа и синтеза. Ведущим же подходом к исследованию стало использование сравнительно-сопоставительного метода.

Результаты

Проведенное исследование позволило прийти к следующим заключениям. Великое княжество Литовское поддерживало дипломатические контакты с обоими осколками бывшего Джучиева Улуса, то есть признавало эти политические образования как самостоятельные государственные образования. При этом характер межгосударственных отношений Великого княжества Литовского с Казанским и Крымским юртами существенно различался. Главным фактором, приведшим к различию, было то, что княжество имело общие границы с Крымским ханством, а Казанское было пространственно от него удалено, располагалось юго-восточнее восточной соседки Литвы – Русского государства. В лице крымского хана литовский князь видел скорее противника, нежели выгодного со-

седа, который совершал набеги на южные окраины государства. Казанского же хана литовский князь (каковым часто являлся польский король) воспринимал как союзника, с которым имел общего врага в лице Московского княжества. При этом отсутствие общих границ Литвы с Казанью существенно затрудняло взаимные контакты, но было выгодным со стратегической точки зрения. Османское же правительство эти устремления Крыма воспринимало как дело, касающееся исключительно хана, и помощи ему не оказывало.

Обсуждение

Проблемы истории развития международных отношений в Восточной Европе относятся к числу интенсивно разрабатываемых с XIX столетия. Следует отметить, что задача специального рассмотрения динамики межгосударственных контактов между всеми государствами, существовавшими на территории Восточной Европы, остается трудно выполнимой. Исследователи обращались к истории взаимоотношений государств, главным образом, при рассмотрении вопросов внешней политики конкретной страны (Великого княжества Литовского, Польши, России и т. д.), при изучении причин распада империй и формирования на их территории новых государственных образований и их политического развития, в частности при освещении истории Золотой Орды и ее осколков. Оживление научного интереса к указанным вопросам сопровождалось введением в исследовательский оборот новых документальных материалов.

На рубеже XIX–XX вв. изучение истории Великого княжества Литовского достигло наивысшей степени интенсивности. Был опубликован большой объем извлеченного из архивов материала, который и по сей день служит многогранной источниковой основой изучения истории Великого княжества Литовского и ее взаимоотношений с другими государствами. Исторически сложилось так, что эту проблему изучали и изучают историки Польши, Российской империи, Советского союза, а в наши дни ученые России, Украины и Белоруссии.

Польские медиевисты интересовались преимущественно историей войн Великого княжества Литовского и Королевства Польского с татарами Большой Орды и Крымского ханства. Одним из первых к

рассмотрению проблемы отношений Великого княжества Литовского с крымскими татарами в период правления хана Менгли-Гирея обратился К. Пуласки (1881, с. 449). Наступившую паузу в исследовании международных контактов Литвы прервало появление работы Л. Коляновского, посвященной изучению литовско-московских отношений в конце XV в. (Коляновский, 1935, с. 279-300). В ней был затронут и вопрос о крымско-литовских связях. После существенного перерыва к исследованию дипломатических контактов Литвы с крымскими татарами обратились Л. Подгорецкий (1987, с. 359), Е. Охмянски (1960, с. 161-398) и Д. Колодзейчик (2011, с. 1109). В последние десятилетия свою лепту в освещение указанной проблемы внесли украинские ученые В. Ульяновский (2005, с. 357-373), Б. Черкас (2011, с. 144) и В. Гулевич (2013, с. 40-66), О. Гайворонский (2010, с. 25-50), Я. В. Пилипчук (2015, с. 312-325) и др.

Отношения Великого княжества Литовского с Крымским ханством и Большой Ордой стали предметом анализа в трудах многих российских ученых. Следует заметить, что интерес к прошлому Крыма и его взаимоотношений с другими странами, в том числе и с Великим княжеством Литовским, Большой Ордой, Османской Портой и Московским государством не был постоянным и в России. Он зародился еще в конце XVII в., возрастал в переломные, определяющие для хода исторического процесса моменты, и угасал в период затишья международных противоречий. Обусловлен же он был стремлением осмыслить опыт взаимоотношений Московского государства с Золотой Ордой, Казанским и Крымским ханствами перед последним рывком, направленным на завершение процесса объединения постордынских государств под политическим верховенством России, с одной стороны, и получения выхода в Черное море, с другой стороны. В ряду исследователей, обратившихся к этой проблеме, следует назвать имена А. И. Лызлова, А. И. Манкиева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. Д. Смирнова. В СССР эта проблема прямо или косвенно освещалась в работах Н. А. Смирнова, Н. А. Новосельского, В. Е. Сыроечковского, Р. Ю. Виппера, В. Д. Королука, И. Б. Грекова, К. В. Базилевича, А. А. Зимина, Б. Н. Флори, А. Л. Хорошкевич и др. (Мустафина, Мустакимов, 2017, с. 187-211). Изменение формы политического существования, произошедшее в 90-е гг.

XX столетия, обусловило активизацию научной мысли в изучении истории политических наследников Джучиева Улуса, сложившихся к концу XV в. международных отношений и их последующего развития. Историография проблемы обогатилась трудами И. В. Зайцева (2004, с. 216), В. В. Трепавлова (2010), В. А. Виноградова (2007) и мн. др. Обращались к этой теме и белорусские ученые А. Любая (2011, с. 56-74) и Н. Воронин (2011, с. 127-149).

Исследованиями показано, что до вступления в дипломатическую игру Московского государства, Большой Орды и Османской империи фактически единственным партнером Крымского ханства являлось Великое Княжество Литовское, за исключением колонии генуэзцев. Прибытие же в 1474 г. к Менгли-Гирею первого русского посольства с предложением наступательного союза против польского короля и великого князя литовского Казимира IV и хана Большой Орды Ахмата привело к трещине в отношениях с Литвой и Польшей (Любая, 2011, с. 56-74). Заслуживают упоминания предположение, согласно которому захват Киева в 1482 г. татарами окончательно разрушил систему крымско-литовских дипломатических отношений, основанную на общности интересов и практике письменных обязательств. Что обоюдная заинтересованность Литвы с Польшей и Крыма в мирных отношениях привела к формированию института «закладничества» – посылке заложника из ближайшего окружения хана в качестве гаранта выполнения крымским ханом принятых обязательств. Что при воссоздании международных отношений не следует ограничиваться выяснением роли двух контрагентов (Крыма и ВКЛ), а необходимо выяснять характер и формы отношений Великого княжества Литовского с Большой Ордой, Русским и Османским государствами. Что лишь при условии выполнения этого условия можно представить картину в целом и разобраться в векторах политической линии Крымского ханства и Великого княжества Литовского. Что в конце XV в. отношения Московского княжества с Крымским ханством определялись совместной борьбой с общим противником – Большой Ордой, а позднее обуславливались противостоянием Москвы и Литвы. Наконец то, что А. Л. Хорошкевич (2001, с. 336) предприняла попытку обобщения мировой историографии проблемы и предложила типологию международных отношений средневековой Руси.

Несмотря на свойственную современной историографии широту спектра взглядов на отношения Московского государства с тюрко-татарским миром, существующие точки зрения можно свести к двум концепциям. Согласно первой, решающую роль в постордынском мире играла Османская империя, вынашивавшая агрессивные планы в отношении Поволжья и стремившаяся к гегемонии в Восточной Европе. Согласно второй, Османская Порта оставалась безучастной к тому, что происходило в Восточной Европе, интересуясь лишь торговыми контактами с Россией. Сторонники обеих концептуальных воззрений признают Крым в качестве проводника турецкой политики, но при этом по-разному оценивают степень самостоятельности ее действий.

Одну из граней межгосударственных отношений в Восточной Европе составляют взаимоотношения Крымского юрта с Казанским, разработка этого аспекта темы осуществляется достаточно активно, несмотря на малочисленность уцелевших источников (Флоря, 2011, с. 236-240). Одним словом если историография межгосударственных отношений Великого княжества Литовского с Крымским ханством имеет сложившуюся традицию. И уж тем более исследователи не обращались к сравнению и выявлению причин и характера различий в политической линии Великого княжества Литовского по отношению к двум различным татарским ханствам.

Такое положение дел связано, прежде всего, с тем, что историки изучали политическую историю и динамику международного статуса политических организмов, продолжающих свою жизнедеятельность: межгосударственные контакты Московского государства с постордынскими государствами и с Великим княжеством Литовским, и наоборот. Или же изучались отношения потенциально обреченных на взаимные контакты государств, располагавшихся смежно и имевших общие границы. Дипломатические же контакты Литвы и Казани не принимались во внимание и в силу более раннего прекращения существования Казанского ханства и присоединения его к Русскому государству, чем это произошло с Крымским ханством. В силу относительной непродолжительности исторического «разбега» и наступившей остановки развития контактов между Литвой и Казанью, они оказались в «тени» более ярких и длительных взаимоотношений, каковыми являлись межгосударствен-

ные отношения Казани и Москвы, а затем Крыма и Москвы, Москвы и Литовского государства, Литвы и Крыма.

Выводы

Данный «перекос» в воссоздании истории дипломатических связей между политическими образованиями на территории Восточной Европы в конце XV – первой половине XVI вв., безусловно, связан и с крайней узостью источниковой основы проблемы. К сожалению, катастрофически мало уцелело документальных свидетельств, отражающих выбранную тему. Актовые материалы и посольские книги по связям Казанского ханства с Московским княжеством погибли в эпоху «казанских» войн и в Смутное время, остаются крайне малоизвестными источники, таящиеся в недрах архивов Польши, Литвы и других стран. Да и отложившиеся в Российском государственном архиве древних актов 22 посольские книги по связям России с Крымом практически не опубликованы, если не принимать во внимание извлечения, изданные Н. И. Новиковым в XVIII в. и извлечения, увидевшие свет в сборниках Русского исторического общества в XIX в.

Заключение

Изучение политических контактов Великого княжества Литовского с Крымским и Казанским юртами показало, что эти отношения различались по характеру и форме. Существование общих границ и частые военные рейды на окраины княжества, нуждавшихся в средствах к существованию крымских татар, с одной стороны, и нежелание усиления Московского княжества, с другой, заставляли литовских князей прилагать усилия к предупреждению возможных нападений крымцев, и стараться склонить хана к союзу против великого князя. При этом сама Литва поддерживала Большую Орду, в ликвидации которой были заинтересованы Москва и Крым. Пространственно удаленное от Литвы, основанное чингизидами Казанское ханство, являвшееся объектом притязаний Москвы и Крыма, и не находившееся в военной с ней конфронтации воспринималось Литвой в качестве потенциального союзника против главного «недруга» – Московского государства. И если литовский князь воспринимал Крымский юрт в качестве неприятеля, с которым выгоднее жить

в «худом» мире, то к Казани относился как к потенциальному союзнику против московского князя. В комбинации, разыгрываемой Великим княжеством Литовским, некая скрепляющая роль отводилась Османской Порте, «повелительнице» и защитнице мусульман.

Литература

Виноградов А. В. Русско-крымские отношения. 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Москва, 2007. Т. 1–2.

Воронин В. А. Из истории взаимоотношений Великого Княжества Литовского с татарами в конце XV – первой трети XVI в. Хан Шыг-Ахмет. *Studia Historica Europae Orientalis* // Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011. 127–149 с.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1, Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды, Крым-Бахчисарай, 2010. С. 25–50.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Образование и развитие Золотой Орды в XIII–XIV вв. Часть I., Золотая Орда и её падение, М.-Л., 1950.

Гулевич В. Казимир Ягайлович и Менгли-Гирей (от враждебных отношений к дружбе). Научно-исторический журнал, Вып. 1. Киев, 2013. 40–66 с.

Зайцев И. Л. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. Москва, 2004. 216 с.

Колодзейчик Д. Крымское ханство и Польша-Литва: международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII вв.): исследование мирных договоров с последующим аннотированных документов. Лейден-Бостон, 2011. XXXVI, 1109 с.

Коляновский Л. Проблема Крыма в истории династии Ягеллонов. Исторические очерки. Львов, 1935. 279–300 с.

Любая А. А. Институт закладников в дипломатических отношениях Великого Княжества Литовского и Крымского Ханства в конце XV – первой четверти XVI в. Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3, Казань, 2011. 56–74 с.

Мустафина Д. А., Мустакимов И. А. Крымский юрт и Блистательная Порта: историография взаимоотношений в эпоху правления Девлет-Ги-

рея (отражение крымско-османских отношений в отечественной историографии до начала 90-х гг. XX века). Эхо веков, 2017. № 1–2, 187–211 с.

Охмянски И. Организация Обороны в Великом княжестве Литовском до нападений крымских татар в XV–XVI вв. SMHW, 1960. Т.5. 161–398 с.

Пилипчук Я. В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492. Золотоордынская цивилизация, Вып. 8, Казань, 2015. 312–325 с.

Подгорецкий К. Крымское ханство и его отношения с Польшей. Варшава, 1987. 359 с.

Пуласки К. Отношения с Менгли-Гиреем, Польские отношения с Татарщиной во второй половине XV в. Краков-Варшава, 1991. 449 с.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889.

Трепавлов В. В. Золотая Орда в XIV столетии. Москва, 2010.

Ульяновский В. Киевский воевода в Крыму. Сугдейский сборник, Вып. 2, Киев-Судак: Академперіодика, 2005. 357–373 с.

Флоря Б. Н. Две грамоты Сахиб-Гирея. Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир, Вып. 10, Москва, 2001. 236–240 с.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. Москва, 2001. 336 с.

Черкас Б. Степной литовский щит. Украинское войско Гедиминовичей (XIV–XVI вв.). Киев, 2011. 144 с.

Шваб М. М., Русско-крымские отношения середины XVI – первых лет XVII веков в отечественной историографии 1940-х – 2000-х гг. Сургут, 2011.

Сведения об авторах

Бахтегариев А. Р., Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Гатин Марат Салаватович, канд. ист. наук (доцент) кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Мустафина Дина Абдулбаровна, канд. ист. наук (доцент), Институт международных отношений, отделение Высшая школа историче-

ских наук и всемирного культурного наследия, кафедра регионоведения и евразийских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Фахрутдинов Раиль Равилович, д-р ист. наук, профессор, Институт международных отношений, отделение Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия, кафедра регионоведения и евразийских исследований, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Хайрутдинов Рамиль Равилович, канд. ист. наук, доцент, иректор института международных отношений, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

References

Grekov B. D., Yakubovskii A. Yu. *Obrazovanie i razvitie Zolotoi Ordy v XIII-XIV vv. Chast' I., Zolotaya Orda i ee padenie*, M.-L., 1950.

Trepavlov V. V. *Zolotaya Orda v XIV stoletii*. Moskva, 2010.

Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoi Porty v XVIII v. do prisoedineniya ego k Rossii*, Odessa, 1889.

Shvab M. M., *Russko-krymskie otnosheniya serediny XVI – pervykh let XVII vekov v otechestvennoi istoriografii 1940-kh – 2000-kh gg.* Surgut, 2011.

Pulaski K. *Otnosheniya s Mengli-Gireem, Pol'skie otnosheniya s Tatarshchinoi vo второй polovine XV v.*, Krakov-Varshava, 1991. 449 s.

Kolyanovskii L. *Problema Kryma v istorii dinastii Yagellonov. Istoricheskie ocherki*, L'vov, 1935. 279–300 s.

Podgoretskii K. *Krymskoe khanstvo i ego otnosheniya s Pol'shei*. Varshava, 1987. 359 s.

Okhmyanski I. *Organizatsiya Oborony v Velikom knyazhestve Litovskom do napadenii krymskikh tatar v XV–XVI vv.* SMHW, 1960. T. 5. 161–398 s.

Kolodzeichik D. *Krymskoe khanstvo i Pol'sha-Litva: mezhdunarodnaya diplomatiya na evropeiskoi periferii (XV–XVIII vv.): issledovanie mirnykh dogovorov s posleduyushchim annotirovannykh dokumentov*. Leiden-Boston, 2011. XXXVI, 1109 s.

Ul'yanovskii V. Kievskii voevoda v Krymu. Sugdeiskii sbornik, Vyp. 2, Kiev-Sudak: Akademperiodika, 2005. 357–373 s.

Cherkas B. Stepnoi litovskii shchit, Ukrainskoe voisko Gediminovichei (XIVXVI vv.), Kiev, 2011. 144 s.

Gulevich V. Kazimir Yagailovich i Mengli-Girei (ot vrazhdebnykh otnoshenii k družbe). Nauchno-istoricheskii zhurnal, Vyp. 1, Kiev, 2013. 40–66 s.

Gaivoronskii O. Poveliteli dvukh materikov. T. 1, Krymskie khany XV–XVI stoletii i bor'ba za nasledie Velikoi Ordy, Krym-Bakhchisarai, 2010. 25–50 s.

Pilipchuk Ya. V. Tatarskaya politika Kazimira IV, 1480–1492. Zolotoordynskaya tsivilizatsiya, Vyp. 8, Kazan', 2015. 312–325 s.

Mustafina D. A., Mustakimov I. A. Krymskii yurt i Blistatel'naya Porta: istoriografiya vzaimootnoshenii v epokhu pravleniya Devlet-Gireya (otrazhenie krymsko-osmanskikh otnoshenii v otechestvennoi istoriografii do nachala 90-kh gg. KhKh veka). Ekho vekov, 2017. № 1–2, 187–211 s.

Zaitsev I. L. Mezhdru Moskvoi i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI vv.). Ocherki. Moskva, 2004. 216 s.

Vinogradov A. V. Russko-krymskie otnosheniya. 50-e – vtoraya polovina 70-kh godov XVI veka. Moskva, 2007. T. 1-2.

Lyubaya A. A. Institut zakladnikov v diplomaticeskikh otnosheniyakh Velikogo Knyazhestva Litovskogo i Krymskogo Khanstva v kontse XV – pervoi chetverti XVI v. Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Vyp. 3, Kazan', 2011. 56–74 s.

Voronin V. A. Iz istorii vzaimootnoshenii Velikogo Knyazhestva Litovskogo s tatarami v kontse XV – pervoi treti XVI v. Khan Shyg-Akhmet. Studia Historica Europae Orientalis // Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy. Minsk, 2011. 127–149 s.

Khoroshkevich A. L. Rus' i Krym. Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV – nachalo XVI vv. Moskva, 2001. 336 s.

Florya B. N. Dve gramoty Sakhib-Gireya. Slavyane i ikh sosedi. Slavyane i kochevoi mir, Vyp. 10, Moskva, 2001. 236–240 s.

About the authors

A. R. Bahtegariev, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Marat S. Gatin, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Tatar Studies and Turkology of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Dina A. Mustafina, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Institute of International Relations, Department of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Rail R. Fakhrutdinov, professor, Dr. Sci. (Hist.), Institute of International Relations, Department of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Ramil R. Khairutdinov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Director of the Institute of International Relations, Institute of International Relations, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Дата поступления 22.03.2018

УДК 94

Сведения ливонских источников XIII–XVI вв. о татарах

М. С. Гатин

E-mail: marat_gata@mail.ru

Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью расширения источниковой базы изучения истории и культуры татар XIII–XVI вв. Цель статьи заключается в том, чтобы в выявлении данных о татарах в ливонских письменных источниках XIII–XVI вв. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является проблемно-хронологический подход. Основные результаты исследования заключаются в расширении и дополнении сведений по истории и культуре Улуса Джучи (Золотой Орды) и татарских государств ее наследников. Выделены основные группы ливонских письменных источников. Материалы статьи могут быть полезными для исследователей Монгольской империи, Золотой Орды, татарских ханств Восточной Европы.

Ключевые слова: Ливонский орден, Тевтонский орден, Золотая Орда, Улус Джучи, татары, Генрих Латвийский (Heinrich von Lettland, Henricus de Lettis), Герман Вартбергский (Hermann von Wartberge), Балтазар Руссов (Balthasar Rüssow), К. Э. Напиерский (С. Е. Napiersky), Ф. А. Бунге (F. G. von Bunge).

Для цитирования: Гатин М. С. Сведения ливонских источников XIII–XVI вв. о татарах. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018;38(3-4):23–33.

Livonian sources of XIII–XVI centuries about the Tatars

M. Gatin

E-mail: marat_gata@mail.ru

Kazan Federal University

Kazan, Russia

Abstract. The urgency of the problem under study is due to the need to expand the source base for studying the history and culture of Tatars of the XIII–XVI centuries. The purpose of the article is to identify data on Tatars in Livonian written sources of the XIII–XVI centuries. The leading approach to the study of this problem is the problem-chronological approach. The main results of the study are to expand and supplement information on the history and culture of Ulus Juchi (Golden Horde) and the Tatar states of its heirs. The main groups of Livonian written sources are highlighted. The article materials may be useful for researchers of the Mongol Empire, the Golden Horde, the Tatar khanates of Eastern Europe.

Keywords: Livonian Order, Teutonic Order, Golden Horde, Ulus Juchi, Tatars, Heinrich v. Lettland, Henricus de Lettis, Hermann von Wartberge, Balthasar Rüssow, C. E. Nap CE Napiersky), F. A. Bunge (FG von Bunge).

For citation: Gatin M. Information Livonian sources XIII–XVI centuries about Tatars. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):23–33. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, наряду с изданием научных статей, монографий и других работ в изучении истории первостепенное место занимает исследование источников. Данная статья посвящена сведениям ливонских исторических источников о татарах XIII–XVI вв.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

При написании данной статьи использовался описательно-повествовательный, иначе говоря, нарративный метод. Использование дан-

ного метода обусловлено недостаточным на сегодняшний день использованием и анализом исторических источников по истории татар, происходящих из удаленных от мест их компактного проживания регионов Евразии.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Ливонские исторические источники, информирующие нас о татарах указанного времени, условно можно разделить на две основные группы:

- 1) нарративные («Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, «Хроника» Германа Вартбергского, «Хроника провинции Ливонии» Бальтазара Руссова); и
- 2) документальные, которые были опубликованы в сборниках К. Э. Напьерского и Ф. А. Бунге.

Нарративные источники

«Хроника Ливонии» Генриха Латвийского

Автором сочинения «Chronicon Livoniae» является немецкий миссионер Генрих Латвийский (нем. Heinrich von Lettland, лат. Henricus de Lettis), происходящий предположительно родом из Магдебургской округи. Уже в детском возрасте он оказался в Ливонии. Умер Генрих после 1259 г. «Хроника Ливонии» написана на латинском языке около 1227 г. Сочинение предположительно адресовано папскому легату Вильгельму Моденскому, прибывшему в Ливонию для решения земельных споров между духовными и светскими феодалами (Генрих Латвийский, 1938, с. XI–XV, 1 67; Arbusow, Bauer, 1955, S. V–LI). Сведения о татарах Генриха Латвийского ниже даны в русском переводе С. А. Аннинского.

Генрих Латвийский в духе классического Средневековья рассматривает действия татар как божественное орудие. Так о смерти после 1221 года очевидно на реке Калке неназванного новгородского князя автор пишет: «Разве не послала она (дева Мария) смерть от руки татар на другого новгородского короля, во второй раз разграбившего Ливонию?». Вопрос о том, какого князя имел в виду Генрих Латвийский, очевидно не может быть решен. Возможно, в этом образе слилось несколько исто-

рических персоналий. (Генрих Латвийский, 1938, с. 216–217; Arbusow, Bauer, 1955, S. 179) Здесь, как кажется, необходимо пояснение. О каком же князе пишет Генрих Латвийский? Возможно, здесь речь идет о Всеволоде Юрьевиче. Под 1222 годом Новгородская Четвертая летопись пишет, что юный князь Всеволод Юрьевич – сын великого князя владимирского Юрия Всеволодовича из-за конфликта с боярами бежал из города (Новгородская Четвертая летопись, 1915, с. 201). Лаврентьевская летопись относит эти события к 1223 году (Летопись по Лаврентьевскому списку, 1897, с. 423).

Генрих Латвийский дает также сведения о действиях татар в 1222/1223 г. на территории Восточной Европы, в которых видятся события битвы на реке Калке. «В тот год (1222/23) в земле вальвов-язычников были татары... Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы, и бежали они перед врагами. И пал великой король Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов, что были при нем.

Другой же король, Мстислав галицкий, спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один Бог), прочие же бежали [...]» (Генрих Латвийский, 1938, с. 222–233; Arbusow, Bauer, 1955, s. 186–187).

«Хроника» Германа Вартбергского

Герман Вартбергский (Hermann von Wartberge, ок. 1330 – ок. 1380) – капеллан, предположительно был родом из Вестфалии, лично участвовал в походах против язычников. Язык сочинения “Chronicon Livoniae” – латинский. Труд датируется 1380 г. Русский перевод был осуществлен Е. В. Чешихин-Ветринским (1879, с. 83–158.). Автор дает в своем труде информацию и о татарах. Под 1358 г. в рассказе о переговорах послов великого магистра с великим князем литовским по вопросу о принятии католичества среди предложений литовцев дано и следующее: «Далее,

они потребовали, чтобы орден, для защиты их от нападения татар, был переведен в пустыни между татарами и русскими, и чтоб орден не удерживал за собой никакого права на русских, но чтобы вся Россия целиком принадлежала литовцам».

«Хроника провинции Ливонии» Бальтазара Руссова

Бальтазар Руссов (Рюсов) (Balthasar Rüssow, 1536–1600) был немецким (или же эстонским) христианским проповедником и учителем в Ревеле. Свой труд он оставил на немецком языке – “Chronica der Provinz Lyfflandt”. Сочинение датируется 1584 г. Русский перевод был сделан Чешихин-Ветринским Е. В. (1879, с. 159–406).

Бальтазар Руссов в своем сочинении помимо прочего дает информацию о Казанском и Астраханском ханствах. Под 1551 и 1552 гг. Бальтазар Рюссов описывает походы Ивана IV на Казань. Характеризуя ханства на Волге, автор заключает: «пока оба эти татарские цари владели еще своими царствами, это было большой опорой и выгодой для ливонцев. Но после завоевания этих царств, московиты стали чересчур сильны не только для провинции Ливонии, но и для других соседних держав». «Когда сословия ливонские услышали о счастии московитов и об их победе над татарскими царствами, они хорошо знали, что теперь конец продолжительному миру и что теперь им будет плохо». В гибели татарских государств на Волге автор винит и ливонцев: «порох и свинец и различные боевые принадлежности привозились из Германии, немецкие и ливонские купцы в изобилии продавали их московиту; теперь он мог этими снарядами подчинять себе их самих и другие народы». Кроме того, даны также сведения о восстании татар в Поволжье против новой власти московского царя в начале 1580-х гг. Описывая события Ливонской войны, Бальтазар Рюссов многократно свидетельствует об участии татарских отрядов в составе русского воска в войне против ливонцев, описывая их грабежи и насилие. При этом автор метко подмечает, что Сигалей (Шейх (Шах)-Али) это «пленный татарский король». Упоминается о посещении в 1559 г. Ливонии татарского посольства (очевидно, крымского хана Девлет-Гирея), о его походе на Москву в 1571 г., о крымских посольствах в Швецию (1579, 1581).

Документальные источники

Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's. Riga; Dorpat, 1833–1835. 2 тома.

Составителем сборника документов является лифляндский историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук Карл Эдуард (Эдуард Яковлевич) Напиерский (1793–1864). Язык издания немецкий. В сборнике можно обнаружить следующие сведения о татарах.

Сообщение Казимира Великого около 1343–1346 гг. вероятно из Кракова, о том, что семеро татарских князей на подходе к нему для борьбы против литовцев (Index, 1833, S. 98).

Сообщение от 1397 г. из Динабурга о войне Токтамыша с Тимур(-Кутлуг)ом и об отправке Витовтом мортир для осады Киева.

Сообщение предположительно от 1399 г. о заключении Витовта мира с татарским императором.

Сообщение от 1400 г. о посольстве к Витовту нового татарского императора (с. 138).

Сообщение от 6 июля 1412 г. из Трока о войне Витовта с татарами.

Известие от 1418 г. о том, что Витовту удалось обратить в христианство татар.

Сообщение от 1420 г. о намерении Витовта вторгнуться в Ливонию и Пруссию с помощью 8-тысячного татарского войска.

Донесение от 31 марта 1421 г. из Динабурга об уходе татар из Литвы, которые разбили Свидригайло, 30 пленных его людей было отправлено Витовту, который велел их обезглавить.

Известие от 1422 г. о помощи татарского императора Витовту при осаде им Лёбау (Любавы) (с. 232).

Сообщение Свидригайло от 4 сентября 1432 г. из Полоцка о том, что он имел в своем распоряжении трех татарских «генералов» (с. 287).

Известие от 20 апреля 1511 г. об успешных переговорах Кристофа фон Шляйница с Михаилом Глинским по противодействию польско-татарскому сближению.

*Liv-, Esth- und Churländische Urkundenbuch nebst Regesten. Reval;
Riga; Moskau; Hamburg, 1853-1958. 15 томов.*

Составителем собрания является остзейский юрист и историк, профессор Дерптского университета Фридрих-Георг (Фёдор Андреевич) фон Бунге (1802–1897). Язык издания немецкий и латинский.

В собрании были выявлены следующие сообщения о татарах.

Призыв от 15 июля 1258 г. римского папы Александра IV проповедовать в Пруссии и Ливонии крестовый поход против язычников и татар.

Заявление от 25 января 1260 г. папы римского Александра IV о непризнании перехода под власть русских и татар земель ордена.

Призыв от 9 сентября 1260 г. папы римского Александра IV к маркграфу Бранденбурга выступить в поход против татар, призыв к духовенству Ливонии проповедовать крестовый поход против татар.

Призыв от 8 апреля 1261 г. римского папы Александра IV епископам Куявии и Хелмно помочь крестоносцам в Пруссии и Ливонии в борьбе против татар.

Сообщения от 3 декабря 1340 г. прусских епископов об угрозе татарского вторжения в Пруссию, Ливонию и Курляндию.

Известие от 4 июля 1415 г. о союзе Витовта с татарским кайзером.

Сообщение от 31 марта 1421 г. комтура Динабурга об уходе татарских отрядов из Литвы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Ливонские исторические письменные источники были изучались как российскими, так немецкими историками. Первыми издателями ливонских источников были остзейские историки Иоганн Готфрид Арндт (1713–1767) (Heinrich von Lettland (1747), Heinrich von Lettland (1753)), Карл Эдуард (Эдуард Яковлевич) Напиерский (1793—1864) (Index (1833–1835)) и Фридрих-Георг (Фёдор Андреевич) фон Бунге (1802—1897) (Liv-, Esth- und Churländische Urkundenbuch nebst Regesten (1853–1958)) и Эдуард Папбст (1815–1882) (Balthasar Rüssow's Livländische Chronik (1848)). Они внесли громадный вклад в дело собирания и издания источников по истории Ливонии – Лифляндии. Изучением ливонских источников занимались Е. В. Чешихин-Ветринский (Ливонская хроника Баль-

тазара Рюссова (1879), Ливонская хроника Германа Вартберга (1879)), С. А. Аннинский (Генрих Латвийский (1938)), Леонид Арбузов и Альберт Бауэр (Arbusow, L., & Bauer, A. (1955)). В данной же статье главное внимание было приковано к сведениям ливонских источников о татарах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно отметить, что сведения ливонских письменных источников о татарах XIII–XVI вв. носят, как правило, фрагментарный характер. Но, несмотря на это, они дают возможность расширить представление историку о политических перипетиях в Восточной Прибалтике XIII–XVI вв. и роли в них татар.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Материал статьи представляет интерес для специалистов, которые занимаются историей Золотой Орды, татарских ханств, Ливонского и Тевтонского орденов, Великого княжества Литовского, Польши и России.

Литература

Arbusow L., & Bauer A. Heinrichs Livländische Chronik. 2. Aufl. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1955. 255 S.

Balthasar Rüssow's Livländische Chronik. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit kurzen Anmerkungen versehen von Eduard Pabst. Reval. 1848. 348 S.

Heinrich von Lettland. Der Liefländischen Chronik. Erster Theil. Von Liefland unter seinen ersten Bischöfen, welcher die alte Geschichte der Russen, Deutschen, Schweden, Dänen, Esthen, Liven, Letten, Litthauer, Curen und Semgallen erleutert. Oder die Origines Livoniae sacrae et civilis, wie solche der königl. Hofrath und Bibliothekarius Herr Johann Daniel Gruber aus einem alten Manuscript Lateinisch herausgegeben und mit gelehrten Noten versehen, nunmehr aber aus anderen Handschriften ergänzt, mit der nöthigsten Anzeige der verschiedenen Lesarten wie auch mit kurzen Anmerkungen begleitet und ins Deutsche übersetzt von Johann Gottfried Arndt, der Schule zu Arensburg auf Oesel Rector. Halle im Magdeburg: gedruckt bey Joh. Justinus Gebauer, 1747. 232 S.

Heinrich von Lettland. Der Liefländischen Chronik Andrer Theil : Von Liefland unter seinen Herren Meistern, welche die alte Geschichte des Ordens und der benachbarten Völker erleutert : Sowol mit Zuziehung der gedruckten und ungedruckten Schriftsteller als fürnemlich aus einer zalreichen Menge alter Documente im Original, beglaubten Copeien und andern Abschriften zusammen getragen [...] (Übersetzt und hrsg. v. Johann Gottfried Arndt). Halle: Gebauer. 1753. 364 S.

Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's. Riga; Dorpat. 1833–1835. Bd. 1. 375 S. Bd. 2. 414 S.

Liv-, Esth- und Churländische Urkundenbuch nebst Regesten. Reval; Riga; Moskau; Hamburg. 1853–1958 Bd. 1. S. 190. Bd. 2. S. 186. Bd. 3. S. 202. Bd. 4. S. 948. Bd. 5. S. 1071.

Pabst E. Heinrich's von Lettland Livländische Chronik. Ein getreuer Bericht wie das Christenthum und die deutsche Herrschaft sich im Lande der Liven, Letten und Ehsten Bahn gebrochen. Nach Handschriften mit vielfacher Berichtigung des üblichen Textes aus dem Lateinischen übersetzt und erläutert. Reval: Gressel 1867. 385 S.

Scriptores rerum Livonicarum (1846). Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland, in genauem Wiederabdrucke der besten, bereits gedruckten, aber selten gewordenen Ausgaben. Erste Lieferung. Riga und Leipzig: Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir. 906 S.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, пер. и коммент. С. А. Аннинского. 2-е изд. М.-Л: Изд-во АН СССР, 1938. 607 с.

Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. 3-е. СПб.: Археографическая комиссия. 1897. 512 с.

Новгородская Четвертая летопись: Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. Пг: Типография Башмаков и К. 1915. 320 с.

Чешихин-Ветринский Е.В. Ливонская хроника Бальтазара Рюссова: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига. 1879. Т. II. С. 159–406.

Чешихин-Ветринский Е. В. Ливонская хроника Германа Вартберга: Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига. 1879. Т. II. С. 83–158.

Сведения об авторе

Гатин Марат Салаватович, канд. ист. наук (доцент) кафедры татароведения и тюркологии Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

References

Arbusow L. & Bauer A. Heinrichs Livländische Chronik. 2. Aufl. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1955. 255 S.

Balthasar Rüssow's Livländische Chronik. Aus dem Plattdeutschen übertragen und mit kurzen Anmerkungen versehen von Eduard Pabst. Reval. 1848. 348 S.

Heinrich von Lettland. Der Liefländischen Chronik. Erster Theil. Von Liefland unter seinen ersten Bischöfen, welcher die alte Geschichte der Russen, Deutschen, Schweden, Dänen, Esthen, Liven, Letten, Litthauer, Curen und Semgallen erleutert. Oder die Origines Livoniae sacrae et civilis, wie solche der königl. Hofrath und Bibliothekarius Herr Johann Daniel Gruber aus einem alten Manuscript Lateinisch herausgegeben und mit gelehrten Noten versehen, nunmehr aber aus anderen Handschriften ergänzt, mit der nöthigsten Anzeige der verschiedenen Lesarten wie auch mit kurzen Anmerkungen begleitet und ins Deutsche übersetzt von Johann Gottfried Arndt, der Schule zu Arensburg auf Oesel Rector. Halle im Magdeburg: gedruckt bey Joh. Justinus Gebauer, 1747. 232 S.

Heinrich von Lettland. Der Liefländischen Chronik Andrer Theil : Von Liefland unter seinen Herren Meistern, welche die alte Geschichte des Ordens und der benachbarten Völker erleutert : Sowol mit Zuziehung der gedruckten und ungedruckten Schriftsteller als fürnemlich aus einer zalreichen Menge alter Documente im Original, beglaubten Copeien und andern Abschriften zusammen getragen [...] (Übersetzt und hrsg. v. Johann Gottfried Arndt). Halle: Gebauer. 1753. 364 S.

Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's. Riga; Dorpat. 1833–1835. Bd. 1. 375 S. Bd. 2. 414 S.

Liv-, Esth- und Churländische Urkundenbuch nebst Regesten. Reval; Riga; Moskau; Hamburg. 1853–1958 Bd. 1. S. 190. Bd. 2. S. 186. Bd. 3. S. 202. Bd. 4. S. 948. Bd. 5. S. 1071.

Pabst E. Heinrich's von Lettland Livländische Chronik. Ein getreuer Bericht wie das Christenthum und die deutsche Herrschaft sich im Lande der Liven, Letten und Ehsten Bahn gebrochen. Nach Handschriften mit vielfacher Berichtigung des üblichen Textes aus dem Lateinischen übersetzt und erläutert. Reval: Gressel 1867. 385 S.

Scriptores rerum Livonicarum (1846). Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland, in genauem Wiederabdrucke der besten, bereits gedruckten, aber selten gewordenen Ausgaben. Erste Lieferung. Riga und Leipzig: Eduard Frantzen's Verlags-Comptoir. 906 S.

Genrikh Latviiskii. Khronika Livonii. Vvedenie, per. i komment. S. A. Anninskogo. 2-e izd. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. 607 p.

Letopis' po Lavrentievskomu spisku. Izd. 3-e. SPb.: Arkheograficheskaya komissiya. 1897. 512 s.

Novgorodskaya Chetvertaya letopis': Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 4. Ch. 1. Pg: Tipografiya Bashmakov i K. 1915. 320 s.

Cheshikhin-Vetrinskii E.V. Livonskaya khronika Bal'tazara Ryussova: Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraia. Riga. 1879. T. II. S. 159–406.

Cheshikhin-Vetrinskii E. V. Livonskaya khronika Germana Vartberga: Sbornik materialov i statei po istorii Pribaltiiskogo kraia. Riga. 1879. T. II. S. 83–158.

About the authors

Marat S. Gatin, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Tatar Studies and Turkology of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Дата поступления 17.04.2018

УДК 94

Татары-мусульмане Оренбурга в российской торговле со Средней Азией во второй половине XVIII в.

**З. М. Шадыметова, Д. А. Мустафина,
М. С. Гатин, А. А. Гатин, Р. Р. Фахрутдинов**

E-mail: shadymetova@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань,
Россия

Аннотация: Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что активный обмен произведенными товарами, технологическими достижениями, духовными ценностями и информацией между народами и цивилизациями является одним из неперенных условий существования общества. Выявление путей и механизмов эволюции различных сфер общества диктует изучение истории одной из форм контактов между пространственно удаленными областями и этносами, способа и формы обмена – торговли. Цель статьи заключается в определении роли и значения татар Оренбуржья в развитии торгово-дипломатических отношений Российского государства со странами Среднего Востока во второй половине XVIII в. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы стал общенаучный метод анализа и синтеза.

В статье раскрыты причины заинтересованности России в торговых контактах со странами Среднего Востока, прослежено формирование условий для организации внешней торговли со странами Средней Азии во второй половине XVIII в. Показаны результаты реализации российской политики на Востоке, освещена роль татар в сложении основ междуна-

родной торговли и установлении дипломатических контактов со Средней Азией, описаны меры, принятые правительством для обеспечения безопасности торговцев. Материалы статьи могут быть полезными для представления особенностей проникновения российского купечества в восточные страны, установления дипломатических контактов России со странами Среднего Востока во второй половине XVIII столетия.

Ключевые слова: История, город Оренбург, Средняя Азия, восточная торговля, татары, торгово-дипломатические отношения.

Для цитирования: Шадиметова З. М., Мустафина Д. А., Гатин М. С., Гатин А. А., Фахрутдинов Р. Р. Татары-мусульмане Оренбурга в российской торговле со Средней Азией во второй половине XVIII в. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018;38(3-4):34–47.

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с Программой Правительства Российской Федерации по конкурентному росту Казанского федерального университета.

Tatar muslims of orenburg in the russian trade with the countries of the middle east in the second half of the XVIII century

**Z. Shadymetova, D. Mustafina,
M. Gatin, A. Gatin, R. Fakhrutdinov**
E-mail: shadymetova@mail.ru
Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The urgency of the problem under study is due to the fact that the active exchange of goods produced, technological advances, spiritual values and information between peoples and civilizations is one of the indispensable conditions for the existence of society. The identification of the ways and mechanisms of evolution of various spheres of society dictates the

study of the history of one of the forms of contacts between spatially distant regions and ethnic groups, the method and form of exchange - trade. The purpose of the article is to determine the role and importance of the Tatars of Orenburg in the development of trade and diplomatic relations of the Russian state with the countries of the Middle East in the second half of the XVIII century. The general scientific method of analysis and synthesis has become the leading approach to the study of this problem.

The article reveals the reasons for Russia's interest in trade contacts with the countries of the Middle East, traced the formation of conditions for the organization of foreign trade with the countries of Central Asia in the second half of the XVIII century. The results of the implementation of the Russian policy in the East are shown, the role of the Tatars in laying down the foundations of international trade and establishing diplomatic contacts with Central Asia is highlighted, and measures taken by the government to ensure the security of the merchants are described. The materials of the article can be useful for presenting the peculiarities of the penetration of Russian merchants in the eastern countries, the establishment of diplomatic contacts of Russia with the countries of the Middle East in the second half of the XVIII century.

Keywords: History, Orenburg city, Central Asia, Eastern trade, Tatars, trade and diplomatic relations.

For citation: Shadymetova Z., Mustafina D., Gatin M., Gatin A., Fakhrutdinov R. Tatar muslims of orenburg in the russian trade with the countries of the Middle East in the second half of the XVIII century. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):34–47. (In Russ.)

Acknowledgements: The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

ВВЕДЕНИЕ

К началу XVIII в. Россия успешно освоила волжский торговый путь и предприняла ряд шагов протекционистского характера, направленных

на защиту интересов российского купечества. Модернизация страны в условиях затяжной Северной войны, частая смена правителей, народные волнения усугубили финансовые затруднения казны. Их преодоление отчасти связывалось с продвижением на Восток, с установлением постоянных торгово-дипломатических связей со странами Среднего Востока, Китаем и Индией (Шкунов, 2002, с. 17; 2009, с. 582). Средняя Азия входила в ареал мусульманского мира, торговая активность и культурные контакты которого не зависели от пространственных границ и политических катаклизмов. Однако в этом мире продолжали существовать сложившиеся в средние века стереотипы восприятия и отношения к человеку иной конфессии. Поэтому, учитывая общность культур, особенности религиозной идентичности и язык вступавших в торговые сделки, российское правительство привлекало к торговле с восточными странами татар (Гафарова, 1997, с. 287). В силу того, что торговые контакты позднего средневековья и начала нового времени были тесно переплетены с дипломатическими взаимоотношениями, трудно переоценить роль татар и в политических контактах России с Востоком (Матвиевский, 2005; Солонченко, 2007; Глуховский, 2006, с. 140–168; Шкунов, 1997). Указанными обстоятельствами объясняется актуальность и необходимость освещения вклада татар Оренбуржья в формирование торгово-экономических и политических взаимоотношений России со среднеазиатскими государствами. Именно эту задачу мы и попытаемся решить в настоящей статье.

Методы

К исследованию были привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники. Последние были извлечены из фондов Государственного архива Оренбургской области (ГАОО, ф. 1. оп. 1. д. 48; ф. 3. оп. 1. д. 27, 95; ф. 5. оп. 2. д. 1-5; ф. 6. оп. 1. д. 160, 199, 317, 347, 416; оп. 2. д. 625/1; ф. 339. оп. 1. д. 34). Весь комплекс источников по типовой классификации можно разделить на следующие группы: а) законодательные акты; б) делопроизводственные материалы; в) источники личного происхождения. В числе законодательных актов присутствуют материалы, отражающие обстоятельства основания города Оренбурга, политику правительства по отношению к купечеству и торговле, а также

извлечения из иностранных законодательных актов в переводе на русский язык. Делопроизводственные источники связаны с деятельностью Оренбургских экспедиций. Эта группа представлена промемориями, которыми обменивались органы власти, указами коллегий на базе сенатских, делами о русских посольствах, материалами специального документирования (посольские книги, извлечения из таможенных книг) и т. д. Источники личного происхождения – это преимущественно донесения (доношения), извлечения из челобитных, проектов и предложений, присутствующие в более поздних делопроизводственных материалах. Ведущим методом к исследованию данной проблемы является общенаучный метод анализа и синтеза.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследованием выяснено, что в политике правительства сочетались две составляющие. С одной стороны, произошло дальнейшее развитие протекционистских устремлений уставов 1653, 1667 и 1724 гг. положениями указа 1757 г. об отмене внутренних таможенных пошлин и различных мелких сборов, мешавших развитию рыночных связей, указа 1762 г. об отмене торгово-промышленных монополий, ограничивавших приток купеческого капитала в мануфактурное производство, указа 1763 г. о запрете впускать «азиатцев» во внутренние области России для торговли и принятия мер к поощрению торговцев (Солонченко, 2007, с. 50; Султангалиева, 2011, с. 28–29). С другой стороны, политическая линия правительства была направлена на продвижение России на Восток, в Среднюю Азию, с которой связывались надежды на развитие торговых отношений и накопление в казне серебра и денег еще со времен Петра I. Интерес к Востоку подогревался распространенными в России и на Западе рассказами о сказочных богатствах Среднего Востока, о месторождениях золота и драгоценных камней. Укрепившись на восточном побережье Каспийского моря, Петр I хотел освоить путь в Бухару и Хиву, а затем проложить кратчайший путь в Индию. Протяженность и опасности, таившиеся в степях и в самих среднеазиатских ханствах, предопределили эпизодичность посещений Хивы и Бухары российскими купцами. После неудачных экспедиций в Среднюю Азию, организованных в 1715 и 1717 гг., контакты с Хивой и Бухарой были и

вовсе прерваны. Предложение купца-татарина Ядигера-Мехмеда Муллы-Алимова сына Самаркандлу из Астрахани о возобновлении караванной торговли со среднеазиатскими ханствами, высказанное в 1726 г., осталось нереализованным. Поиск новых путей в среднеазиатские ханства стал главной задачей Оренбургской экспедиции, организованной в 1734 г. Ее руководитель И. К. Кирилов разработал обширный план мероприятий в отношении Средней Азии, реализацией которого занимались В. Н. Татищев и И. И. Неплюев. Последний, основываясь на разведывательных данных татарского купца М. Арсланова, развенчал надежды на сказочные прибыли от торговли со Средней Азией. Тем не менее, правительство не отказалось от желания наладить торгово-дипломатические контакты со странами Среднего Востока. К установлению этих связей оно традиционно привлекало татар. Эффективность такой политики была доказана на примере учреждения специальной Татарской слободы в Казани сразу после завоевания города в 1552 г. и предоставления служилым татарам права заниматься торговлей взамен несения военной службы и поместного жалования. Логическим продолжением этой политики стали указы от 11 февраля 1736 г. и 22 ноября 1776 г., покровительствующие торгующим татарам и ограничивающие доступ иностранным купцам во внутренние районы государства. Объявленное указом от 30 апреля 1763 г. ограничение допуска восточных купцов на внутренний российский рынок с тем, чтобы они не знали цены здешним товарам и не наносили убытков торгующим купцам, в свою очередь восходит к указу 1622 г.

Под запретом допущения среднеазиатских купцов внутрь России для торговли маскировались истинные опасения перед сбором иностранцами разведывательной военно-стратегической информации, стремление не допустить вывоз капитала (монет) из страны и, конечно, нежелание отказываться от прибыли, складывавшейся из разницы в цене товара. Отмеченные же ограничения ставили восточных купцов перед необходимостью найма приказчиков для провоза товаров вглубь Российской империи. Таковыми у среднеазиатских купцов становились преимущественно татары. Заручившись покровительством правительства, татарские купцы в свою очередь стремились занять главенствующие позиции и во внешней торговле (Султангалиева, 2011, с. 29).

Город Оренбург, основанный в середине XVIII в. в качестве опорной базы правительства, достаточно быстро превратился в новый центр торговли, сыгравший значительную роль в торговых контактах Российской империи с сопредельными странами Среднего Востока. В возникновении этого города и в организации торговли в нем существенную роль сыграли представители татарского этноса. Вопрос о приведении коммерции «в цветущее положение» поднимался купцами многих городов, но обычно он сводился к предоставлению вотчин, лавок и амбаров. И на этом фоне особое значение приобретает подвижническое служение интересам своей страны тех, кто обеспечивал условия для взаимного обмена и мирных контактов, умножавших благосостояние страны. Благодаря их активному участию и содействию, государство осуществляло контроль за подвластными казахскими жузами, вело торговые операции со Средней Азией, да и дальнейшее продвижение в Индию также обеспечивалось татарскими купцами.

В условиях отсутствия желающих добровольно переселиться в Оренбург, правительство приняло решение о переселении казанских татар в Оренбуржье. Тем более, что опыт ведения торговли с Востоком на примере Казани и Астрахани уже имелся. Выходцы из деревни Богатые Сабы Мамадышского уезда Казанской губернии, возглавляемые Сагитом Хаялиным, получили право основать отдельную слободу в приглянувшемся им месте близ Оренбурга и разрешение на строительство в ней мечети. Основатели новой слободы – Сеитовской или Каргалинской – были освобождены от всех пошлин и рекрутской повинности (Р. и А. Искандаровы, 2005; Денисов, 2006, с. 15–16). Во многом благодаря жителям этой слободы эпизодические и не всегда удачные торговые контакты приобрели характер постоянных взаимовыгодных торгово-дипломатических связей. Оренбургский регион стал связующим звеном между Западом и Востоком, между российской культурой и колоритной культурой народов сопредельных стран.

К концу XVIII в. слобода разрослась в крупный населенный пункт, в 1784 г. она получила статус посада с учреждением ратуши, а в 1787 г. – города. Численность населения в ней составляла около 13 тыс. человек. То обстоятельство, что Каргала представляла собой центр мусульманской культуры в Оренбургской губернии: в ней функционировало 11 ме-

четей и при каждой существовало медресе, способствовало поселению в ней азиатских купцов и становлению ее в качестве крупного центра стационарной и транзитной торговли между Россией и Средней Азией (Гафарова, 1997, с. 287; Хужаева, 2015, с. 352–356). Сеитовские татары составляли более половины всех купцов региона и были гораздо более предприимчивыми и самостоятельными, чем оренбургские купцы. Ярмарки, проходившие в Каргале, носили международный характер и имели большие обороты. Достаточно отметить, что за счет пошлинных сборов, собиравшихся в Оренбуржье, появилась возможность содержать Оренбургскую экспедицию, на которую из казны ежегодно отпускалось до 30 000 рублей. Имевшее место порою уменьшение таможенных сборов вызывалось тем, что кроме товаров облагаемых пошлиной, азиатские купцы ввозили в Оренбург много золота, серебра и драгоценных камней, которые пошлинами не облагались (Солонченко, 2007, с. 47).

Татары ввиду конфессиональной и языковой близости к жителям Центральной Азии, хорошо принимались на Востоке. Знание языка позволяло им собирать важные сведения о ханствах Средней Азии, их культуре, государственном устройстве, уровне социального, экономического и военного развития. Эта информация позволяла российскому правительству выстраивать гибкую политику по отношению к азиатским купцам, способствовавшую развитию торговли и дипломатических отношений со среднеазиатскими государствами, а в последующем и осуществлению колонизации всей Средней Азии.

ОБСУЖДЕНИЕ

Вопросы истории Оренбургского края и развития в нем торговли, в том числе о первом поселении татар под Оренбургом, о взаимоотношениях России со среднеазиатскими ханствами, поднимались в сочинениях П. И. Рычкова, И. И. Неплюева, В. В. Вельяминова-Зернова, Р. Фахретдина, Г. Ф. Генса, Е. К. Мейендорфа. Со второй половины XIX в. изучение политической, социально-экономической истории народов Поволжья, Южного Урала и Казахстана приобретает системный характер. Вопросы формирования регионального торгового рынка, формы организации и ведения торговли, динамика товарооборота на ярмарках были рассмотрены Н. И. Красовским и Д. Гельмгольцом. В работах по истории

городов Оренбурга, Троицка, Верхнеуральска, Орска поднимались вопросы торгового взаимодействия народов в регионе. В трудах А. Попова, И. И. Небольсина, В. М. Черемшанского, Н. И. Веселовского, А. Шепелева, С. В. Жуковского были освещены взаимоотношения России со среднеазиатскими ханствами. Все эти работы сближало обилие фактического материала и описательный констатирующий характер изложения (Шкунов, 2009; Михалева, 1982; Банникова, 2002; Матвиевский, 2005).

Изучением контактов России со Средней Азией и странами Востока в советской историографии активно занимались М. К. Рожков, Н. А. Хальфин, П. П. Иванов, А. Я. Соколов, Е. В. Бунаков, Н. Г. Апполова и др. (Шкунов, 2009; Михалева, 1982; Банникова, 2002; Матвиевский, 2005). Наиболее обстоятельным исследованием проблемы стала работа Г. А. Михалевой, рассмотревшей мотивы основания города Оренбурга, раскрывшей стремление российского правительства превратить среднеазиатские ханства в источник сбыта российских товаров и приобретение дешевого сырья (Михалева, 1982). Торговые связи России со странами Центральной Азии и Индией через Оренбуржье стали предметом специального изучения В. Н. Шхуновым (Шхунов, 2005; 2009).

В последние годы интерес к истории Оренбурга, его основанию и заселению, его торговым связям со Средней Азией проявляют как краеведы, так и профессиональные историки. Многие аспекты проблемы участия татар Оренбуржья в дело развития восточной российской торговли изучены стараниями Д. Н. Денисова, занимавшегося исследованием истории заселения Оренбургского края (Денисов, 2006), особенности развития торговли в Оренбурге стали объектом внимания Е. В. Банниковой, П. Е. Матвиевского, Е. А. Солонченко, В. Ф. Глуховского и др. (Солонченко, 2007; Глуховский 2006; Михалева, 1982; Банникова, 2002; Матвиевский, 2005). Особого внимания заслуживает статья С. А. Аникина, осветившего на базе широкого круга архивного материала роль Оренбурга в становлении новых торговых направлений России на Востоке (Аникин, 2012, №9, 10; Хужаева, 2015).

Выводы

Несмотря на возросший на рубеже XX–XXI вв. интерес к истории предпринимательства и торгово-дипломатических контактов России со

странами Среднего Востока и достигнутые успехи в их разработке, позволительно утверждать, что интересующий нас аспект проблемы – социокультурный облик купцов и вклад купцов-татар в развитие торгово-дипломатических контактов со среднеазиатскими странами – остается слабоизученным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Торговля со Средней Азией благотворно сказалась на хозяйственном развитии Оренбургского края, приносила огромные доходы империи, способствовала дальнейшему развитию и трансформации мануфактуры и подготовила почву для последующей колонизации Средней Азии. Поощрение татар к ведению торговли со стороны государства сыграло не последнюю роль в судьбе самого татарского народа. В нем появляется слой зажиточных татар. Формируется частный капитал, обусловивший качественные изменения в положении татар всей страны. Однако государство опасалось усиления экономического влияния татарского торгового капитала. Наиболее отчетливо это проявилось в стремлении ограничить поток переселенцев-татар в Оренбуржье, в фактическом отказе признать сеитовских татар частью российского купеческого сословия, и в учреждении контролирующих органов – Татарской ратуши, учрежденной в 1782 г. в Казани и в Сеитовской слободе. Посредством этих учреждений, правительство получило возможность воздействия на формирование торгового класса у татар. Препятствия, направленные на ограничение прав торговой прослойки татар, являются уже сами по себе показателем активности представителей татарского этноса в развитии торгово-дипломатических контактов со среднеазиатскими ханствами. Царское правительство вполне устраивала посредническая роль татар во взаимоотношениях с мусульманским Востоком, но оно не было заинтересовано в их экономическом усилении.

Политика Екатерины II в целом благоприятствовала татарским купцам, как к главным посредникам в стратегически важном вопросе налаживания отношений с Востоком, представляющем экономический интерес для России. Государственная власть стремилась обеспечить развитие внешнеторгового оборота России за счет притока иностранных товаров. Во многом это определялось острой потребностью казны в серебряной

монете, взимаемой в виде торговых пошлин, ведь из этой иностранной монеты чеканились собственно российские монеты. Вместе с тем к восточным купцам она относилась с большой осторожностью, ограничивая круг и пространство их общения.

Литература

Аникин С. А. Роль Оренбурга в возникновении новых направлений восточной торговли России, Молодой ученый. 2012. № 9, с. 220–225.

Аникин С. А. Татарское купечество в системе торговых отношений с государствами Востока, Молодой ученый. 2012. № 10, с. 233–239.

Банникова Е.В. Торговля и купечество в феодальной России, Торговля и предпринимательская деятельность купцов Южного Урала в до-реформенный период, Оренбург, 2002. С. 175–195.

Гафарова М. Г. Из истории села Татарская Каргала, Татары в Оренбургском крае, Оренбург, 1997. 287 с.

Государственный архив Оренбургской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48; Ф. 3. Оп. 1. Д. 27, 95; Ф. 5. Оп. 2. Д. 1-5; Ф. 6. Оп. 1. Д. 160, 199, 317, 347, 416; Оп. 2. Д. 625/1; Ф. 339. Оп. 1. Д. 34.

Глуховский В. Ф. Истоки и развитие «оренбургской коммерции», История Оренбургская: наследие и современность, Оренбург, 2006. с. 140–168.

Денисов Д. Н. История заселения и этнокультурное развитие татар Оренбургского края (XVIII – начало XX вв.), Оренбург, 2006. 190 с.

Искандаров Р., Искандаров А. Сеитов посад: очерки по истории Оренбургской (Татарской) Каргалы, Казань, 2005. 175 с.

Матвиевский П. Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX вв., Оренбург, 2005. 376 с.

Михалева Г.А. Торговые и посольские связи России со среднеазиатскими ханствами через Оренбург (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.), Ташкент, 1982. 250 с.

Солонченко Е. А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752–1868 гг., Оренбург, 2007. 312 с.

Султангалиева Г. Л. Торговый рынок Южного Урала и Западного Казахстана: Вопросы межрегионального взаимодействия (вторая половина XVIII–XIX в.), Волго-Уральский регион в имперском пространстве в XVIII–XX вв., Москва, 2011. С. 28–29.

Хужаева Ш. Х. Особенности торговых взаимоотношений между Россией и Бухарским эмиратом (конец XVIII – первая половина XIX вв.), Молодой ученый, 2015. № 1, с. 352–356.

Шкунов В. Н. Татарские купцы в российско-восточной торговле (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.), Эхо-веков = Гасырлар авазы. 1997. № 3-4, с. 64–69.

Шкунов В. Н. Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений России со странами Востока: Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв., автореф. дисс. канд. ист. наук, Саранск, 2002. с. 17.

Шкунов В. Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., дисс. д-ра ист. наук: 07.00.02, Ульяновск, 2009. 582 с.

Сведения об авторах

Шадыметова Зульфия Маруфжановна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Мустафина Дина Абдулбаровна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Гатин Марат Салихович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Гатин Аскар Александрович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

Фахрутдинов Раиль Равилович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

References

Shkunov V. N. “Orenburzh’e v sisteme torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii Rossii so stranami Vostoka: Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.”, avtoref. diss. kand. ist. nauk, Saransk, 2002. 17 s.

Shkunov V. N. “Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Rossiiskoi imperii s sopredel’nyimi stranami Vostoka vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX vv.”, diss. d-ra ist. nauk: 07.00.02, Ul’yanovsk, 2009. 582 s.

Gafarova M. G. “Iz istorii sela Tatarskaya Kargala”, Tatars v Orenburgskom krae, Orenburg, 1997. 287 s.

Matvievskii P. E. “Ocherki istorii Orenburgskogo kraia XVIII–XIX vv.”, Orenburg, 2005. 376 s.

Solonchenko E. A. “Tamozhennaya politika na yugo-vostoke Rossii i ee realizatsiya v Orenburgskom krae v 1752–1868 gg.”, Orenburg, 2007. 312 s.

Glukhovskii V. F. “Istoki i razvitie «orenburgskoi kommertsii»”, *Istoriya Orenburgskaya: nasledie i sovremennost'*, Orenburg, 2006. s. 140–168.

Shkunov V. N., “Tatarskie kuptsy v rossiisko-vostochnoi torgovle (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.)”, *Ekho-vekov = Gasyrlar avazy*. 1997. № 3-4, s. 64–69.

Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti. F. 1. Op. 1. D. 48; F. 3. Op. 1. D. 27, 95; F. 5. Op. 2. D. 1-5; F. 6. Op. 1. D. 160, 199, 317, 347, 416; Op. 2. D. 625/1; F. 339. Op. 1. D. 34.

Sultangalieva G. L. “Torgovyi rynek Yuzhnogo Urala i Zapadnogo Kazakhstana: Voprosy mezhregional'nogo vzaimodeistviya (vtoraya polovina XVIII–XIX v.)”, *Volgo-Ural'skii region v imperskom prostranstve v XVIII–XX vv.*, Moskva, 2011. С. 28–29.

Iskandarov R., Iskandarov A. “Seitov posad: ocherki po istorii Orenburgskoi (Tatarskoi) Kargaly”, Kazan', 2005. 175 s.

Denisov D. N. “Istoriya zaseleniya i etnokul'turnoe razvitie tatar Orenburgskogo kraia (XVIII – nachalo XX vv.)”, Orenburg, 2006. 190 s.

Mikhaleva G. A. “Torgovye i posol'skie svyazi Rossii so sredneaziatskimi khanstvami cherez Orenburg (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.)”, Tashkent, 1982. 250 s.

Bannikova E. V. “Torgovlya i kupechestvo v feodal'noi Rossii”, *Torgovlya i predprinimatel'skaya deyatel'nost' kuptsov Yuzhnogo Urala v doreformennyi period*, Orenburg, 2002. S. 175–195.

Matvievskii P. E. “Ocherki istorii Orenburgskogo kraia XVIII–XIX vv.”, Orenburg, 2005. 376 s.

Anikin S. A. “Rol' Orenburga v vzniknovenii novykh napravlenii vostochnoi torgovli Rossii”, *Molodoi uchenyi*. 2012. № 9, s. 220–225.

Anikin S. A. “Tatarskoe kupechestvo v sisteme torgovykh otnoshenii s gosudarstvami Vostoka”, *Molodoi uchenyi*. 2012. № 10, s. 233–239.

Khuzhaeva Sh. Kh. “Osobennosti torgovykh vzaimootnoshenii mezhdru Rossiei i Bukharskim emiratom (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.)”, *Molodoi uchenyi*, 2015. № 1, s. 352–356.

About the authors

Zulfia M. Shadymetova, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Dina A. Mustafina, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Institute of International Relations, Department of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Marat S. Gatin, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Tatar Studies and Turkology of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Askar A. Gatin, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Rail R. Fakhrutdinov, professor, Dr. Sci. (Hist.), Institute of International Relations, Department of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

Дата поступления 22.05.2018

УДК 94

Ахл ас-сунна: концептуальные и формальные представления об исламской идентичности в конце XIX–XX века в Поволжском регионе

Шафиков А.Ф.

E-mail: nur_ad_din@mail.ru

Казанский федеральный университет

г. Казань, Россия

Аннотация: Актуальность исследуемой проблемы обусловлена повышенным интересом общества к Исламу, его истории в Российской Федерации, и особенно к ритуалам и практикам. Статья посвящена формированию концептуального содержания понятия «Ахл ас-сунна» (Люди сунны) и его обывательской интерпретации XIX–XX веков. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является глубокий анализ периодической и публицистической печати, как источника, наиболее достоверно передающий отношение современников. В статье выявлены ключевые признаки мусульманской идентичности региона Волго-Уралья, ее неоднородность и наличие суб-идентичностей обладающими формальными и концептуальными особенностями массового самосознания. Разработка данного вида источников демонстрирует, что мусульманская идентичность предполагала двойную интерпретацию в интеллектуальном пространстве уламы (ученых) и в обыденной практике адептов ислама.

Ключевые слова: идентичность, сунна, Ислам, Поволжье, религиозные практики.

Для цитирования: Шафиков А.Ф. Ахл ас-сунна: концептуальные и формальные представления об исламской идентичности в конце XIX–XX века в Поволжском регионе. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018;38(3-4):48–60.

Ahl al-Sunna: conceptual and formal ideas about Islamic identity at the end of the XIX-XX centuries in the Volga region

I. Shafikov

E-mail: nur_ad_din@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The urgency of the problem under study is due to the increased interest of society in Islam, its history in the Russian Federation, and especially in rituals and practices. The article is devoted to the formation of the conceptual content of the concept of “Ahl al-Sunna” (People of the Sunna) and its philistine interpretation of the XIX-XX centuries. The leading approach to the study of this problem is an in-depth analysis of the periodical and journalistic press as a source, which most reliably conveys the attitude of contemporaries. The article identifies the key features of the Muslim identity of the Volga-Ural region, its heterogeneity and the presence of sub-identities with formal and conceptual features of mass self-consciousness. The development of this type of source demonstrates that Muslim identity implies a double interpretation in the intellectual space of ulama (scholars) and in the everyday practice of adherents of Islam.

Keywords: identity, Sunna, Islam, Volga region, religious practices.

For citation: Shafikov I. Ahl al-Sunna: conceptual and formal ideas about Islamic identity at the end of the XIX–XX centuries in the Volga region. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4) : 48–60. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Развиваясь, любое общество, вырабатывает определенные стандарты поведения, считавшиеся нормой в конкретном социуме. Социальные нормы – общепринятая конвенция общих правил поведения, соответствие которым отделяет норму от девиации. Основным мерилom «допустимого» от «недопустимого» становится мораль.

Мусульманская парадигма *адаб* ‘мораль’ тесно связана с нравственностью (*ахляк*), основой для них является Коран, сунна пророка Мухаммеда и *фикх* (мусульманское право), строго регламентирующие разные аспекты жизнедеятельности мусульман. При этом безусловно обязательные нормы морали и религиозной обрядности называются *фард* (*фарз*) и *ваджаб* (*ваджиб*). *Сунна* же (жизнеописание) – главный архетип, к которому должен был стремиться каждый правоверный, однако она не является безусловно обязательной для исполнения.

В частности Поволжская богословская традиция также обращалась к этой проблеме, к примеру, Т. Ялчугул, Хибаталлах ибн Саидбаттал, Г. Утызимьяни (Кемпер, 2008) и др. Реалии эпохи, рост религиозного и этнического сознания требовали от современников четко различать «своих» и «чужих». Необходимо отметить, что в контексте развития татарского этноса широко бытовал конфессионизм *ахл ислам* ‘мусульмане’ (Исхаков, 1998) среди обывателей казанских татар в XVIII–XIX вв. На эту особенность самосознания татарского народа обратил внимание Ш. Марджани (1989).

Интеллектуальные элиты общества старались воспитать новое поколение мусульман рубежа веков в четком понимании мусульманства и ислама. Его интерпретации как набора формальных и концептуальных признаков отличающих «правоверных» от «неверных».

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Задачи исследования

В ходе исследования решались следующая задача: выявить характерные особенности интерпретации понятия «ахл ас-сунна» в среде в мусульманском обществе Поволжья конца XIX века – начала XX века;

1.1. Теоретические методы

В основе работы лежат принцип историзма и объективности. Для изучения заявленной темы был проанализирован комплекс различных типов источников, включающих: историко-генетический метод, который позволяет выявлять динамику социокультурных трендов, доминирующих в обществе, что дает возможность, фиксировать проявления консерватизма обывателей мусульман и их реакцию на «новшества» в религиозной жизни. Системный подход, предполагающий анализ всех факторов, повлиявших на самосознание и самоидентификацию в повседневной жизни; компаративный метод, необходимый для сравнения уровней интерпретации обывателей и ученых; историко-описательный метод, так как в работе во множестве использованы воспоминания и документы, описывающие разные стороны обыденной жизни мусульман.

1.2. Источниковая база исследования

Источниковой базой для исследования служит периодическая печать, богословская и светская публицистика, а так же этнографические материалы. Данный корпус источников содержит оригинальные сведения из жизни мусульман разных регионов Поволжья. Несмотря на субъективность, этот вид источников очень важен, так как отражает отношение комментаторов, их эмоциональный опыт.

Результаты

1. Ахл ас-сунна ва-л-джамаа ‘люди сунны и общины’ – общий конфессионим последователей суннитского течения в исламе. В контексте региональной идентичности, ассоциировался с уламои осознанным возрождением сунны. Интеллектуальная среда ученых, правоведов, религиозных деятелей выдвигала критерии принадлежности к элитарной «касте», тем самым создавая условные рамки суб-идентичности в пространстве одного религиозного поля. Одним из первых, кто обратил внимание на не однородность религиозного самосознания стал педагог и богослов Ш. Шараф (1877–1938). Шагар Шараф в 1916 году в журнале «Дин ва Адаб» задался вопросом “есть ли среди нас *ахл ас-сунна*”. В статье уважаемый преподаватель медресе старается раскрыть концепту-

альные и некоторые формальные критерии «людей сунны», и несколько дистанцировать их от *ахл ислам*.

По мнению автора: "...насколько он [мусльманин] мало действует по сунне, насколько мало он черпает из сунны, настолько уменьшается его отношение к посланнику Аллаха и к его пути, и отношение к ахлас-сунна остается только в имени. Поэтому каждый искренний к посланнику Аллаха мусульманин всевозможными способами должен знать разнообразные сунны, и действовать, руководствуясь этими суннами" (Шараф, 1916, 84).

Шагар Шараф в своей статье склонен разделять своих современников по степени соответствия образа жизни сунне: на «ученых» и «народ». Для первых хадисы и сунна должны быть жизненным кредо. Не общим руководством к поведению в обществе, а конкретной инструкцией к действию, в противном случае принадлежность к *ахл ас-сунна ва-л-джамаа* можно ставить под сомнение (Шараф, 1916).

Народ же, по мнению автора "искренен к религии, но их старания не до такой степени велики, чтобы могли возродить сунну" (Шараф, 1916, с. 84). Главной виной своих современников Ш. Шараф считает, то, что они в основном руководствуясь "теми суннами, по которыми действовали ранее... что оставили отцы и деды" (Шараф, 1916, с. 85). То есть не улучшая и не преумножая своих знаний в области сунны и хадисов, тем самым не приближаясь к идеалу *ахлас-сунна*, и даже более того создавая свою локальную модель *ахл ислам* ограниченную определенными суннами.

Комплекс обрядов связанных с рождением ребенка напрямую связан с сунной пророка Мухаммеда и поэтому их исполнение приближало человека к архетипу *ахл ас-сунна*.

По свидетельству современников обряд имянаречения (по-татарски: *исем кушу, ат салу, атату* (Уразманова, 2013)) проводился через три дня, неделю или две недели. Заключался он в следующем: заранее приглашенный имам, придя в дом к новорожденному, громко произносил *азан* (призыв к молитве) над правым ухом младенца, а за тем левым ухом произносился *икамат* (второй призыв к молитве) (Коблов, 1908).

Следующим обрядом была первая стрижка. Будучи желательным действием (*мухтасаб*), бритье головы исполнялось повсеместно: "Сред-

него достатка люди соответственно размеру веса волос платят серебром (в таком же весе), а богатые – золотом” (Коблов, 1908, с. 9). Кроме того в тот же день, имущие люди могли принести в жертву барана в благодарность за дочь и двух баранов за сына (*закыйка, назыр-корбан*). Этот обычай так не прямая отсылка к сунне: “Существует мнение, что, если кто не приносит жертвы, то не будет ему милости в день воскресенья. Если за ребенка не была принесена жертва, то он сам должен исполнить этот обряд, когда придет возраст. По преданиям Мухаммед знал, что за него в детстве не приносили жертвы и потому впоследствии сам за себя принес жертву” (Коблов, 1908, с. 8).

Последней сунной связанной с рождением ребенка является обряд обрезания. Значение и важность этого обряда для каждого мусульманина охарактеризовал Я. Д. Коблов “По совершении обряда обрезания ребенок становится действительным членом магометанского общества. Хотя обрезание не имеет догматического значения – это только суннат, т.е. заповедь, исполнение которой предоставлено произволу каждого, но этот обряд настолько распространен среди магометан, что необрезанный в глазах магометанского общества не есть настоящий магометанин, хотя бы он и исповедовал догматы ислама”. (Коблов, 1908, с. 10). Собственно и сам обряд получил название – *сөннэт* (Уразманова, 2013, с. 130), напрямую апеллируя к сунне пророка.

С одной стороны эта небольшая хирургическая операция приближает адептов ислама к моральным идеалам *асрсаадат*, наполняя реальным значением выражение *Ахл ас-сунна ва-л-джамаа*, а с другой стороны в исходных реалиях обособленности татар мусульман внутренней России обрезание является обрядом инициации, позволяющий наравне с остальными адептами исполнять религиозные предписания мусульманской общины.

Для большинства уламы начала XX возрождение сунны, являлись скорее педагогическим инструментом в системе подготовки имамов и мусульманского образования в целом. Однако, свою принадлежность к элите они нарочито поддреживали невербальными символами (См.: «Бухарская мода»).

Вторая суб-этничность – *ахл ислам*, то есть мусульмане в широком смысле слова. Для местной религиозной традиции мусульмане, основа

общины и ее сущность, но недостаточно образованная и прилежная к возрождению сунны, что бы стать частью *ахл ас-сунна ва-л-джамаа*. На обывательском уровне интерпритации *ахл ислам* есть набор формальных признаков, подтверждающий твою религиозную и национальную принадлежность. Однако, в начале XX века часть религиозной элиты привить массе верующих, не только формальные, но концептуальные представления об мусульманской идентичности в целом.

Известный богослов, шейх, впоследствии муфтий Галимджан Баруди (1857–1921) четко разграничивает понятия фард, ваджаб и сунна. Выстраивалась простая логика: отрицающий фард – неверный, отрицающий ваджаб – грешник, не исполняющий сунны – лишится милости пророка (в мусульманской традиции 8 амаль) (Баруди, 1917).

В то же время Ахмад Хади Максуди (1868–1941) – богослов, языковед, педагог, описал те же все восемь «действий» (амаль) по степени обязательности, дозволенности и запретности их для мусульман. Эти «действия» несущие как позитивные, так и негативные коннотации являются некими формальными критериями определяющими отношение субъекта к мусульманской морали, и соответственно глубину его ислама. Эти «критерии» определены от безусловно обязательных, до абсолютно запретных.

1) Фарыз (Фард) – не выполнение грех, выполнение – награда; не признающий их обязательности – неверный; действия фарыз: Вера в истинность ислама, пятивременной намаз, пост в рамазан, обязательность закята, хадж.

2) Ваджиб – не выполнение грех, выполнение – награда; не признание большой грех; действия ваджиб: намаз витр, гаид-намазы, фитр-садака, жертва и др.

3) Сунна – не выполнение не грех, выполнение – милость пророка Мухаммеда; действия сунна: начало дел со слов *Бисмилла*, чтение корана начинать, произнося *Аузу* и др.

4) Мустахаб – не выполнение не грех, выполнение – награда; действия мустахаб: чтение дополнительных намазов и др.

5) Мубах – не выполнение не грех, за выполнение нет награды; действия мубах: питаться едой халял, стоять, сидеть и тд.

6) Харам – не выполнение норма, выполнение большой грех; действия харам: употребление алкоголя, распространение слухов, воровство и тд.

7) Макрух – не выполнение – норма, выполнение или одобрение – грех; действия макрух: безкультурное поведение, невоспитанность и т.д.

8) Мустакрах – не выполнение норма, выполнение – невоспитанность; мустакрах: есть на улице или на базаре (в непредназначенных для этого местах), чихание не прикрыв рот, громкое рыгание и т.д. (Максуди, 1917).

Р. Фахретдин предлагает в повседневной жизни руководствоваться всего двумя императивами *харам/халаль* (запрещено/разрешено), соответственно воздерживаясь от запрещенного, человек живет в соответствии с *ахляк* (нравственность) (Фахретдин, 2011).

Обывательский уровень интерпретации не отличался, детальным пониманием сущности догматических нюансов. На первый план выходили формальные, в первую очередь не вербальные, признаки идентичности. В юмористической периодике сложился образконсервативных мусульман обывателей – ‘Сенной базар’ (*Печән базары*). Это словосочетание стало нарицательным обозначающим оплот консерватизма и неприятие всего нового. В 1908 в упомянутой поэме ‘Сенной базар’ (*әһле базар*) (люди базара), перечисляются списком обывателей, как то кожевники, мясники, свечники, маслобои и торговцы (Тукай, 2001). В 1909 году журнал «Молния» (Яшен, 1909) писал, описывая «Сенной базар»: “Изготовитель пуговиц, изготовитель шапок, обувщик, коробочник, мелкий торговец, медянщик, серебряных дел мастер, изготовитель зонтиков, обработчик шерсти, торговец козами, изготовитель рам, пекарь, харчевник, паломник, тряпичник и другие сторонники «старого» собравшись в части Сенного Базара... решили уничтожить все новое в этом мире...” (Яшен, 1909, с. 10). Как следует из описания, масса *ахл ислам* обыватели татарских слобод и деревень представляли собой сущность традиционализма.

В одном из номеров реформисткой газеты «Реформа» (Аль-Ислах), автор описывает внешность адепта идеологии «сенного базара»: “Он не ходит в театр, не отращивает волос, брюк ниже щиколотки не носит... считающий количество неверных татарин Сенного базара” (Ислах,

1909, с. 4). Это описание внешнего вида мусульман-обывателей совпадает и частично дополняется высказыванием, переданным со слов Сагида крестьянина деревни Улуяз Казанской губернии: "...Мухаммед пророк заповедовал брить голову во избежание нечистоты, а что подрезывать бороду и усы – это сунет", "...кто пускает [длинной бороды], тот нашей веры не держит!" (Малов, 1892, с. 138–139). Некоторые исследователи считают его прямым влиянием Бухары и называют «Бухарской модой». Очень резонно выглядит мнение А. Франка, что мусульманин ассоциирует статус мусульманина с мусульманской одеждой, а соответственно тот, кто одет «по-русски», подозревается в отходе от общины и принятии христианства (Frank, 2012).

В общих чертах одежда татар выглядела так: "До последнего времени татары и татарки строго держались национальной одежды: туфли, азиатские ичиги, широкие шаровары, длинная с широкими рукавами и воротником рубаха, тюбетейка, шапка, халат и бешмет. Халатом закрывались от мужских глаз и татарки" (Сперанский, 1914, 14).

Более детально стоит остановиться на проблеме восприятия «мусульманства» и «татарства». Оценивая внешний облик отпавших крышен, А. Кефели, пишет, что «Бухарская мода», "с тюрбанами и длинными робами", преобладала над западной одеждой (Kefeli, 2014). Поскольку внешний вид татар-мусульман ассоциировался с культурой и религией последних, стоит привести цитату из одного из противомусульманских трудов начала XX столетия, в котором определяются внешние признаки отпавших в ислам инородцев: "...мужчины бреют голову и носят тюбетейки, а женщины одеваются по-татарски, совершают омовения из *кумгановъ* 'медных кувшинов', молитвы пять раз в день, или к тому же говорят по-татарски, принимают мулл то это самая сильная и бесповоротная степень отатарения" (Рыбаков, 1909, с. 9).

В этом процессе одну из главных ролей играли практики с двойной интерпретацией, т.е. имеющих, как утилитарное, так и культовое, сакральное значение. К числу последних можно отнести комплекс ритуалов, связанных с гигиеной и ритуальной чистотой. Один из медиков, наблюдавших за татарами Казанского уезда, отметил, что бани и омовения в исламе возведены в степень строго религиозного правила (Сухареv, 1904).

Одним из самых первых атрибутов копируемых неопитами, было бритье голов, подмышечных впадин и интимных зон (Сухарев, 1904, с. 36). С другой стороны, как уже говорилось выше, увещевателиприходившие в «отпавшие» села с уверенностью могли сказать о степени распространения ислама в населенном пункте по прическам ее обитателей, считалось, что наличие «людей с волосами» (Багаутдинова; Исхаков, 2015, с. 119), верный залог надежды на возвращение в лоно православия.

Поэтому копирование гигиенических практик и атрибутов, крайне тревожило миссионеров, т.е. если инородцы (не мусульмане) умываются из *кумганов* (медных кувшинов, используемых при омовении), заботятся об умывании ног (часть тахарата), “пьют сидя, причем, как и татары, стараются не замочить своей одежды питьем” (Рыбаков, 1909, с. 11), “сидя по-татарски выпускают мочь (*сунна*)” (Ильминский, 1885, с. 33–34), значит пусть не осознанно, но они откликнулись на мусульманский дагват, и этот процесс уже тяжело обратить.

Обсуждение

Ряд исследователей в своих работах затрагивали смежные проблемы, в частности А. Франк (Frank, 2012), поднимал проблему мусульманской идентичности вообще и о ее формальных критериях, Р. Маликов (Маликов, 2013) посвятил свою работу положению уламы в татарском обществе, А. Кефели (Kefeli, 2014) разрабатывала аспекты идентичности отпавших кряшени др. Необходимо подчеркнуть, что в предыдущих работах локальная модель мусульманского массового самосознания воспринималась, как нечто цельное и как последствия рефлексии религиозной элиты. Данная работа позволяет расширить эти представления и взглянуть на обывательский уровень интерпретации.

Заключение

Таким образом, мусульманская идентичность в Поволжском регионе имела две основные интерпретации *ахл ас-сунна*, как часть самосознания уламы, и *ахл ислам* формализованное представление обывателей мусульман об адептах ислама. Надо отметить, что особенности формального восприятия, активно использовались в качестве инструмента мусульманского прозелетизма в регионе Волго-Уралья. Однако, в начале

XX века, часть религиозной элиты вполне успешно прививала концептуальные и содержательные представления об исламской идентичности в среде массы верующих, формируя четкое религиозное самосознание на основе региональной модели *ахл ислам*.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Статья представляет интерес для религиоведов-исламоведов, специалистов по повседневной жизни мусульман Волго-Уралья, этнографов исследователей обрядовости и религиозной жизни.

Литература

Багаутдинова Х. З., Исаков Р. Р. Религиозный синкретизм и традиционная обрядность татар-кряшен Волго-Уралья XIX – начало XX в.: сборник материалов и документов. Казань, 2015.

Баруди Г. *Sual ve javab ly awwal-an-nazafat*. Казань, 1917.

Фахретдин Р. Дини вә ижтимагый масалалар сайланма хемәтләр. Казан, 2011.

Frank A. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education, and the paradox of islamic prestige. Leiden, Boston, 2012.

Ильминский Н. Переписка о трех школах Уфимской губернии. К характеристике инородческих миссионерских школ. Казань, 1885.

Исаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань, 1998.

Kefeli A. *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy*. Ithaca, London, 2014.

Kemper M. Суфии и учёные в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.

Коблов Ю. Д. Религиозные обряды и обычаи татар-магометан. Казань, 1988, с. 10.

Maksudi A. H. *Akaid*. Kazan, 1917.

Маликов Р. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв. Казань, 2013.

Малов Е. А. Миссионерство среди мухаммедан и крещенных татар. Казань, 1892.

Маржани Ш. Mustafadel-ahbar fi ahvali Kazan ve Bolgar. Kazan, 1989.
Рубаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. Санкт-Петербург, 1900.

Шараф Ш. Bezde ahl-e sunnet barmy? // Ad-Din va al-Adab, 1. Казань, 1916.

Сперанский А. Казанские татары. Историко-этнографический очерк. Казань, 1914.

Сухарев А. А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. Санкт-Петербург, 1904.

Тукай Г. Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш. Поэма. Казан, 2007.

Уразманова К. Праздничная культура и культура праздников татар XIX – XXI вв. Историко-этнографические очерки. Набережные Челны, 2013, с. 126.

Сведения об авторе

Шафиков А. Ф., Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

References

Bagautdinova H. Z., Iskhakov R. R. Religiozny y sinkretizmi traditsionnaya obryadnost tatar-kryashen Volgo-Uralya XIX – nachalo XX v.: sbornik materialov i dokumentov. Kazan, 2015. 119.

Barudi G. Sualvejavablyawval-an-nazafat. Kazan, 1917. 2–3.

Fahretdin R. Diniveijtimagyumasalalarsaylanmahezmatlar. Kazan, 2011. 9.

Frank A. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education, and the paradox of islamic prestige. Leiden, Boston, 2012. 65.

Ilminskiy N. Perepiska o trekh shkoleh Ufimskoy gubernii. K harakteristike inorodcheskih missionerskih shkol. Kazan, 1885. 33-34.

Iskhakov D. M. Ot srednevekovyh tatar k tataram novogo vremeni etnologicheskij vzglyad na istoriyu volgo-uralskih tatarXV–XVII vv. Kazan, 1998. 250.

Kefeli A. Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy. Ithaca, London, 2014. 242.

Kemper M. Sufii i uchenye v Tatarstane i Bashkortostane islamskiy diskurs pod russkim gospodstvom. Kazan, 2008. 167–174, 193–203, 282–288.

Koblov Y. D. Religioznye obryady i obychai tatar-magometan. Kazan, 1988. 10

Maksudi A. H. Akaid. Kazan, 1917. 2–5.

Malikov R. Sotsialnoye polozheniye musulmanskogo dukhovenstva Kazanskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. Kazan, 2013.

Malov E. A. Missionerstvo sredi muhammeda ni kreshhennyh tatar. Kazan, 1892. 138–139.

Marjani S. Mustafadel-ahbar fi ahvali Kazan veBolgar. Kazan, 1989.43.

Rybakov S. Islam i prosveshhenie inorodtsev v Ufimskoy gubernii. Sankt-Peterburg, 1900. 9.

Sharaf S. Bezde ahlesunnet barmy? Ad-Din va al-Adab, 1, 1916. 84–85.

Speranskiy A. Kazanskie tatary Istoriko-etnograficheskiy ocherk. Kazan, 1914. 14.

Suharev A. A. (1904). Kazanskie tatary (Uezd Kazanskiy). Opyt etnograficheskogo i mediko-antropologicheskogo issledovaniya: diss. na stepen doktora meditsiny. Sankt-Peterburg, 1904. 31.

Tukay G. Pechanbazaryyahud Yana Kisekbash. Poema. Kazan, 2007. 1.

Urazmanova K. Prazdnichnaya kultura i kultura prazdnikov tatar XIX – nach XXI vv. Istoriko-etnograficheskie ocherki. Nab Chelny, 2013. 126.

About the author

I. Shafikov, *Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.*

Дата поступления 22.05.2018

УДК 94

Специфические особенности «татарского джадидизма» конца XIX – начало XX вв.

Галиуллина Д. М.

Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности национально – культурного движения среди казанских татар, которое сформировалось под влиянием идей джадидизма и имела свои специфические особенности. Также анализируются понятия «единый язык», национальная культура и история.

Ключевые слова: джадид, История, татарский народ, интеллектуальная элита, джадидизм, «единый язык», национальная культура.

Для цитирования: Галиуллина Д. М. Специфические особенности «татарского джадидизма» конца XIX – начало XX вв. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.* 2018;38(3-4):61–68.

Благодарности: Работа выполнена в соответствии с Программой Правительства Российской Федерации по конкурентному росту Казанского федерального университета.

Specific features of “Tatar jadidism” late XIX - early twentieth centuries

D. Galiullina

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article discusses the features of the national-cultural movement among Kazan Tatars, which was formed under the influence of the ideas of Jadidism and had its own specific features. It also analyzes the concepts of “one language”, national culture and history.

Keywords: jadidism, History, Tatar people, intellectual elite, Jadidism, “single language”, national culture.

For citation: Galiullina D. Specific features of “Tatar jadidism” late XIX - early twentieth centuries. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):61–68. (In Russ.)

Acknowledgments: The work is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

В отечественной историографии становление и развитие джадидизма связывают с именем И. Гаспринского. Но, джадидизм имеет глубокие исторические корни. На формирование идеологии И. Гаспринского сильное влияние оказал восточный «модернизм». Прежде всего, это взгляды М. Абдо, Д. Афгани, А. Хана и др. (Губайдуллин, 2006). Но, И. Гаспринский понимал, что необходимо учитывать и российскую действительность. Он разработал идею о необходимости единения мусульманских тюрок, которую он выразил фразой «дилде, фикерде, иште бирлек» («единство языка, мысли и действия»). По мнению А. Бенигсен, “пантюркистское и панисламистское объединение было единственным способом сохранения не только его небольшой крымской нации, но и всей тюркской общины Империи от поглощения и ассимиляции с

большой массой русского населения” (Бенигсен, 1993). Также, И. Гаспринский выдвинул идею создания «единого языка» для тюркоязычных народов России. Под «единством языка» он понимал единство “литературного языка, который должен привести всех тюрков к единству” (Губайдуллин, Гаспринский, 1997). Речь идет не об идее политического объединения. А духовного “единения, сближения нравственного, на почве свободы, науки и образования” (Усманов, 1993). И. Гаспринскому удалось выработать особый стиль тюрко-татарского языка. А. Бенигсен писал, что за основу был взят упрощенный турецкий язык, освобожденный от заимствований из арабского и персидского языков (Бенигсен, 1993). И поэтому первую тюрко-татарскую газету «Терджиман» свободно читали не только в России, но и зарубежом (в Иране, Египте и др.) (Усманов, 1993).

Значение «Терджимана» для интеллектуальной элиты тюрков-мусульман было огромным. Именно «Терджиман» способствовал становлению литературного языка казанских татар. По мнению Г. Губайдуллина И. Гаспринский боролся за чистоту языка, за язык просвещенных людей. Это не должен быть язык уличный и непросвещенных людей, т.е. не язык широких масс (Губайдуллин, Гаспринский, 1997). Спустя некоторое время именно эти идеи не нашли поддержки среди молодого поколения татарской национальной интеллигенции.

В основном, татарская интеллектуальная элита начала XX века придерживалась общепринятой традиции и старалась писать на языке, который бы понимали ученые из различных регионов. Но, во многом литературный стиль задавал «Терджиман». Влияние его было настолько сильным, что все вышедшие до 1905 года «прогрессивные», «передовые» книги печатались на наречии близком к османскому. (Губайдуллин, Гаспринский, 1997). Газету часто критиковали за сложный и малопонятный язык.

Революция 1905 года пробудила национальное самосознание народов России. Умеренно консервативно-реформаторские идеи «Терджимана» не удовлетворяли более прогрессивную часть татарской интеллигенции, которая выдвинула идею создания подлинного литературного татарского языка. В итоге появившиеся национальные газеты и журналы начали издаваться на родном языке.

Современники И. Гаспринского прекрасно понимали прогрессивное значение его идей. Но, в то же время «впитали» и рационально использовали для просвещения своего народа только самое необходимое. В татарской национальной историографии есть такое понятие как «татарский джадидизм» – синтез идей И. Гаспринского через призму восприятия татарской национальной идеологией.

Просветительские идеи И. Гаспринского нашли распространение, прежде всего, среди казанских татар. Даже, в самые тяжелые времена им удалось сохранить религию, язык и культуру. И, религия была не просто идеологией, а частью повседневной жизни и национальной культуры. Просвещение у казанских татар наряду с религией служило орудием духовного сопротивления против русификации (Давлетшин, 2005). Казанские татары с древнейших времен ценили образованных людей. Система образования складывалась на протяжении столетий и имела определенные преимущества и недостатки. Начальное религиозное образование могли получить все желающие в учебных заведениях низшего разряда (*мектебах*) (Биктимирова, 2003). В те годы основное образование получали в так называемых старометодных медресе. Долгие годы в историографии негативно относились к кадимистским учебным заведениям. Критиковали их и джадиды. Старометодные медресе давали не плохое религиозное образование. В основном преподавание включало цикл гуманитарных предметов: восточная литература, филология, языки и т.д. И, в конце XIX века такой вид образования не отвечал требованиям передовой татарской интеллигенции. В новометодных учебных заведениях появились светские предметы, начали преподавать и русский язык, но высшее образование оставалось не доступным. Для поступления в университет необходим был гимназический аттестат. Татарским детям туда путь был закрыт. Ситуация изменилась после революции 1905 года. Появилась возможность выдержать экстерном гимназические экзамены и поступить в университет. Не все могли пройти этот сложный путь, но это было определенным прогрессом на пути к европейскому образованию.

Было бы ошибочным связывать просветительно-реформаторское движение среди казанских татар только с деятельностью И. Гаспринского.

Одним из первых вопрос о возможности мирного сосуществования мусульман и христиан в России поднял Батырша (Абдулла Алиев). Он стоял во главе повстанческого движения мусульман в 1755 году (Валиуллин, 2007). Никто до него не обращался к мусульманам с такой обоснованной и развернутой программой борьбы. В своем *гаризнамэ* ‘воззвание’ он определил проблемы стоящие перед мусульманским обществом России и наметил пути дальнейшего действия (Валиуллин, 2007). Одним из факторов способствовавших участию татар в восстании Е. Пугачева (1773–1775гг.) было требование прекратить преследование ислама, признать мусульманскую религию (Валиуллин, 2007).

Татарское просветительское движение началось с религиозного реформаторства. А. Н. Юзеев начальным этапом считает конец XVIII – начало XIX вв. (Юзеев, 2001). Представителями этого направления стали А. Утыз-Имяни и А. Курсави. Взгляды А. Утыз-Имяни были более консервативными. Он сторонник свободного высказывания, за критическое отношение к наследию прошлого и др. А. Курсави известен как ученый, внесший новые реформаторские идеи в религиозное учение. Выступал за эрудированного инициативного человека, стремящегося к знаниям. Татарская религиозная философия этого периода сыграла огромную роль в просвещении татарского общества и подготовила переход к новому образу мышления (Юзеев, 2001).

Вторая половина XIX века связано с деятельностью Ш. Марджани. Он не просто критиковал некоторые устаревшие положения ислама, а был сторонником приспособления «обновленных» канонів религии к достижениям современной науки (Юзеев, 2001). И. Гаспринский и Ш. Марджани были сторонниками реформ и прогресса. Но, И. Гаспринский был представителем нового поколения, его идеи более передовые и либеральные были обращены ко всему мусульманскому населению России. Он больше политик и общественный деятель, чем теолог. Его популярности способствовали еще два фактора: во-первых; он обратился к населению на понятном ему языке, а не арабском; во-вторых, умел договариваться с правительственными учреждениями и издавал для них трактаты на русском языке (Усманов, 1993).

Новые веяния коснулись всех сторон жизни татарского общества.

Конец XIX – начало XX веков – период становления и расцвета татарской исторической литературы.

Татарские историки конца XIX–XX веков (Ш. Марджани, Р. Фахрутдин, Х. Атласи и др.) первыми разрушили многие мифы. Прежде всего, о Казанском ханстве, как о варварском государстве и смогли доказать, что татарский народ имеет богатую, самобытную историю и культуру. Исследования этого периода сохранили научную значимость и в настоящее время.

Именно благодаря джадидизму мы имеем прекрасную литературу, поэзию, исторические произведения конца XIX – начала XX веков. Поистине, этот период можно назвать «серебряным веком» татарской культуры. На этих идеях и произведениях воспитывалось поколение, которое развивала идеи реформаторства в 1920-е годы.

Февральская революция 1917 года открыла широкие возможности для развития национальной культуры. Д. Исаков считает, что идеи и достижения «национальных» («мусульманских») коммунистов было одним из результатов джадидского движения (Исаков, 1997). Одной из наиболее крупных фигур в большевистской партии, работавших в национально-освободительном движении был М. Султан-Галлеев. В начале 1920-х годов по ряду принципиальных вопросов не соглашался со сталинской концепцией роли национальных республик (Султанбеков, Султан-Галлиев, 1991). Вскоре его обвинили в национализме и арестовали. Во многих следственных делах 1930-х годов прочно закрепилась фраза «за связь с султангалеевской организацией». Так была пресечена очередная попытка возрождения тюркоязычных народов России, перспективы культурного развития, языковой интеграции и распространение просвещения.

Появление И. Гаспринского на исторической арене было подготовлено самим ходом исторического развития. С его именем связывают обновление всех сторон жизни тюрков-мусульман России. Надежды не только на сохранение, но и на развитие национального языка и культуры способствовали пересмотру российскими мусульманами значения многих духовных ценностей. Изменилось отношение к русскому населению и правительству. Появилось стремление и желание познать «чужую» культуру и «чужой» язык. Развитие татарской исторической науки укрепило чувство национальной гордости.

С приходом к власти большевиков начался новый этап борьбы за сохранение не только религии, национальной культуры, но и этноса. Выработанная веками национальная самодисциплина, толерантность в отношении других религий помогло избежать этнических конфликтов 1990-е годы в Татарстане. И, поэтому идеи И. Гаспринского о мирном диалоге с правительством, с русскоязычным населением, идея возрождения нации не через оружие, а с помощью просветительства как никогда остаются актуальными в современном мире.

Литература

Бенигсен А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспарлы) и происхождение джадидского движения в России // Исмаил бей гаспринский. Россия и Восток. – Казань, 1993, с. 130.

Биктимирова Т. Ступени образования до Сорбонны. – Казань, 2003, с. 183.

Валиуллин И. Идеюное наследие Батырши в контексте общественно – политической жизни татар во второй половине XVIII в. // Батырша жита́кчелегендеге баш күтәру һәм татар жәмгыятендә ижтимагый – мәдәни тормыш. – Казан, 2007, с. 122–130.

Губайдуллин Г. К вопросу об идеологии Гаспринского (продолжение изданной части) // Исмагыйль Гаспринский. Тарихи документаль жыентык. – Казань, 2006, с. 307 – 332.

Губайдуллин Г. Гаспринский и язык // Эхо веков. – 1997. – № 3–4. – с. 205 – 214.

Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. – Казань, 2005, с. 485.

Исхаков Д. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997, с. 80.

Султанбеков Б. Ф. Мирсаид Султан-Галлиев: Судьба. Люди. Время. – Казань, 1991, с. 206.

Усманов М. А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского // Исмаил бей гаспринский. Россия и Восток. – Казань, 1993, с. 130.

Юзеев. А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв. – Казань, 2001, с. 180.

Сведения об авторе

Галиуллина Дилъра Магзумовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

References

Gubaidullin G. K voprosu ob ideologii Gasprinskogo (prodolzhenie izdannoi chasti) // *Ismägyil' Gasprinskii. Tarikhi dokumental' zhyentyk.* – Kazan, 2006. – S. 307 – 332.

Benigsen A. Ismail bei Gasprinskii (Gasparly) i proiskhozhdenie dzhadidskogo dvizheniya v Rossii // *Ismail bei gasprinskii. Rossiya i Vostok.* – Kazan', 1993. – 130 s.

Gubaidullin G. Gasprinskii i yazyk // *Ekho vekov.* – 1997. – № 3–4. – S. 205 – 214.

Usmanov M. A. O triumfe i tragedii idei Gasprinskogo // *Ismail bei gasprinskii. Rossiya i Vostok.* – Kazan', 1993. – 130 s.

Davletshin T. Sovetskii Tatarstan. Teoriya i praktika leninskoi natsional'noi politiki. – Kazan', 2005. – 485 s.

Biktimirova T. Stupeni obrazovaniya do Sorbonny. – Kazan', 2003. – 183 s.

Valiullin I. Ideinoe nasledie Batyrshi v kontekste obshchestvenno – politicheskoi zhizni tatar vo vtoroi polovine XVIII v. // *Batyrsha zhitäkkelegendäge bash kytäry häm tatar zhämgyyatendä izhtimagyi – mädnäni tormysh.* – Kazan, 2007. – S. 122–130.

Yuzeev. A. N. Tatarskaya filosofskaya mysl' kontsa XVIII – XIX vv. – Kazan', 2001. – 180 s.

Iskhakov D. Fenomen tatarskogo dzhadidizma: vvedenie k sotsiokul'turnomu osmysleniyu. – Kazan', 1997. – 80 s.

Sultanbekov B. F. Mirsaid Sultan-Galliev: Sud'ba. Lyudi. Vremya. – Kazan', 1991. – 206 s.

About the author

Dilyara M. Galiullina, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Дата поступления 23.05.2018

УДК 94

К проблеме вклада Х.-Г. Габаша (1863-1936) в модернизацию духовной культуры татарского народа в конце XIX - начале XX веков

А. Х. Тухватуллин

E-mail: tayrat@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Аннотация. Материалы данной статьи могут способствовать дальнейшему изучению национальной общественной мысли и развития духовной культуры мусульманских народов Поволжья и Приуралья.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что в период становления постиндустриального общества на рубеже XX–XXI веков вновь обострились проблемы взаимодействия между носителями западной и мусульманской культурных традиций, ставшей одной из основных причин миграционного кризиса в современной Западной Европе и постсоветском пространстве. В связи с этим необходимо обратиться к опыту культурной адаптации мусульман губерний Поволжья и Урала (Внутренней России) Российской империи в конце XIX – начале XX веков.

Цель статьи заключается в изучении вклада в развитие татарского языка, искусства и теологических представлений на рубеже XIX–XX веков одного из казиев Оренбургского магометанского духовного собрания – Хасана-Гаты Габаша. Главными подходами к изучению поставленной проблемы стали историко-биографический метод и сущностно-содержательный анализ.

В статье выявлена проблема адаптации традиционного мусульманского общества к социально-экономическим переменам через творчество

и деятельность Х.-Г. Габаши, разработаны основные вопросы, ставшие объектом дискуссий в начале XX в. В среде мусульманского духовенства, раскрыто то, что рассматриваемый деятель был сторонником идей обновления мусульманского общества; доказано, что Х.-Г. Габаши внес большой вклад для решения проблем развития языка, религии и искусства среди мусульман Внутренней России.

Ключевые слова: историография мусульман, модернизация, традиционализм, идентификация, национальная культура.

Для цитирования: Тухватуллин А.Х. К проблеме вклада Х.-Г. Габаши (1863–1936) в модернизацию духовной культуры татарского народа в конце XIX – начале XX веков. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018;38(3-4):69–84.

To the problem of the contribution of H.-G. Gabashi (1863–1936) in the modernization of the spiritual culture of the Tatar people at the end of the XIX X beginning of the twentieth centuries.

A. Tukhvatullin

E-mail: tayrat@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This work was funded by the subsidy allocated to Kazan Federal University for the state assignment in the sphere of scientific activities.

The materials of this article can contribute to the further study of the national social thought and the development of the spiritual culture of the Muslim peoples of the Volga region and the Ural region.

The urgency of the problem under study is due to the fact that in the period of the formation of the post-industrial society at the turn of the XX–XXI centuries, the problems of interaction between the carriers of Western and Muslim cultural traditions, which became one of the main causes of the

migration crisis in modern Western Europe and the post-Soviet space, became acute again. In this regard, it is necessary to refer to the experience of the cultural adaptation of Muslims of the provinces of the Volga region and the Urals (Inner Russia) of the Russian Empire at the end of the XIX – beginning of the XX centuries.

The purpose of the article is to study the contribution to the development of the Tatar language, art and theological ideas at the turn of the XIX–XX centuries of one of the Kazyans of the Orenburg Mohammedan spiritual collection – Hasan-Gata Gabashi. The main approaches to the study of the problem are the historical and biographical method and the essential and informative analysis.

The article reveals the problem of adaptation of traditional Muslim society to socio-economic changes through the work and activities of H.-G. Gabashi, developed the main issues that became the object of discussions in the early twentieth century. among the Muslim clergy, It was revealed that the figure in question was a supporter of ideas for the renewal of Muslim society; proved that H.-G. Gabashi made a great contribution to solving the problems of the development of language, religion and art among the Muslims of Inner Russia.

Keywords: Jaded, historiography of muslims, modernization, traditionalism, identification, national culture.

For citation: Tukhvatullin A. To the problem of the contribution of H.-G. Gabashi (1863–1936) in the modernization of the spiritual culture of the Tatar people at the end of the XIX X beginning of the twentieth centuries. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):69–84. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

1.1 Актуальность проблемы

В современном мире в течение трех последних десятилетий в связи с процессами становления постиндустриального общества произошли серьезные изменения в социально-экономической сфере. Эти перемены оказали существенное влияние и на образ жизни мусульман, одним из прояв-

лений которого стали политические процессы в арабских странах Северной Африки и Ближнего Востока. Поэтому актуальность приобретают научные проблемы, связанные с изучением развития общества в современный период: ценностных ориентиров, мотивов действия, культурной модернизации. Утверждаются этнополитический и социокультурный подходы к проблемам духовного развития с акцентом на равноценность культур (Жестовская, 2004; Фахрутдинов, 2007).

В связи с этим представляют интерес процессы, происходившие в Российской империи на рубеже XIX–XX веков, когда происходило развитие рыночных отношений, рост национальной самоидентификации свидетельствовал о серьезных сдвигах внутри мусульманского сообщества.

Начало XX века ознаменовалось расцветом во всех сферах татарской культуры. В короткие сроки после революции 1905 года произошло становление татарской периодической печати. По всей России до 1917 года разновременно выходили до 100 газет и журналов на татарском языке (Амирханов, 2002). Джадидистская система образования значительно расширила круг творческой интеллигенции. Несмотря на противодействие российских властей и запоздалый протест традиционалистов, татарский народ в это время творил свою уникальную национальную культуру (Абдуллин, 1998).

Если при анализе воззрений общественных деятелей на вопросы развития просвещения можно было достаточно четко разделить татарское общество на два противоборствующих лагеря – кадимистов и джадидистов, то по вопросам культуры, религии и искусства, мнения в среде джадидистов не всегда совпадали (Алмазова, 2008).

1.2. Общественная значимость проблемы.

Можно выделить ряд вопросов, обсуждение которых вызвало особый резонанс в среде мусульман Внутренней России на рубеже XIX–XX веков:

1. Роль татарского языка как языка науки и литературы.
2. Значение русского языка в жизни мусульман.
3. Отдельные особенности исполнения религиозных обрядов.
4. Отношение к музыкальному искусству в среде мусульман.

Необходимо отметить, что перечисленные проблемы были постав-

лены еще в XIX веке. Ш. Марджани (1870), К. Насыри (1884), Х. Фаизханов (2008) основательно проработали различные варианты ответов на эти вызовы.

На протяжении долгого времени татары пользовались в науке и обучении либо арабским языком, либо персидским согласно традициям мусульманского общества. К. Насыри первым в своем творчестве отошел от этих принципов и внес большой вклад в развитие татарского литературного языка.

Идея изучения русского языка татарами так же начала выходить на передний план примерно в середине XIX века. Торговая и предпринимательская деятельность заставляла их тесно сотрудничать как с представителями официальных властей, так и с русскими предпринимателями. Возникло опасение, что изучение русского языка способствует успеху миссионерской деятельности со стороны православного духовенства. Усилия Ш. Марджани и К. Насыри были направлены на преодоление подобных настроений в татарской среде (Юзеев, 2001).

Необходимость соблюдения религиозных обрядов в непривычных для мусульман северных широтах, изменение традиционных занятий и усложнение социально-экономических отношений – все это требовало специального разъяснения с позиции соответствия установкам шариата. Ссылки на религиозные авторитеты в этих случаях были неуместны, так как в Коране и в Сунне эти проблемы не рассматривались вообще.

Вопрос о правомерности существования и развития музыкального искусства вызвал довольно серьезную дискуссию в татарском обществе. Х.-Г. Габаши как авторитетный среди мусульман общественный деятель активно участвовал в обсуждении и решении с точки зрения адаптации новых явлений в духовной жизни с нормами мусульманской общины.

1.3. Гипотеза исследования

Анализ исследуемой проблемы позволил сформулировать гипотезу исследования данного вопроса: изучение интерпретации модернизационных процессов в сфере духовной культуры в трудах Х.-Г. Габаши (1909; 1912; 2001) позволит выявить основные проблемы, с которыми сталкивалось мусульманское общество в период становления национального самосознания у тюрко-мусульманских народов Внутренней России.

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Для проверки гипотезы были использованы методы, взаимодополняющих друг друга:

Был проведен анализ диссертаций и литературы, посвященных изучению состояния развития духовной культуры мусульман Внутренней России в начале XX века.; изучен источниковый материал, основу которого оставляют статьи и исследования татарских общественных деятелей.

При анализе литературы использовались следующие методы исторического исследования:

Историко-антропологический, который рассматривает интересы «человека в обществе», индивида в разных его проявлениях (ментальности, интеллекта, эмоций, культуры) (Кромм, 2010). Именно через всестороннее изучение «человека во времени» (Блок, 1973), с его стереотипами, стремлениями, социальными связями возможно постижение истории и извлечение определенного опыта для настоящего. В данном исследовании изучалось развитие общественного мнения на рубеже XIX-XX веков через анализ статей Х.-Г. Габаши (1909; 1912; 1915) по проблемам культурной модернизации.

Историко-биографический метод характеризуется стремлением раскрыть изучаемую личность во всей полноте ее жизненной истории. Метод предполагает привлечение особого корпуса источников - документов личного происхождения (свидетельств современников, дневников, мемуаров, воспоминаний).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В исламском мире основными языками в области теологических и научных исследований были арабский и персидский. Известный татарский просветитель Ш. Марджани (1817–1883) многие трактаты писал на арабском языке. На вопрос, почему он не пишет на «тюрки», отвечал, что все образованные его соотечественники владеют арабским и, написание работ на понятном всем мусульманам наречии позволит распространиться его идеям (Юзеев, 2001).

К. Насыри иначе относился к роли родного языка. Свои работы писал на татарском языке, с минимальным вкраплением арабизмов и фар-

сизмов. Ему принадлежит создание учебников по географии, биологии, геометрии, арифметики на татарском языке (Насыри, 1975).

Хасан-Гата Габаша внес свой вклад в развитие родного языка. В 1898 году в Уфе на совещании представителей духовенства, интеллигенции и буржуазии, когда закладывались основы реформы просвещения, Х.-Г. Габаша был назначен главным координатором. В итоговом решении совещания утверждалось: «Опираясь на опыт всего мира, считается, что основы религии и науки у каждого племени должны излагаться на собственном тюркском и казанском языке...» (Карими, 1907). Создание необходимой литературы поручалось комиссии во главе с Х.-Г. Габаша,

Похожей была проблема о необходимости изучения русского языка мусульманами. Ш. Марджани с сентября 1876 года по май 1884 года преподавал богословие в Казанской татарской учительской школе, открытой для подготовки учителей русского языка, утверждал: «Наш народ не совсем понимает сути вопроса: он считает, что обучение русскому языку дело вредное и что это дело продолжается только потому, что там преподаю я, и что если я перестану работать, то и обучению русскому языку придет конец. А дело обстоит совершенно иначе...» (Марджани, 2001)

Каюм Насыри считал, что знание русского языка является решающим условием в овладении татарами достижениями мировой культуры (Насыри, 1975). В 1871 году он участвовал в открытии светской начальной школы для татарских детей с преподаванием русского языка. Тогда же начинает издавать ежегодный календарь, где помещались научные и литературные статьи, материалы к которым переводились с русских журналов.

Противники изучения русского языка доказывали, что знание его не упоминалось в качестве желаемого во времена пророка Мухаммада и его сподвижников, обучение русскому является нововведением, что считалось большим грехом. На это Хасан-Гата Габаша возражал так: «Наша вера не ставит знание того или иного языка выше остальных... В современных условиях, когда татарское общество не может жить замкнуто, знание русского языка является наиболее серьезной проблемой. Без этого языка невозможно быть в курсе всех событий, из-за чего происходит столько недоразумений между татарским населением и государственными органами. Более того, в русских книгах есть очень много полезной

информации для татарского населения» (Габаша, 2001). Решая проблемы мусульманских учебных заведений в должности казья Духовного Соборания, он внедрил изучение русского языка в медресе и татарских учительских школах.

В начале XX века татарские приказчики в крупных городах Среднего Поволжья и Урала начали возмущаться тем, что их выходные дни совпадают с христианскими праздниками, а мусульманские праздники игнорируются. Хасан-Гата Габаша предложил свой вариант решения проблемы, предусматривавший неполный рабочий день в пятничные дни и выходные, с последующими отработками (Габаша, 2001).

Для облегчения тягот исполнения уразы – поста в северных широтах, где солнце не заходит за горизонт многие месяцы, он предлагал разбить день на 12 часовой «день» и «ночь» и в соответствии с этим, прием пищи осуществлять во время такой условно обозначенной «ночи» (Габаша, 2001).

В вопросе о предпочтительности четырех или пятикратного намаза в период длительного светового дня Х-Г. Габаша следовал точке зрения Ш. Марджани. В статье «Рамазан ва намаз сораулары» («Вопросы уразы и чтения намаза»), Габаша считает неубедительными доказательства тех, кто ратует за четырехкратный намаз, призывая неукоснительно соблюдать правила шариата (Габаша, 2001).

Ш. Марджани возмущался тем, что религиозные деятели сознательно препятствуют развитию эстетических устремлений своего народа (Марджани, 2001). Каюм Насыри в своих трудах в отношении музыкальной культуры утверждал: «Музыка может воодушевить человека или создать настроение подавленности, она может вызвать чувство радости, наслаждения, воспитать великодушие, мужественность, вызывать стремление к творчеству и передавать чувства страдания и сострадания» (Насыри, 1884).

Несмотря на то, что еще в XIX веке раздавались авторитетные мнения в защиту музыки, дискуссия по данному вопросу в начале XX столетия стала более ожесточенной. Тогда увеличилось количество шакирдов, проживавших в крупных городах. Они под впечатлением концертов начали устраивать в своих медресе театрализованные представления. Первый спектакль силами шакирдов был поставлен в Ижбобьинском ме-

дресе (Максудова, 1992). Во многих джадидистских учебных заведениях начинают функционировать литературные кружки, появляются первые оркестры шакирдов.

Настороженное отношение мусульманского населения к музыке было связано с особенностями традиционных мусульманских представлений. Ахмед-Хади Максуди в своем сборнике «Шаригат хокемнаре» («Предписания шариата») в числе неодобряемых называет такие поступки, как распевание песен с целью поднятия собственного настроения, слушание инструментальной музыки и так далее (Максуди, 1997). Поэтому мусульманское духовенство не поддерживало светских форм музицирования. Сын Хасан-Гаты Габаши, известный композитор и специалист в области теории музыки Султан Габяши в своей статье «О татарской музыке» писал: «До революции 1905 года татарская музыка была в загнанном положении, благодаря усердию фанатичных мулл... В городах музыка была загнана в пивные, или как они тогда назывались, «портерные» и в особенности дома терпимости, куда не могла проникнуть власть мулл и фанатиков... Это обстоятельство привело к тому, что музыканты... вынуждены были искать себе работу и заработок в этих местах» (Габяши, 1997).

Хасан-Гата Габаши изложил свои взгляды по вопросу о музыке в двух статьях: «Снова о пароходе «Надежда»» (не опубликована) (Габаши, 1912) и «Музыка и стих» в сборнике «Памяти Ш. Марджани» (Габаши, 2001). В рукописи статьи казый пишет, что музыка нисколько не противоречит духу ислама. Даже в самих религиозных источниках повествуется о том, что музыка звучала не только во дворцах халифов, но ею слушали некоторые из пророков, к примеру, Сулейман (Соломон), Дауд (Давид) и даже Мухаммад (Габаши, 1912).

Другую свою статью, посвященную искусству – «Музыка въ шигърь» («Музыка и стих»), Хасан-Гата Габаши начинает следующими словами: «Одним из важных вопросов, который поставил перед нашим обществом Марджани, был вопрос об отношении к музыке и литературе» (Габаши, 2001). Приступая к анализу упомянутого вопроса, он приводит свои собственные определения для таких явлений как музыка, мелодия, песня и стихотворение. Сначала он раскрывает значение слова «стихотворение». используя компаративно-лингвистический метод:

«По-арабски – *шигырь*, по-персидски – *баит*, по-тюркски – *джыр* ‘песня’, стихотворение можно читать с помощью мелодии и без нее... Мелодией называют гармоничные звуки, которые издает человек с помощью своих голосовых связок. Музыку же извлекают с помощью разных предметов: курая (тростника), дерева, струны и др» (Габаши, 2001).

Таким образом, согласно Хасан-Гаты Габаши стихотворение и песня суть гармоничные звуки, состоящие из специальных слов, которые издает человек. В ответ тем, кто усматривал в занятиях музыкой причину забвения религии писал: «Прекрасные звуки – суть пища души и способ воспитания. Они способны успокоить страждущего, расширить горизонт мысли, исправить недостатки нравов и отточить разум. Как говорят члены суфийского братства, ангелы, играя на небесных трубах, будут облагораживать и улаживать человеческие души. Недаром маленьких детей успокаивают, укачивая и напевая мелодии... Кроме этого, она навеивает настроения умиротворенности, покоя, отсутствия злобы и ненависти... Все это, несомненно, сотворено Всевышним с целью извлечения человеком из музыки заложенной в ней пользы. Поэтому ни один из известных пророков не считал музыку харамом» (Габаши, 2001).

С другой стороны, он перечисляет те случаи, в которых занятия музыкой превращаются в общественно вредное явление и поэтому требуют запрета. Если в песне содержится призыв к непотребному поведению, или в ее тексте встречаются дурные слова, клеветнические заявления или свидетельства, порочащие религию и веру, то такие песнопения необходимо считать «харамом». Кроме того, Х.-Г. Габаши считает предосудительным поведение человека, проводящего всю свою жизнь в бездельи, и улаждающего себя музыкой.

Активная деятельность Х.-Г. Габаши на посту казья, написание им статей, обосновывающих совместимость музыки и ислама, издание фетв, разрешающих исполнение музыкальных произведений и проведение концертов вызывало недовольство со стороны традиционно настроенного духовенства. Так имам деревни Олы Менгер Казанского уезда Шахиахмед Ахмер стыдит Габаши следующим образом: «Говорят, во время литературного вечера в Уфе не ты ли сказал: «Скрипка, гармонь, танцы и пение являются богоугодным делом?». Тогда что возразишь на вопрос: «Какое место в шариате подтверждает это?». Тогда

говорил ты много, а здесь ты молчишь. Эй, мелла Хасан-Гата, борода у тебя в седилах, смертный час стучится в двери, и ты не боишься утверждать несоответствующие шариату слова...» (Ахмер, 1906). Консерваторы постарались остановить пропаганду «антибожественных идей» со стороны казья, заставив подать в отставку в 1913 году со своей должности.

Таким образом, Хасан-Гата Габаши был одним из сторонников обновления различных сторон жизни мусульман, проживающих в Российской империи. Его многоплановая деятельность на посту казья благотворно сказалась на разрешении ряда существенных вопросов.

Обсуждение

Исследования о Х.-Г. Габаши немногочисленны: почти все имеющиеся упоминания об этом общественном деятеле относятся к двум периодам, значительно отделенным друг от друга во времени. Первый приходится на начало XX века, а второй период наступает лишь в конце 80-х - начале 90-х годов XX века.

При этом, исследователей в большей степени интересовали исторические труды и общественная деятельность, а не его теологические или искусствоведческие статьи. (Валиди, 1925). А. Ю. Хабутдинов относит идеологическую позицию казья к направлению умеренно реформаторского толка (Хабутдинов, 1996; Хабутдинов, 1997).

Р. Р. Салихов высоко оценивает деятельность Хасан-Гаты Габаши на поприще народного образования. Большое внимание в статье уделяется анализу роли общественного деятеля и историка в жизни мусульманского общества (Салихов, 1999).

Заключение

Касаясь проблем использования татарского языка при написании научных трудов Х.-Г. Габаши на практике доказал его эффективность в педагогике. Все его сочинения написаны простым и понятным слогом на татарском языке («казанский тюрки»), (Габаши, 1909), который был доступен даже молодым шакирдам. Являлся активным проводником идеи изучения татарами русского языка, что должно было способствовать прогрессу татарской нации.

В вопросах выполнения религиозных ритуалов, Х.-Г. Габаша настаивал на обязательном исполнении основных столпов ислама. Казый считал, что условия, сопутствующие проведению намаза играют второстепенную роль по сравнению с самим требованием ежедневной пятикратной молитвы.

Всесторонний анализ проблем, связанных с музыкальным искусством, заложил основу для концепции развития музыкального искусства среди татар и башкир, нашедшей свое применение в период Советской власти.

Таким образом, его активная позиция сыграла значительную роль в процессе развития татарского общества по пути, совмещавшему традиции Востока и Запада.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Материалы данной статьи могут представлять интерес для интересующихся историей развития мусульманского общественного мнения в период модернизационных процессов в Российской империи в сфере духовной культуры на рубеже XIX-XX веков и общественной мысли мусульманских народов Внутренней России.

Литература

Абдуллин Я. Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. Казань: «Иман», 1998, с. 41.

Алмазова Л. И. К вопросу о релеватности термина «джадидизм» в отношении татарской религиозно-философской мысли начала XX века. Шигабутдин Марджани: Наследие и современность. Сборник статей (с. 268-278). Казань: «Алма-Лит», 2008.

Амирханов Р. У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток Запад» (на примере развития русской культуры). Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Ахмер Ш. Письмо казыю Х.-Г. Габаша. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского Федерального университета. Том 1543, лист 23. Казань, 1912.

Блок М. Апология истории. Москва: «Наука», 1973.

Валиди Д. Очерк по истории образованности и литературы по-

вожских татар (до революции 1917 года). Вып.1 – Москва, «Петроград», 1923.

Габаши Х.-Г. «Мофассал тарих каум торки» (Всеобщая история тюркских народов). Казань, 1909.

Габаши Х.-Г. Янэ «Омид» пароходы турында (Снова о пароходе «Надежда»). Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского Федерального университета. Том 1543, Листы 7-10. Казань, 1912.

Габаши Х.-Г. Музыка вэ шигыр (Музыка и стих). Мэргани мэжмугасы (Сборник памяти Марджани). Том 2. (с. 130-132). Казань: «Иман», 2001.

Габаши Х.-Г. Рамазан вэ намаз сораулары (Вопросы уразы и чтения намаза). Мэргани мэжмугасы (Сборник памяти Марджани). Том 2. (с.132-135). Казань: «Иман», 2001.

Габяши С. Х. О татарской музыке. Султан Габяши. Материалы и исследования. Казань: Институт языка, литературы и истории, 1997, с. 40–48.

Жестовская Ф. А. Проблемы татарского просветительства в XIX – начале XX веков в историко-политическом измерении. Автореферат на соискание кандидатской ученой степени. Казань: Казанский Государственный университет, 2004.

Карими М. Ф. Аннан-буннан (Из разных мест). Оренбург, 1907.

Кромм М. М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. Санкт-Петербург: «Квадрига», 1990.

Максуди А. Х. Шэригать хокемнэре (Предписания шариата). Казань: «Иман», 1997.

Максудова С. Первый спектакль в Буби. Книжные полки в медресе. Казань: «Татарское книжное издательство», 1992.

Марджани Ш. Назурат ал-хакк фи фардият ал-ашава ан лякягиб-ш-шафак. (Обозрение истины относительно обязательности вечерней молитвы). Казань, 1870.

Марджани Ш. Мэргэни мэжмугасы. Сборник памяти Марджани. Казань: «Иман», 2001.

Насыри К. Фэваких аль-джуласа. (Плоды собеседников). Казань, 1884.

Насыри К. Избранные произведения. Казань: «Татарское книжное издательство», 1975.

Салихов Р. Р. Хасан-Гата Габаши. Очерки по истории Высокогорского района (с. 46-52). Казань: «Мастер-Лайн», 1999.

Фаизханов Х. Жизнь и наследие. Нижний Новгород: Издательский Дом «Медина», 2008.

Фахрутдинов Р. Р. Татарское общественно-политическое движение в конце XIX – начале XX веков как фактор конструирования национальной идентичности: автореферат диссертации на соискание докторской ученой степени. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, 2007.

Хабутдинов А. Ю. Татарское общественно-политическое движение в первой четверти XX в. Автореферат диссертации на соискание кандидатской ученой степени. Казань: Казанский Государственный университет, 1996.

Хабутдинов А. Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900-1918. Казань: Казанский государственный университет, 1997.

Юзеев А. Н. Татарская философская мысль конца XVIII–XIX веков. Казань: Татарское книжное издательство, 2001.

Сведения об авторе

Тухватуллин Айрат Халитович, канд. ист. наук, Институт международных отношений, отделение Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия, Кафедра отечественной истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

References

Abdullin Ya. G. Dzhadidizm sredi tatar: vzniknovenie, razvitie i istoricheskoe mesto. Kazan': Iman, 1998. 41.

Almazova L. I. K voprosu o relevatnosti termina «dzhadidizm» v otnoshenii tatarskoi religiozno-filosofskoi mysli nachala KhKh veka. Shigabutdin Mardzhani: Nasledie i sovremennost'. Sbornik statei (s. 268-278). Kazan': Alma-Lit, 2008.

Amirkhanov R. U. Tatarskaya dorevolutsionnaya pressa v kontekste «Vostok Zapad» (na primere razvitiya russkoi kul'tury). Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002.

Akhmer Sh. Pis'mo kazyyu Kh.-G. Gabashi. Otdel redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki im. N. I. Lobachevskogo Kazanskogo Federal'nogo universiteta. Tom 1543, list 23. Kazan', 1912.

Blok M. Apologiya istorii. Moskva: Nauka. 1973.

Validi D. Ocherk po istorii obrazovannosti i literatury povolzhskikh tatar (do revolyutsii 1917 goda). Vyp.1 – Moskva, Petrograd. 1923.

Gabashi Kh.-G. «Mofassal tarikh kaum torki» (Vseobshchaya istoriya tyurkskikh narodov). Kazan', 1909.

Gabashi Kh.-G. Yane «Omid» parokhody turynda (Snova o parkhode «Nadezhda»). Otdel redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki im. N. I. Lobachevskogo Kazanskogo Federal'nogo universiteta. Tom 1543, Listy 7-10. Kazan', 1912.

Gabashi Kh.-G. Muzyka ve shigyr' (Muzyka i stikh). Merzhani mezhmugasy (Sbornik pamyati Mardzhani). Tom 2. (s. 130-132). Kazan': Iman, 2001.

Gabashi Kh.-G. Ramazan ve namaz soraulary (Voprosy urazy i chteniya namaza). Merzhani mezhmugasy (Sbornik pamyati Mardzhani). Tom 2. (s.132-135). Kazan': Iman, 2001.

Gabyashi S. Kh. O tatarskoi muzyke. Sultan Gabyashi. Materialy i issledovaniya. Kazan': Institut yazyka, literatury i istorii, 1997. S. 40–48.

Zhestovskaya F. A. Problemy tatarskogo prosvetitel'stva v XIX – nachale KhKh vekov v istoriko-politicheskom izmerenii. Avtoreferat na soiskanie kandidatskoi uchenoi stepeni. Kazan': Kazanskii Gosudarstvennyi universitet, 2004.

Karimi M.-F. Annan-bunnan (Iz raznykh mest). Orenburg, 1907.

Kromm M. M. Istoricheskaya antropologiya. Posobie k leksionnomu kursu. Sankt-Peterburg: Kvadriga, 1990.

Maksudi A. Kh. Sherigat' khokemnere (Predpisaniya shariata). Kazan': Iman, 1997.

Maksudova S. Pervyi spektakl' v Bubi. Knizhnye polki v medrese. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992.

Mardzhani Sh. Nazurat al-khakk fi fardiyat al-ashava an lyakyagib-sh-shafak. (Obozrenie istiny otnositel'no obyazatel'nosti vechernei molitvy). Kazan', 1870.

Mardzhani Sh. Merzheni mezhmugasy. Sbornik pamyati Mardzhani. Kazan: Iman, 2001.

Nasyri K. Fevakikh al'-dzhulasa. (Plody sobesednikov). Kazan', 1884.

Nasyri K. Izbrannye proizvedeniya. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975.

Salikhov R. R. Khasan-Gata Gabashi. Ocherki po istorii Vysokogorskogo raiona (s. 46-52). Kazan': Master-Lain, 1999.

Faizkhanov Kh. Zhizn' i nasledie. Nizhnii Novgorod: Izdatel'skii Dom «Medina», 2008.

Fakhrutdinov R. R. Tatarskoe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v kontse XIX – nachale KhKh vekov kak faktor konstruirovaniya natsional'noi identichnosti: avtoreferat dissertatsii na soiskanie doktorskoi uchenoi stepeni. Sankt-Peterburg: Muzei antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiiskoi akademii nauk, 2007.

Khabutdinov A. Yu. Tatarskoe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v pervoi chetverti XX v. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie kandidatskoi uchenoi stepeni. Kazan': Kazanskii Gosudarstvennyi universitet, 1996.

Khabutdinov A. Yu.. Tatarskoe obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v dosovetskii period: 1900-1918. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi universitet, 1997.

Yuzeev A. N. Tatarskaya filosofskaya mysl' kontsa XVIII–XIX vekov. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001.

About the author

A. Tuhvatullin, Cand. Sci.(Hist.), Institute of International Relations, Department of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Department of National History, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Дата поступления 14.04.2018

Археология Средневековья

УДК 94

К вопросу об урбанизации на территории Волжской Булгарии

З. Г. Шакиров

E-mail: zufar_alchi@mail.ru

Казанский (федеральный) университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Достижения археологических исследований в республике Татарстан и на прилегающих территориях позволяют выйти на новый уровень обобщений и освещения средневековой урбанизации Волго-Камского региона Восточной Европы. Цель статьи заключается в отражении роли раннефеодального государства Волжская (Волжско-Камская) Булгария 10 – первой трети 13 веков. Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является структурно-системный подход в изучении урбанистических процессов. Основные результаты исследования заключаются в определении векторов развития булгарских городских структур в общеисторическом контексте. Отражено влияние урбанизации Волжской Булгарии на исторические судьбы тюркоязычных и финно-угорских народов Восточной Европы. Проведен сравнительный анализ с процессами урбанизации, происходившими на Руси в это же время. Материалы статьи могут быть полезными для специалистов занимающихся средневековой историей и археологией Восточной Европы, а так же при реконструкции этнокультурных процессов.

Ключевые слова: средневековье; урбанизация; Волго-Камская область; Волжская Булгария; археология.

Для цитирования: Шакиров З. Г. К вопросу об урбанизации на территории Волжской Булгарии. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018;38(3-4):86–95.

To the issue of urbanization on the territory of the Volga Bulgaria

Z. Shakirov

E-mail: zufar_alchi@mail.ru
Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The achievements of archaeological research in the Republic of Tatarstan and in the adjacent territories allow us to reach a new level of generalization and coverage of the medieval urbanization of the Volga-Kama region of Eastern Europe. The purpose of the article is to reflect the role of the early feudal state of Volzhskaya (Volzhsko-Kama) Bulgaria 10 - first third of 13 centuries. The leading approach to the study of this problem is the structural-system approach in the study of urban processes. The main results of the research consist in determining the vectors of development of the Bulgarian urban structures in a general historical context. The influence of the urbanization of Volga Bulgaria on the historical fate of the Turkic and Finno-Ugric peoples of Eastern Europe is reflected. A comparative analysis with the processes of urbanization that took place in Russia at the same time. The materials of the article can be useful for specialists engaged in medieval history and archeology of Eastern Europe, as well as in the reconstruction of ethnocultural processes.

Keywords: High Middle Ages; urbanization; Volga-Kama region; Volga Bulgaria; archaeology.

For citation: Shakirov Z. To the issue of urbanization on the territory of the Volga Bulgaria. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):86–95. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

1.1. Актуальность проблемы.

Генезис урбанизации с древности до современности представляет собой важное направление в понимании государствообразующей ментальности различных современных народов (Storey, 2006). На сегодня процесс урбанизации отождествляется со сложными и прогрессивно развивающимися социально-экономическими общественными явлениями. Несомненно, ярким показателем урбанизации в разные исторические периоды является город.

К сожалению, в европейской и американской исторической науке очень слабо освещено существование такого значительного государственного образования как Булгария, располагавшегося в бассейне и у слияния довольно крупных рек Восточной Европы – Волга и Кама. Урбанизация Волжской Булгарии, наибольший расцвет которой приходился на X - первую треть XIII веков, позволила этому государству играть важную роль в регионе наряду с древней Русью. Изучение проблем политической, социальной и культурной истории, религии, искусств, архитектуры позволяет говорить о том, что Волжская Булгария с ее крупными городскими центрами и малыми городами обладала многими признаками и традициями средневековой урбанизации западных и восточных цивилизаций.

Стоит оговорить, что имея общие этнические истоки с болгарями, основавшими государство в Юго-Восточной Европе на берегах Дуная, булгары на Волге развивались по иному пути, связанному с исламской цивилизацией.

1.2. Характеристика Волжской Булгарии.

Раннефеодальное государство Волжская (в ряде исторической литературы Волжско-Камская) Булгария (X – первая треть XIII вв.) известна по арабским, персидским письменным источникам, древнерусским летописям и рассказу доминиканского миссионера из Венгрии Юлиана (Хузин, 1997). Это государство, стоявшее на примерно одном уровне с другими средневековыми державами, сыграло огромную роль в истори-

ческих судьбах многих тюркоязычных и финно-угорских народов Восточной Европы. На сегодняшний день археологам, на территории республик Татарстан и Чувашия, Ульяновской, Самарской и Пензенской областей Российской Федерации известно около 170 укрепленных поселений и 700 селищ (Фахрутдинов, 1975; Белорыбкин, 1995; Свод..., 2007), соотносимых с Волжской Булгарией и регионами, находившимися под ее влиянием. Часть поселений погибла в результате монгольского нашествия 1236 года и не возрождалась, а часть вошла в Булгарский улус Золотой Орды (середина XIII – начало XV вв.) и позже Казанское ханство (середина XV в. – 1552 г.).

1.3. Значимость проблемы.

В российской археологической науке на основе выявления специфики зарождения и функционирования городов развивается изучение урбанистических процессов связанных, прежде всего с древнерусскими землями (Авдусин, 1980; Толочко, 1989; Археология..., 1985; Становление..., 1989; Куза, 1996). Как и в других государствах раннего и развитого средневековья города Волжской Булгарии не всегда обладали полным набором признаков классического города, но отражали сложность и своеобразие Волго-Камского региона X – первая треть XIII вв. (Хузин, 2001).

1.4. Степень изученности.

На сегодняшний день с конкретными городами, упоминаемыми в аутентичных письменных источниках увязываются остатки таких домонгольских булгарских городов как Биляр (по русским летописям – Великий город), Булгар (по русским летописям – Бряхимов), Сувар, Ошель, Джукетау (Жукотин), Кашан.

По материалам археологических исследований, прежде всего городищ, датируемых домонгольским временем, разбираются многие элементы, свидетельствующие об ярких урбанизационных процессах в рассматриваемом регионе. Среди обобщающих трудов стоит отметить работы, затрагивающие проблемы духовной культуры (Давлетшин, 1990), фортификации (Губайдуллин, 2002), торгово-экономических от-

ношений (Валеев, 2007), высокотехнологичных производств (Валиулина, 2005; Семыкин, 2015). В последние годы все активней ведется разработка вопросов взаимодействия города с округой, отражавшегося на поселенческой структуре, материальной культуре, ресурсном и демографическом потенциале, экологии (Руденко, 2007; Шакиров, 2014; Shakirov, 2016).

Все вышеотмеченные элементы определялись следующими этапами моментами урбанизации Волжской Булгарии:

1) постепенный выход из под контроля Хазарского каганата и овладение контролем над стратегическим участком Волжского торгового пути у слияния реки Камы в реку Волга;

2) происхождение болгарских городов связано с седентеризацией болгар и временем возникновения у них первых постоянных поселений;

3) провозглашение ислама государственной религией, что позволило завершить объединение разноэтничных племен в рамках единой идеологии;

4) расцвет болгарских городов как крупных ремесленных центров обеспечивавших экономический рост, накопление богатств и усложнение поселенческих структур.

Сравнивая два крупных средневековых государственных образования Восточной Европы – Волжскую Булгарию и Древнюю Русь можно наметить общие тенденции генезиса и развития в X – начала XIII вв., завязанные на урбанизацию:

Волжская Булгария	Древняя Русь
9 – начало 10 веков. Смена (или отодвижение на второй план) местных правящих элит. Новые элиты имели более сильную военную организацию и слабо зависели от прежних, конфликтовавших между собой племенных элит.	
Булгары и родственные им племена (с территории Хазарского каганата)	Варяги/Норманы (с территории Скандинавии)
Взятие под контроль крупных речных международных торговых путей и устройство на их стратегических участках городов, крепостей и торгово-ремесленных поселений.	

Основной артерией являлась река Волга - «Великий Волжский путь», включавший, в том числе бассейн р. Кама. Соединял север Восточный Европы с Прикаспийским регионом.	Основной артерией являлась река Днепр - «Путь из Варяг в Греки». Соединял Балтийское море с Черноморским регионом.
10 век. Провозглашение монотеистических религий государственными религиями. Это позволило объединить разноэтничные племена в единые народы и привело к формированию их ментальности. В качестве государственных религий были выбраны религии крупных государств, являвшихся основными торговыми партнерами.	
Основу волжских булгар составили тюркские племена, поволжские финны, угры (древние венгры) и финно-угры Волго-Камья. В 922 г. в Волжской Булгарии государственной религией был провозглашен ислам суннитского толка. Основными торговыми партнерами являлись Закавказские и Среднеазиатские провинции Арабского халифата.	Основу древнерусского народа составили восточные славяне, а также некоторые финно-угорские, балтские и тюркские племена. В 988 г. в Древней Руси государственной религией провозглашено христианство православного толка. Основной торговый партнер Византийская империя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление государственности и развитие городов в Волжской Булгарии подготовило предпосылки развития поселенческих структур и широкого внедрения благоустройства в область городского хозяйства. Немаловажную роль в урбанизации сыграли распространение мусульманской обрядности, консолидация общепулгарской народности, а также продолжавшие сохраняться синкретичные традиции.

Таким образом, в данном исследовании показаны некоторые итоги изучения Волжской Булгарии до монгольского завоевания и намечены дальнейшие перспективы.

Говоря об итогах, хочется отметить, что они выражаются в традиционных подходах к изучению средневекового урбанизма и были сосре-

доточены на реконструкции планов городов, их благоустройстве и изучение торговой и ремесленной деятельности.

В последние же годы, все больше внимания уделяется анализу исторического ландшафта в его динамике:

- антропогенному воздействию на окружающую среду, отраженному в изменении лесного фонда и уплотнении сети поселений;
- определении уровня схождения и различия между различными городскими центрами или городской и сельской жизнью, определявшихся взаимной зависимостью различными видами ресурсов;
- выявлении сходств и различий между различными домохозяйствами, связанными с родом деятельности, благосостоянием или этнической принадлежностью.

Имеющиеся данные уже сегодня позволяют говорить об активных урбанизационных процессах на территории волжской Булгарии 10 – начала 13 вв., которые позволили этому государству, наряду с русскими княжествами, играть важную роль в истории Восточной Европы до монгольского нашествия.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Археологические материалы ложатся в основу, исследований по созданию картины урбанизации тюркоязычных народов, истоков проникновения и распространения ислама в Волго-Камском регионе на примере государства волжских булгар в X – начале XIII веков. Материал статьи представляет интерес для специалистов, которые занимаются проблемами урбанизации, изучением и преподаванием средневековой истории Восточной Европы.

Литература

Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным), Вопросы истории, 2: 24–42. 1980.

Белорыбкин Г. Н. Городища X–XIII вв. Верхнего Посурья и Приокшанья (материалы к археологической карте), Страницы истории Волго-Донья. Пенза: 1–61. 1995.

Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2002, с. 232.

Валеев Р.М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX – начало XV вв.). Казань: Изд-во КГУ. 2007, с. 392.

Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (По материалам Билярского городища). Казань: Издательский Центр Казанского университета. 2005, с. 279.

Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период. X – начало XIII вв. Казань: «Таткнигоиздат». 1990, с. 191.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. Москва, 1996, с. 255.

Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: «Школа». 2007, с. 244.

Рыбаков Б. А. (гл. ред.) Археология СССР. Древняя Русь: Город, замок, село. М.: «Наука». 1985, с. 431.

Ситдилов А. Г., Хузин, Ф. Ш. (отв. ред.) Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. Казань, 2007, с. 528.

Седов В. В. (отв. ред.) Становление Европейского средневекового города. М.: «Наука», 1989, с. 288.

Семыкин Ю. А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. (Археология Евразийских степей. Вып. 21). Казань: ИА АН РТ. 2015, с. 228.

Storey G. R. (ed.) Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches. Tuscaloosa: University of Alabama Press. 2006, p. 443.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев: «Наукова думка». 1989, с. 256.

Фахрутдинов, Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: «Таткнигоиздат». 1975, с. 219.

Хузин Ф. Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). Казань: «Фест». 1997, с. 184.

Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: «Мастер Лайн». 2001, с. 480.

Шакиров З. Г. Средневековая округа Биляра: к методике исследования поселенческой структуры и ресурсного потенциала, Поволжская археология, 2 (8): 37-48. 2014.

Shakirov Zufar. Anthropogenic impacts on the forest resources of the Volga and Kama rivers region in the Middle Ages (historical and archaeological aspects), SMIA 2016: Benchmarking Interdisciplinary in Archaeological Research – Book of abstracts, XII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. Moesgård Museum, Aarhus, Denmark: 28–29. 2016.

Сведения об авторе

Шакиров Зуфар Гумарович, канд. ист. наук, доцент, кафедры археологии и этнологии, институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский федеральный университет, гл. науч. сотрудник Институт археологии им. А.Х. Халикова, АН РТ.

References

Avdusin D.A. (1980). ‘Proiskhozhdenie drevnerusskikh gorodov (po arkheologicheskim dannym)’, Voprosy istorii, 2: 24–42.

Belorybkin G.N. (1995). ‘Gorodishcha X–XIII vv. Verkhnego Posur’ya i Primokshan’ya (materialy k arkheologicheskoi karte)’, Stranitsy istorii Volgo-Don’ya. Penza: 1–61.

Gubaidullin A.M. (2002). ‘Fortifikatsiya gorodishch Volzhskoi Bulgarii’. Kazan’: Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 232 s.

Valeev R.M. (2007). ‘Torgovlya i torgovye puti Srednego Povolzh’ya i Priural’ya v epokhu srednevekov’ya (IX – nachalo XV vv.)’. Kazan’: Izd-vo KGU. 392 s.

Valiulina S.I. (2005). ‘Steklo Volzhskoi Bulgarii (Po materialam Bilyarskogo gorodishcha). Kazan’: Izdatel’skii Tsentr Kazanskogo universiteta. 279 s.

Davletshin G.M. (1990). ‘Volzhskaya Bulgariya: dukhovnaya kul’tura. Domongol’skii period. X – nachalo XIII vv.’ Kazan’: Tatknigoizdat. 191 s.

Kuza A.V. (1996). ‘Drevnerusskie gorodishcha X–XIII vv. Svod arkheologicheskikh pamyatnikov’. Moskva. 255 s.

Rudenko K.A. (2007). 'Volzhskaya Bulgariya v XI – nachale XIII v.: poseleniya i material'naya kul'tura'. Kazan': Shkola. 244 s.

Rybakov B.A. (gl. red.) (1985). 'Arkheologiya SSSR. Drevnyaya Rus': Gorod, zamok, selo'. M.: Nauka. 431 s.

Sitdikov A.G., Khuzin, F.Sh. (otv. red.) (2007). 'Svod pamyatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan. T. 3'. Kazan'. 528 s.

Sedov V.V. (otv. red.) (1989). 'Stanovlenie Evropeiskogo srednevekovogo goroda'. M.: Nauka, 288 s.

Semykin Yu.A. (2015). 'Chernaya metallurgiya i kuznechnoe proizvodstvo Volzhskoi Bulgarii v VIII – nachale XIII vv. (Arkheologiya Evraziiskikh stepei. Vyp. 21)'. Kazan': IA AN RT. 228 s.

Storey G.R. (ed.) (2006). 'Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches'. Tuscaloosa: University of Alabama Press. 443 p.

Tolochko P.P. (1989). 'Drevnerusskii feodal'nyi gorod'. Kiev: Naukova dumka. 256 s.

Fakhruddinov, R.G. (1975). 'Arkheologicheskie pamyatniki Volzhskoi Kamskoi Bulgarii i ee territoriya'. Kazan': Tatknigoizdat. 219 s.

Khuzin F.Sh. (1997). 'Volzhskaya Bulgariya v domongol'skoe vremya (X – nachalo XIII vekov)'. Kazan': «Fest». 184 s.

Khuzin F.Sh. (2001). 'Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv.' Kazan': «Master Lain». 480 s.

Shakirov Z.G. (2014) 'Srednevekovaya okrug Bilyara: k metodike issledovaniya poselencheskoi struktury i resursnogo potentsiala', Povolzhskaya arkheologiya, 2 (8): 37-48.

Shakirov Zufar (2016). 'Anthropogenic impacts on the forest resources of the Volga and Kama rivers region in the Middle Ages (historical and archaeological aspects)', SMIA 2016: Benchmarking Interdisciplinary in Archaeological Research – Book of abstracts, XII Nordic Conference on the Application of Scientific Methods in Archaeology. Moesgård Museum, Aarhus, Denmark: 28–29.

About the author

Zufar G. Shakirov, associate professor the Department of archaeology and ethnology, Institute of international relations, history and Oriental studies,

Kazan (Volga Region) Federal University; Chef research scientist, Institute of Archeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

Дата поступления 28.04.2018

УДК 94

Исторические особенности золотоордынского города

Л. Ф. Недашковский

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт археологии АН РТ, Казань, Россия

Аннотация. В настоящей статье, с опорой на данные работ автора о золотоордынском городе и его округе, опубликованных в предшествующие годы (в ряде случаев в данные о памятниках и их группах внесены необходимые дополнения, обусловленные накоплением новых археологических материалов), комплексно характеризуются исторические особенности города Улуса Джучи. В этой обобщающей по своему характеру статье золотоордынский город рассматривается в сопоставлении с синхронными средневековыми городами Европы и Азии.

Ключевые слова: Золотая Орда, средневековая археология, Поволжье, городская цивилизация.

Для цитирования: Недашковский Л. Ф. Исторические особенности золотоордынского города. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018; 38 (3-4): 97–116.

Historical peculiarities of the cities of Golden Horde

L. F. Nedashkovskiy

Federal University, Kazan, Russia

Abstract. Basing on the author's recent investigations of the cities and suburban ares of the Golden Horde here is given a complex characteristics of

othe historical peculiarities of these cities. Some new data on archaeological sites and groups are newly introduced in the study. A comparison of the Golden Horde cities with the cities of othe medieval regions of Europe and Asia is also done.

Keywords: Golden Horde, medieval archaeology, Volga region, urban civilization.

For citation: Nedashkovskiy L. F. Historical peculiarities of the cities of Golden Horde. Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University. 2018;38(3-4): 97–116. (In Russ.)

В настоящей статье, с опорой на данные работ автора о золотоордынском городе и его округе, опубликованных в предшествующие годы (в ряде случаев в данные о памятниках и их группах внесены необходимые дополнения, обусловленные накоплением новых археологических материалов), комплексно характеризуются исторические особенности города Улуса Джучи. В этой обобщающей по своему характеру статье золотоордынский город рассматривается в сопоставлении с синхронными средневековыми городами Европы и Азии.

Город считается неперменным атрибутом цивилизации, специализированным поселением с особым набором функций. В современной исторической науке город понимается как «специфическое поселение, с особой топографией, со значительным плотным, гетерогенным (этнически, социально и профессионально) населением; в нем сосредоточены товарообмен и товарное, преимущественно ремесленное, производство, институты власти, культа и культуры» (Сванидзе, 1999, с. 9). Город играл роль ускорителя этнических и этнокультурных процессов, был активным участником формирования материальной культуры. Золотоордынский город, по сравнению с другими средневековыми городами, несет в себе черты общего и особенного.

Нижнее Поволжье являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей государства вплоть до его распада. Здесь был домен золотоордынских ханов, коче-

вали их ставки. С 40-х – 50-х гг. XIII в. начинается градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Нижнем Поволжье. Как писал Г.А. Федоров-Давыдов, “Нижняя Волга, где строились новые города, представляла собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно было пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, расположившись здесь, золотоордынские ханы держали в своих руках важную торговую магистраль всей Восточной Европы – Волгу. Именно здесь пути, ведущие с севера по Волге и далее по Каспийскому морю в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, перекрещивались с караванными путями из городов Причерноморья и из Азака на восток, через степи Казахстана в пустыни Приаралья” (Федоров-Давыдов, 1994, с. 11). Наряду с только что основанными городами монголами активно использовались и старые города Среднего Поволжья и Хорезма, бывшие наиболее значимыми в течение всей второй половины XIII в. Но постепенно новые, основанные самими Джучидами на Нижней Волге, крупнейшие города, а также их округа, начинают играть в золотоордынском государстве все большую роль.

К историческим особенностям золотоордынского города Нижнего Поволжья следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи, интенсивно строившей города во второй половине XIII – первой половине XIV в.¹. “Имен-

В середине XIII в. в среде монгольской аристократии определились два подхода к организации властвования над покоренными землями. Первая группа знати стремилась сохранять кочевой образ жизни, периодически грабя оседлое население. Вторая группа планировала превратить оседлые земли в объект систематического налогообложения (Федоров-Давыдов, 1994, с. 9; 1973, с. 29). Именно второй группе аристократии, властвовавшей в Улусе Джучи, несомненно, принадлежала инициатива организации многочисленных городских поселений в Нижнем Поволжье, в местах кочевки ханской ставки. Города были необходимы золотоордынской знати как крупные центры ремесла и торговли, т.е. как источник предметов роскоши, многочисленных ремесленных изделий, обслуживавших потребности военного дела и повседневного быта.

но создание оседлых административных центров для организации опорных точек властвования над огромной территорией, простиравшейся от берегов Дуная до Оби, и было одной из главных причин возникновения” (Егоров, 2000, с. 267) первых золотоордынских городов. Кроме того, к золотоордынским городам неприменимы некоторые « типовые » критерии определения городского характера памятника, например, наличие фортификационных сооружений – многие города Улуса Джучи, даже очень крупные, не имели их вплоть до междоусобицы 60-х – 70-х гг. XIV в. Ввиду этого к археологическим остаткам городов нами были отнесены крупные по площади (а, следовательно, и по количеству жителей) поселения, имеющие зафиксированные следы ремесленных производств и монументальной архитектуры.

Город в Золотой Орде обладал множеством функций: он был центром развитого ремесла и торговли, обладал собственным сельским хозяйством и промыслами, был связан с относительно большой областью (а не только с близлежащей округой), управлялся специальными чиновниками (правителями областей и городов, имевшими развитый аппарат управления), был средоточием религиозной и культурной жизни. В городе жили представители аристократии и других социальных слоев, площадь золотоордынских городов была весьма значительной, присутствуют в городах Золотой Орды предметы вооружения и иногда даже укрепления (хотя городское население государства Джучидов было слабо связано с военным делом). Население золотоордынских городов было поликонфессиональным и полиэтническим.

Золотоордынский город в большинстве случаев вообще не имел какой-либо фортификации (гарантией безопасности городов была мощная армия, комплектовавшаяся из кочевников), что определило его относительно свободную застройку и планировочную структуру. В степной зоне Золотой Орды отсутствовали ресурсы в виде леса хвойных пород (сосны, ели), применявшегося при строительстве жилищ в русских городах; ввиду этого жилище в виде наземного срубного дома не могло получить широкого распространения в степной полосе джучидской державы. Все общественные здания (мечети, минареты, мавзолеи, бани) и дворцы знати возводились из обожженного кирпича, рядовые жилища – из сырца с использованием деревянных каркасных конструкций. «Дома небо-

гатых горожан вплотную примыкали друг к другу, образуя сплошные стены по обеим сторонам улиц. Обширные усадьбы феодалов занимали целые кварталы, обнесенные глинобитными оградами» (Егоров, 2000, с. 268). Дома снабжались горизонтальными дымоходами-канами, лежанками-суфами и умывальниками-тошнау. Золотоордынские города отличались благоустройством – имелись площади, водоемы, колодцы, арыки, фонтаны, водопроводы и канализация, общественные туалеты.

Крупнейшими городскими центрами Нижнего Поволжья являлись городища Увекское, Царевское, Селитренное и Шареный Бугор.

Каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел свою более или менее развитую округу (Недашковский, 2000; 2004; 2006 №3; 2006 №4; 2010), в состав которой входили и малые города (в каждом рассмотренном нами случае число их достигало трех-пяти).

Нами была предпринята попытка экономического моделирования территорий, окружающих крупнейшие золотоордынские города Нижней Волги, путем выделения потенциальных экономических зон каждого поселения методами пространственного археологического анализа. Рассматривая полученные модели хозяйственной деятельности оседлого населения, можно заключить, что экономические ресурсы местности в округе Увекского городища были в значительной мере освоены, земледельческое хозяйство там было наиболее развитым; не случайно, что только в данном регионе подавляющее большинство местонахождений располагается в пределах выделенных потенциальных экономических зон поселений. В округе Царевского городища были освоены берега Ахтубы и берега Волги до истока Ахтубы. Меньшей степенью освоения ресурсов отличается дельта Волги, т.е. район вокруг городища Шареный Бугор, и минимальной – округа Селитренного городища.

В округе Увекского городища поселения ее центральной части (31 археологический памятник) были тесно связаны между собой, располагаясь поблизости друг от друга; остальные поселения образуют еще четыре куста по 2–6 памятников в каждом, и только 7 селищ расположены вдалеке от экономических зон других памятников. В округе Царевского городища наблюдается четыре куста памятников по 2–5 поселений в каждом (причем кусты поселений равномерно расположены вдоль бере-

га Ахтубы, а малозначительный Бахтияровский куст находится на середине расстояния между Царевским и Мечетным кустами с крупными по площади памятниками), 3 памятника расположены одиночно. В округе Селитренного городища к основному памятнику примыкает поселение Каменный Бугор, а остальные два поселенческих памятника расположены раздельно. В округе Шареного Бугра зафиксировано три куста по 2–8 поселений в каждом, два памятника, включая крупнейший, расположены отдельно от других поселений.

Проследим, как складывались и развивались эти кусты поселенческих памятников.

Для округи Увекского городища характерно раннее складывание основного, центрального куста памятников, где еще во второй половине XIII – начале XIV в. имелся очаг урбанизации. Мощная агломерация, сложившаяся вокруг Увекского городища, интенсивно развивается в эпоху расцвета Золотой Орды, существует она и в начальный период междоусобных войн. В разгар междоусобиц экономическая зона Увекского куста памятников сильно сокращается, а в правление Токтамыша интенсивно эксплуатируются лишь территории, прилежащие к самому золотоордынскому Уеку.

Поселенческие памятники в окрестностях Царевского городища возникают в ранний период истории Улуса Джучи по отдельности, хотя сразу образуется куст памятников у истока Ахтубы. Агломерация вокруг Царевского городища складывается лишь в эпоху расцвета Золотой Орды, существует она и в период междоусобицы, и при Токтамыше.

В округе Селитренного городища раньше других возникает основной памятник, а в период расцвета государства Джучидов складывается и куст вокруг него, существующий вплоть до распада золотоордынского государства.

В дельте Волги первые поселенческие памятники возникают отдельно, а наиболее ранний их куст (Самосдельский) формируется лишь в первой половине – середине XIV в. В эпоху начала междоусобных войн этот куст распадается, а в период правления Токтамыша на короткое время складывается Красноярский куст памятников.

Примечательно, что в округе Увекского и Царевского городищ на территориях выделенных нами потенциальных экономических зон по-

селений располагаются все известные к настоящему времени грунтовые могильники, в округе Селитренного городища – все, кроме комплекса у Хошеутово, т.е. 90% некрополей, а в округе Шареного Бугра – все, за исключением четырех могильников (Восточное, Зеленга, Икрыное, Новые Булгары), т.е. 80% некрополей. Эти данные свидетельствуют, что грунтовые могильники, как правило, располагались недалеко от поселений во всех рассмотренных нами группах памятников, чего нельзя сказать о курганных группах, принадлежавших кочевому населению джучидского государства.

Постараемся оценить долю населенных пунктов различного размера в общем экономическом и демографическом потенциале рассмотренных нами районов, окружающих крупнейшие золотоордынские города Нижнего Поволжья, основываясь на данных о площадях поселений. Во всех регионах по площади абсолютно доминируют крупнейшие городища, население которых, очевидно, преобладало над населением их округи, иногда, как в случае с Селитренным городищем и Шареным Бугром, – очень значительно. Население крупных по площади памятников, т.е. малых городов, было менее значительным (4,7–36,7% от общей численности населения в рассмотренных нами группах памятников), а средних и мелких поселений, т.е. сельских памятников, – небольшим (суммарно для тех и других – от 0,5 до 13,1% в различных регионах)².

Если сравнить площадь, а значит, и население средних и мелких поселений различных регионов, можно заключить, что среди сельского населения округи крупнейших городищ Нижней Волги доминировало население округи Увекского городища, за которым по численности следовало сельское население округи Шареного Бугра и Царевского городища. Население малых городов было более значительным в округе Шареного Бугра, за которой по количеству следовало население небольших городских памятников, окружавших Царевское, Увекское и Селитренное городища.

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (площадь каждого из них составляет несколько кв. км)

² В округе Селитренного городища сельские памятники вообще не известны.

позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступающими из соседних сел и деревень, гораздо меньших по суммарной площади. Следовательно, золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное – без своих собственных, городских – земледелия, скотоводства и промыслов. Нельзя исключать и доставки сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье как средства обеспечения его городов пищевыми ресурсами. В связи с этим не представляется удивительным, что из всех рассмотренных нами поселений находки земледельческих орудий происходят с шести городских (Водянское, Селитренное, Увекское и Царевское городища, Красный Яр, Хмелевка I) и двух сельских (селища Багаевское и Широкий Буерак) памятников, а находки рыболовных принадлежностей – с семи городских (Водянское, Селитренное, Увекское и Царевское городища, Красный Яр, Хмелевка I, Шумейка) и семи сельских (Алексеевское городище, селища Багаевское, Болдыревка, Квасниковка, Маячное I, «Плотина», Подгорное) поселений.

В рассмотренных нами районах Нижнего Поволжья, прилегающих к крупнейшим городским центрам (Недашковский, 2010), оседлая аристократия проживала преимущественно в городах. Аристократические захоронения в мавзолеях и склепах известны на городских могильниках Каменный Бугор, Маячный Бугор I-II, Мечетный Бугор I, Подстепное, а также у Водянского, Мечетного, Селитренного, Увекского городищ, Шареного Бугра, поселений Комсомольский, Красный Яр и Мошаик. Помимо перечисленных памятников мавзолеи отмечены у крупного поселения Лапас, в урочище Баста близ Селитренного городища (оба не раскапывались), у среднего по размерам Бахтияровского селища (содержал 6 захоронений без склепов) и у села Новые Булгары, располагающегося вдали от известных ныне поселений. Таким образом, только шесть (3,4%) из 177 известных аристократических захоронений (Недашковский, 2000; 2004; 2006, 4; 2010) в рассмотренных нами окрестностях крупнейших золотоордынских городов Нижней Волги располагались в сельской местности.

Разумеется, социальная стратификация имела место и на селе, но очевидно доминирование именно городских погребений с престижны-

ми категориями инвентаря. На сельских могильниках Нижняя Студенка I и Татарская Башмаковка (в двух погребениях) найдены серебряные серьги, на могильнике Барановка - серебряная чашечка. Показательно не только отсутствие в сельских некрополях золотых изделий, но и то, что эти 4 захоронения составляют всего 10,3% от 39 грунтовых погребений с изделиями из драгоценных металлов. На сельских Болдыревском и Чардымском могильниках (в одном погребении на каждом из них) в округе Увекского городища обнаружены парчовые и шелковые ткани. Данные два захоронения составляют всего 8,3% от всех 24 грунтовых погребений с парчовыми и шелковыми одеяниями.

Таким образом, оседлая аристократия Улуса Джучи, судя по нижеволжским материалам, проживала в основном в городах, где в целом выше был процент зажиточного населения, однако социальное расслоение имело и на селе.

Каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел свою округу, в состав которой входили и три-пять малых городов, принципиально не отличающихся от крупнейших центров по своим археологическим характеристикам. Село как часть округи на Нижней Волге в золотоордынское время возникает одновременно с городом (во второй половине XIII – начале XIV в.), но перестает существовать уже в конце XIV в. Земледельческое хозяйство было наиболее развитым в северной части Нижней Волги, в округе Увекского городища, поселения центральной части которой были тесно территориально связаны между собой. Кусты памятников фиксируются и в трех других рассмотренных нами микрорегионах, хотя в округе Селитренного городища и в дельте Волги они образуются лишь в эпоху расцвета Золотой Орды (первая половина – середина XIV в.).

Судя по площади, занимаемой памятниками, население крупнейших городищ намного превосходило число жителей округи, в которой население малых городов, в свою очередь, было больше, чем сельское население. Огромные по размерам крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги не могли полностью обеспечиваться продуктами питания из близлежащих сельских памятников – необходимы были поступление скота и молочных продуктов от кочевников, и наличие своих собственных, городских, земледелия, скотоводства и промыслов, а так-

же, вероятно, привоз сельскохозяйственной (преимущественно земледельческой) продукции из других регионов Улуса Джучи.

Наиболее ранние памятники в каждом из районов Нижнего Поволжья возникают во второй половине XIII – начале XIV в. Период расцвета округа нижневолжских городищ относится ко времени правления Узбека и Джанибека, а наметившийся на начальной стадии междоусобицы упадок еще не приобрел таких масштабов, как в 1365-1380 гг., когда Нижнее Поволжье оказалось разоренным междоусобными войнами. В правление Токтамыша наблюдался небольшой экономический подъем. Увекское городище и памятники его округа перестают существовать после похода Тамерлана 1395 г., с которым связан полный упадок Царевского городища и окружавших его памятников. Памятники района Селитренного городища и Шареного Бугра существовали вплоть до распада Золотой Орды.

Покажем на широком историческом фоне специфику золотоордынского города и его округа в сравнении с синхронными комплексами различных регионов Европы и Азии.

Наиболее близки золотоордынские города по историческим особенностям их возникновения были новым городам других государств, образовавшихся в результате распада Монгольской империи – Хулагуидского Ирана, державы Джагатаидов в Средней Азии и империи Юань в Китае. Ханская власть в этих державах проводила курс на “упорядочение торговли, денежного дела и охранение оседлого населения от грабежей кочевой знати” (Федоров-Давыдов, 1983, с. 216), поощряла и организовывала интенсивный рост городов, необходимых как административные центры, источники ремесленной продукции и предметов роскоши, поступавших в процессе торговли с отдаленными странами. Однако, “те явления, которые на примере новых городов в степных зонах выявляются отчетливо, в оседлых районах с традиционной городской жизнью заметны менее и проявлялись только как тенденция” (Федоров-Давыдов, 1983, с. 215). Города в Монгольской империи первоначально представляли собой замки знати и землянки строителей ³, а затем города постепенно превращались в комплексы усадеб городского нобилитета,

³ Были исследованы центральноазиатские города на этой стадии развития [11–12]. Первоначально так выглядела и столица империи, Каракорум (Древнемонгольские города, 1965, с. 123-322).

окруженные кварталами рядового населения (Федоров-Давыдов, 1983, с. 218; Киселев, 1965, с. 42–43). “Топография древнемонгольских городов говорит о том, что они возникали не как единые, заранее спланированные комплексы, а складывались постепенно” (Егоров, 1969, с. 41). В сравнительно быстром строительстве городских центров большую роль играли пленные-рабы (Егоров, 1969 с. 39, 43), “именно на этой основе создались возможности у центральной власти улусов строить новые города в исторически быстрые сроки” (Федоров-Давыдов, 1983, с. 216). В Хулагуидском Иране велось также целенаправленное строительство сельских земледельческих поселений (Федоров-Давыдов, 1983, с. 216–217), что, вероятно, имело место и в Улусе Джучи. Власти Монгольской империи прибегали к принудительному переселению искусных ремесленников в новые и восстанавливаемые старые города. В монгольских государствах имелись следующие виды организации ремесла: мелкое ремесло отдельных производителей, усадебное ремесло и крупные ремесленные мастерские типа «кархана» (Федоров-Давыдов, 1983, с. 217–218). Города монгольских государств объединяет высокий уровень развития торговли и денежного обращения, а также их «нестоличность» – политическим центром, резиденцией хана и правительства, являлась кочевая ставка (орда). В Центральной и Средней Азии, как и в Улусе Джучи, города подчас не имели укреплений (Федоров-Давыдов, 1983, с. 219).

Сравнение русских и золотоордынских городов XIII–XIV вв. уже было предпринято в статье В. Л. Егорова (Егоров, 2000, с. 263–272), на выводы которого мы, в частности, будем опираться.

Древнерусские города после монгольского нашествия продолжили длительную линию своего предшествующего развития. Практически все древнерусские города имели укрепления – крепостные стены. За стенами города жил князь или другие представители знати, а также дружина и духовенство; вокруг укрепленной части древнерусского города располагался торгово-ремесленный посад. Древнерусские города практически полностью были деревянными: из дерева изготавливались жилища, надворные постройки, заборы, мосты, набережные, мостовые. Господствующей формой жилища в древнерусском городе был наземный срубный дом. Имелись лишь единичные каменные храмы, палаты, погреба, в редчайших случаях – каменные укрепления.

Общей чертой городов Древней Руси и Улуса Джучи является то, что и в золотоордынских, и в древнерусских городах имелаась усадебно-квартальная застройка. Различные этнические группы в городах зачастую проживали компактно. В населении городов присутствовали знать, духовенство, торговцы и ремесленники.

Отличия населения золотоордынского города от русского заключаются в отсутствии в первом (вплоть до второй половины – конца XIV в.) сколько-нибудь значительной доли воинского сословия, так как вся армия Джучидов в ранний период истории их державы комплектовалась исключительно из числа кочевников-скотоводов. Не нуждались степные города Золотой Орды (до начала междоусобицы 1360-х – 1370-х гг.) и в фортификационных сооружениях. На Руси размеры городов и площадь их усадеб были гораздо меньше ввиду наличия городских стен, сдерживавших территориальный рост. Присутствие на Руси большого количества строевого леса обусловило использование дерева как основного строительного материала, в Улусе Джучи оно часто заменялось сырцовым и обожженным кирпичом.

Сравним характеристики западноевропейского и золотоордынского города.

В Западной Европе в XIII–XV вв. средневековый город достиг наивысшей степени своего развития. Западноевропейский город сближает с золотоордынским наличие знати, а также различных этнических и конфессиональных групп в составе его населения. В городах Западной Европы и Золотой Орды имелись купеческие объединения, в городе и округе были развиты товарно-денежные отношения. Примечательно, что в Западной Европе “ранние города жили примерно по два века. Многие из них погибали в ходе обычных тогда междоусобиц и набегов и были слишком слабыми, чтобы подняться вновь” (Сванидзе, 1999, с. 21). Нельзя не привести исторической параллели со степными городами Улуса Джучи, которые практически все существовали в пределах двух столетий и прекратили существование, потеряв поддержку ханской власти в ходе десятилетий междоусобиц, сопровождавшихся ударами соседей золотоордынской державы. Как золотоордынские города Нижнего Поволжья не могли обойтись без доставки продовольствия из других регионов (Недашковский, 2010, с. 221; 2009, с. 394), так и западноевропейские

“города средних размеров были неспособны жить исключительно за счет непосредственно прилегающей округи. Крупные города обычно имели разветвленную систему снабжения продовольствием и сырьем, выходящую на дальние, внешние рынки” (Репина, 1999, с. 171). Общим для западноевропейских городов развитого средневековья и золотоордынских городов Нижнего Поволжья является то, что те и другие вмещали в себя достаточно высокий процент населения: в Западной Европе XIII в. численность городского населения была от 3-5 до более чем 60% общего числа жителей государства (Сванидзе, 1999, с. 24), в крупных золотоордынских городах Нижнего Поволжья проживало от 50 до 95% оседлого населения всей прилегающей к ним территории (Недашковский, 2010, с. 214-216, 221, рис. 21-25; 2009, с. 392-393, рис. 2). На малые города в Западной Европе “могло приходиться около трети всего городского населения области” (Репина, 1999, с. 171), что близко данным, полученным при анализе рассмотренных нами золотоордынских комплексов памятников (Недашковский, 2010, с. 214-216, 221, рис. 21-25; 2009, 392-393, рис. 2).

Опираясь на данные О.В. Большакова (1984, с. 101-106) для городов мусульманского Востока VII – середины XIII в. (при сельской, городской усадебной или свободной застройке плотность населения определяется исследователем в 15-50 человек на 1 га), можно сделать приблизительные выводы о численности населения рассмотренных в наших работах (Недашковский, 2010, с. 166, 222-224, табл. 5-6; 2009, с. 78-81, табл. 1-2; 2010, с. 8-12, табл. 1-2) групп поселений Золотой Орды. Крупнейшие золотоордынские города Нижнего Поволжья в период их расцвета имели население от 3-10 до 50-170 тысяч человек, малые города – от 150-500 до 1500-5000 человек, сельские поселения – от 15-50 до 100-350 человек, деревни – менее 15-50 человек. Интересно сравнение этих данных с западноевропейскими материалами XIII-XV вв. (Сванидзе, 1999, с. 35-36). Крупные западноевропейские и золотоордынские города были приблизительно одинаковыми по числу жителей: от 10 до 100 и более тысяч человек для Западной Европы и приблизительно 3–170 тысяч – для Золотой Орды, по нашим подсчетам. Средние города Западной Европы имели по 3–5 тысяч жителей, малые – от 500 до 1500 человек; эти данные близки к полученным значениям по выделенной нами группе малых городов Улуса Джучи – 150–5000 жителей.

Город Западной Европы XIII–XV вв., в отличие от золотоордынского, опирался на длительную традицию предшествующего развития. Ранний город в средневековой Западной Европе имел преимущественно политические, оборонительные и торговые функции; раннесредневековый “город имел выраженный аграрный отпечаток и редко обладал особыми правами” (Сванидзе, 1999, с. 21). В развитом средневековье город получал от властей свой статус, закрепленный грамотой; в средневековых источниках город имел ряд отличительных черт: “стена и укрепления, много улиц и жителей, величественная ратуша, собор, много церквей и других больших зданий, порт, рынки и административные учреждения, скопление всевозможных властей, зрелища, пестрая уличная толпа” (Сванидзе, 1999, с. 15). Каменные стены и многочисленные каменные здания (порой имевшие несколько этажей, определявших высокую плотность населения), собственное право, самоуправление, корпорации (гильдии, цехи) также разительно отличали средневековый город Западной Европы XIII–XV вв. от золотоордынского.

Сравним золотоордынские города с ближневосточными и среднеазиатскими X–XIII вв.

На Ближнем Востоке и в Средней Азии в городах в XI–XII вв. появляются замкнутые кварталы с воротами, запиравшимися на ночь (Большаков, 1984, с. 115; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 299, 301, 335–336). Количество, размеры городов и численность городского населения на Ближнем Востоке в VII–XIII вв. существенно не менялись.

Крупные и малые города Ближнего Востока и Средней Азии были близки по числу жителей (Большаков, 1984, с. 109–134, 137, 263; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 265–268, 351) соответствующим золотоордынским городским поселениям. Сильно были развиты на мусульманском Востоке товарно-денежные отношения, а городское самоуправление практически отсутствовало – город был полностью подчинен государственному аппарату (Большаков, 1984, с. 271–289, 295). В среднеазиатских и ближневосточных городах, как и в золотоордынских, имелись водоемы и общественные бани; в городских центрах Средней Азии присутствовали арыки, общественные туалеты, употреблялись водопроводы из керамических труб и умывальники-тошнау (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 307–309), как и в горо-

дах Улуса Джучи. Численность городского населения домонгольской Средней Азии была высокой – в различных областях от 20 до 50% населения (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 268), что, вероятно, было близко ситуации в Улусе Джучи. Для городов Мервского оазиса и Илака зафиксирован ввоз продовольствия из других районов (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 268); аналогичное явление очевидно наблюдалось в золотоордынских городских центрах Нижнего Поволжья.

Можно сравнить золотоордынский город и с достаточно хорошо исследованным китайским городом XI–XIII вв.

Крупнейшие китайские города в XI–XIII вв. преимущественно возникали на территориях, наиболее удобных для торговли или в районах, где было развито производство ремесленного сырья; городские поселения выполняли функции административных центров, крепостей, средоточий ремесла и торговли (Стужина, 1979, с. 89-90, 92-93). Выделяются следующие черты китайского города XI–XIII вв.: “расположение на государственной земле; полное отсутствие городской общины и самоуправления; деление городов на административные районы и кварталы со строгим подчинением властям; контроль государства над всеми формами торгово-ремесленной деятельности” (Стужина, 1979, с. 94). Китайские города по количеству жителей сильно опережали золотоордынские, в них имелись торгово-ремесленные корпорации. В Китае, в отличие от Улуса Джучи, “основная масса ремесленных изделий по-прежнему производилась в деревне” (Стужина, 1979, с. 266).

Жители средневековых китайских городов, как и жители золотоордынских (Недашковский, 2010, с. 221-223; 2009, с. 394; 2009, т. 151, с. 78-79; Большаков, 1984, с. 8-12), занимались земледелием; в китайских городах имелись и крупные ремесленные мастерские (Стужина, 1979, с. 113, 124, 277). Крупнейшие китайские, как и золотоордынские, города снабжались продуктами не только с близлежащих территорий, но и из весьма отдаленных местностей (Стужина, 1979, с. 183-186, 200-201). В Сунском Китае, как и в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1973, с. 81-82), имелись крупные купеческие объединения (Стужина, 1979, с. 208-211).

Степные города Улуса Джучи имели как общие черты, свойственные всем средневековым городам Европы и Азии, так и исторические особенности, связанные со специфическими условиями возникновения и последующего существования. К специфическим особенностям золотоордынского города следует отнести: 1) отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи; 2) отсутствие, в большинстве случаев, какой-либо фортификации, что определило относительно свободную застройку и планировочную структуру города; 3) общественные здания (мечети, минареты, мавзолеи, бани) и дворцы знати возводились из обожженного кирпича, рядовые жилища – из сырца с использованием деревянных каркасных конструкций; 4) дома снабжались горизонтальными дымоходами-каналами, лежанками-суфами и умывальниками-тошнау; 5) благоустройство городов площадями, водоемами, колодцами, арыками, фонтанами, водопроводами и канализацией, общественными туалетами.

Литература

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Изд-во «Наука», Ленингр. отд-ие, 1973, с. 389.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: социально-экономические отношения. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984, с. 342.

Давыдова, 30 сентября – 3 октября 2008 г. Азов: Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, 2009, с. 387-397.

Древнемонгольские города. - М.: Наука, 1965. - 371 с.

Егоров В. Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв. // История СССР. - М.: Наука, 1969, № 4, с. 39-49.

Егоров В. Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII-XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М.: Редакционно-издательский центр ГИМ, 2000, с. 263-272.

Киселев С. В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965, с. 23-58.

Кызласов Л. Р. Городище Дён-терек // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965, с. 59-119.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000, с. 224.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004, p. 253.

Недашковский Л.Ф. Нижневолжский золотоордынский город и его округа // Российская археология. 2006, № 4, с. 74-86.

Недашковский Л. Ф. Хронология нижневолжского золотоордынского города и его округа // Российская археология. 2006, № 3, с. 75-84.

Недашковский Л. Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010, с. 351.

Недашковский Л. Ф. Структура округа золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти профессора МГУ Г.А. Федорова- Репина Л.П. Население городов // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М.: Наука, 1999, т. 1. Феномен средневекового урбанизма. с. 169-213.

Недашковский Л. Ф. Социальный облик крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья и поселений их округа // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009, т. 151, кн. 2, ч. 1, с. 72-81.

Недашковский Л. Ф. Социальный облик поселений округа крупных золотоордынских городов Нижней Волги // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М.: Ломоносовъ, 2010, т. II, с. 5-14.

Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. - М.: Наука, 1999, т. 1, Феномен средневекового урбанизма. с. 9-41.

Стужина Э. П. Китайский город XI-XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979, с. 408.

Федоров-Давыдов Г. А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1983, с. 215-220.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994, с. 228.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973, с.180. Литература

Сведения об авторе: Недашковский Леонард Фёдорович – доктор исторических наук, профессор. Казанский федеральный университет, Кафедра истории Татарстана, археологии и этнологии; leonard.nedashlovsky@kpfu.ru

References

Belenitskij A. M., Bentovich I. B., Bol'shakov O. G. Srednevekovyj gorod Srednej Azii. L.: Izd-vo «Nauka», Leningr. otd-ie, 1973.

Bol'shakov O. G. Srednevekovyj gorod Blizhnego Vostoka. VII – seredina XIII v.: sotsial'no-ehkonomicheskie otnosheniya. M.: Izd-vo «Nauka», Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1984, s. 342.

Drevnemongol'skie goroda. M.: Nauka, 1965. 371 s.

Egorov V. L. Prichiny vznikeniya gorodov u mongolov v XIII-XIV vv. // Istoriya SSSR. M.: Nauka, 1969, № 4.

Egorov XIV vv. – obshhee i osobennoe-V. L. Goroda Rusi i Zolotoj Ordyy v XIII // Nauchnoe nasledie A. P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya. Materialy nauchnoj konferentsii. M.: Redaktsionno-izdatel'skij tsentr GIM, 2000, s. 263-272.

Kiselev S. V. Gorod na reke K'hirkhira // Drevnemongol'skie goroda. M.: Nauka, 1965, s. 23-58.

Kyzlasov L. R. Gorodishhe Dyon-terek // Drevnemongol'skie goroda. M.: Nauka, 1965, s. 59-119.

Nedashkovskij L. F. Zolotoordynskij gorod Ukek i ego okruga. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2000, s. 224.

Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery / BAR. International Series, 1222. Oxford: Archaeopress, 2004, r. 253.

Nedashkovskij L.F. Nizhnevolzhskij zolotoordynskij gorod i ego okruga // Rossijskaya arkheologiya. 2006, № 4, s. 74-86.

Nedashkovskij L. F. Khronologiya nizhnevolzhskogo zolotoordynskogo goroda i ego okrugi // Rossijskaya arkheologiya. 2006, № 3, s. 75-84.

Nedashkovskij L. F. Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ya i ikh okruga. – M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2010, s. 351.

Nedashkovskij L. F. Struktura okrugi zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya // Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na evrazijskom prostranstve. Materialy IV Mezhdunarodnoj konferentsii, posvyashhennoj pamyati professora MGU G.A. Fedorova- Repina L.P. Naselenie gorodov // Gorod v srednevekovoj tsivilizatsii Zapadnoj Evropy. M.: Nauka, 1999, t. 1. Fenomen srednevekovogo urbanizma. s. 169-213.

Nedashkovskij L. F. Sotsial'nyj oblik krupnykh zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya i poselenij ikh okrugi // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2009, t. 151, kn. 2, ch. 1, s. 72-81.

Nedashkovskij L. F. Sotsial'nyj oblik poselenij okrugi krupnykh zolotoordynskikh gorodov Nizhnej Volgi // Kraeugol'nyj kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran. M.: Lomonosov», 2010, t. II, s. 5-14.

Svanidze A. A. Srednevekovye goroda Zapadnoj Evropy: nekotorye obshhie problemy // Gorod v srednevekovoj tsivilizatsii Zapadnoj Evropy. M.: Nauka, 1999, t. 1, Fenomen srednevekovogo urbanizma. s. 9-41.

Stuzhina E.H. P. Kitajskij gorod XI-XIII vv.: ehkonomicheskaya i sotsial'naya zhizn'. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoj literatury, 1979, s. 408.

Fedorov-Davydov G. A. Istoricheskie osobennosti gorodov v mongol'skikh gosudarstvakh Azii v XIII-XIV vv. // Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Kazakhstana i Srednej Azii. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazakhskoj SSR, 1983, s. 215-220.

Fedorov-Davydov G. A. Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya. M.: Izd-vo MGU, 1994, s. 228.

Fedorov-Davydov G. A. Obshhestvennyj stroj Zolotoj Ordy. M.: Izd-vo MGU, 1973, s.180.

About the author: Leonard F. Nedashkovsky – Doctor of History, professor. Kazan federal University, Dept. of Tatarstan history, archaeology and ethnology; leonard.nedashlovsky@kpfu.ru

Востоковедение и античность

УДК 93

***Darius versus Xerxes*: образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях и в произведениях Эсхила и Геродота**

Э. В. Рунг, Е. А. Чиглинцев

Eduard_Rung@mail.ru; Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается саморепрезентация персидских царей Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях, также репрезентация их образов в античной традиции, представленной драматургом Эсхилом и историком Геродотом. На основании рассмотренного материала были сделаны выводы о том, что, если в древнеперсидских текстах оба царя изображались равновеликими, один выступал соратником и последователем другого, то в античной традиции, напротив, наблюдалась поляризация образов Дария и Ксеркса, когда один противопоставлялся другому. Наиболее очевидным такая поляризация выступает в драме Эсхила «Персы», где Дарий идеализируется, а Ксеркс представлен ответственным за все неудачи и поражения персов в войнах с греками. Геродот, однако, сравнивает Дария и Ксеркса только в некоторых случаях, так что в целом противопоставление двух царей друг другу менее очевидно, чем в случае с Эсхилом. Между тем, вполне заметно, что образ Ксеркса в труде Геродота гораздо более предосудительный и негативный, чем образ Дария. Но вот что объединяет Эсхила и Геродота в их представлении этих двух персидских царей, так это то, что Дарий изображается более администратором, чем воином, Ксеркс в представлении обоих авторов был воином *par excellence*.

Ключевые слова: Дарий, Ксеркс, Эсхил, Геродот, образ, репрезентация.

Для цитирования: Рунг Э. В., Чиглинцев Е. А. Darius versus Xerxes: образы Дария I и Ксеркса в древнеперсидских надписях и в произведениях Эсхила и Геродота. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2018;38(3-4):118–158.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00353 «Рецепция античности: современные историографические и социокультурные практики».

Darius versus Xerxes: the images of Darius I and Xerxes in old-persian inscriptions and in the works of Aeschylus and Herodotus

E. Rung, E. Chiglintsev

*Eduard_Rung@mail.ru; Evgueni.Tchiglintsev@kpfu.ru
Kazan Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. This article considers an development of Persian Kings Darius I and Xerxes images in Persia and Ancient Greece. The authors of this article deals with self-representation of these monarchs in their inscriptions as well as perception of them in the ancient tradition represented by Aeschylus and Herodotus. It is concluded that though Darius and Xerxes represented themselves as equals to one another, they were perceived in ancient tradition as opposite persons. It was more evident in Aeschylus' *Persians* who has idealized Darius and represented Xerxes as person mainly responsible for all misdeeds and failures of the Persians in their campaign against the Greeks. Herodotus contrasted Xerxes with Darius only on few specific occasions, so the opposition between two Persian kings is less evident than in Aeschylus' play. Meanwhile Herodotus' image of Xerxes is much more prejudiced and negative than Darius' one. However there is a similar feature in the representation of both Persian kings by Aeschylus and Herodotus: Darius is depicted as an

administrator more than a warrior, Xerxes was a warrior *par excellence*.

Keywords: Darius, Xerxes, Aeschylus, Herodotus, image, representation

For citation: Eduard V. Rung, Evgeniy A. Chiglintsev. Darius versus Xerxes: the images of Darius I and Xerxes in old-persian inscriptions and in the works of Aeschylus and Herodotus. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):118–158. (In Russ.)

Acknowledgements: Russian Foundation for Humanities, project № 15-01-00353 “Reception of antiquity: contemporary historiographical and cultural practices”.

Работа посвящена образам великих персидских царей Дария и Ксеркса в сравнительном ракурсе по отношению друг к другу. В статье будут рассмотрены саморепрезентация этих царей в монументальных древнеперсидских надписях, созданных по их заказу и с целью их прославления, репрезентация в античной традиции, представленной произведениями великих греческих современников – драматурга Эсхила и «отца истории» Геродота. Выбор последних объясняется, во-первых, тем, что в «Персах» Эсхила и в «Истории» Геродота Дарий и Ксеркс были одними из основных героев повествования, и материал этих двух источников дает возможность выявить образы этих царей с наибольшей полнотой, и, во-вторых, тем, что эти два произведения принадлежали к разным жанрам древнегреческой литературы, а это, в свою очередь, позволяет рассматривать образы Дария и Ксеркса более репрезентативно.

Образы Дария и Ксеркса полностью выпадают из поля зрения греческих поэтов, посвятивших свои произведения тематике Греко-персидских войн, и, прежде всего, сохранившиеся поэмы Симонида Кеосского и Тимофея Милетского акцентировали внимание на персах как на некой «безликой» угрозе грекам¹. Конечно, отдельные ссылки на деятельность

¹ О поэтическом восприятии Греко-персидских войн см.: Рунг 2007, 149-153. Об этих авторах: Molyneux 1992; Boedeker, Sider 2001; Hordern 2002.

этих царей встречаются в других произведениях древнегреческой литературы классического периода, однако, ни в одном из них образы этих двух персидских монархов не выступают столь целостно, как в текстах Эсхила и Геродота. В произведениях Фукидида, аттических ораторов Лисия, Исократа и Ликурга, имена Дария и Ксеркса называются, за редким исключением, в контексте упоминания событий из истории Греко-персидских войн². Мы могли бы ожидать увидеть подробную характеристику этих царей в трудах греческих авторов, посвятивших свои произведения истории Персии³. Однако такая характеристика практически отсутствует⁴. Единственный труд, посвященный древнеперсидской истории, о котором мы имеем обстоятельное представление благодаря его переложению патриархом Фотием и цитированию в ряде произведений более поздней греческой литературы (Диодор, Николай Дамасский, Плутарх, Афинея и др.), принадлежит Ктесию Книдскому. Однако исторический материал в нем подается столь лапидарно (в изложении Фотия) или же фрагментарно (в произведениях других авторов), что практически не дает возможности исследовать образы Дария и Ксеркса в труде Ктесия⁵. События же, связанные с деятельностью

² Thuc. I. 14, 2, 16, 1, 118, 2, 129, 1; III. 56, 5; Lys. II. 27; Isocr. IV. 71, 85, 88; V. 42; XII. 49, 156, 161, 189, 195; Epist. 2; Lys. I. 68, 71, 80. О восприятии Греко-персидских войн Фукидидом см.: Taiforopoulos 1995; Rood 1999. В случае ораторов, присутствуют ссылки на Дария и Ксеркса как общих врагов всех греков для прославления афинских заслуг в войне с персами (Lenfant 1998), и в рамках доктрины панэллинизма (Bridges 2014, 99–126).

³ О них см. подробнее: Lenfant 2009; 2014.

⁴ Д. Ленфан акцентирует внимание на освещении авторами IV в. до н.э., посвятившими свои труды персидской истории – Ктесием, Дином Колофонским и Гераклидом из Кимы, организации двора династии Ахеменидов (Lenfant 2014). Однако, что касается деятельности самих царей, то труды двух последних авторов сохранились в очень немногочисленных фрагментах, которые не содержат ничего существенного на этот счет.

⁵ Об историческом наследии Ктесия Книдского существует огромная исследовательская литература. Наиболее значимые недавние работы см.: Llewellyn-Jones, Robson 2010; Stronk 2010; Wieschöfer, Rollinger, Lanfranchi 2011.

этих царей, прежде всего, в период Греко-персидских войн, о которых рассказывает Ктесий в своей «Персике», предстают в довольно искаженном виде по вине самого ли автора или его эпитоматора⁶. Вполне понятно также, что сам этот историк уделяет повышенное внимание семейным делам и дворцовым интригам; кроме того, он часто осознанно сообщает версию событий, отличную от той, которая присутствует в труде Геродота⁷.

Таким образом, обстоятельное исследование репрезентации образов Дария и Ксеркса в древнегреческой традиции, тем более, в сопоставительном ракурсе по отношению друг к другу, оказывается возможным только в отношении произведений Эсхила и Геродота; тексты же других греческих авторов, к сожалению, не дают достаточной информации для воссоздания таких образов, хотя могут в некоторых аспектах уточнить или дополнить сведения, вырисовывающиеся из сочинений основных наших авторов. Все же стоит заметить, что едва ли представления Эсхила и Геродота о Дарии и Ксерксе можно с полным основанием назвать типичными для всей древнегреческой традиции: это в большей степени было видением указанных двух авторов.

Что касается собственно историографии темы, то, следует отметить, что, конечно, каждый из упомянутых двух Великих царей Персии привлекал пристальное внимание исследователей, в большей степени, в историческом контексте (в том числе и как героев биографического жан-

⁶ Все существенные упущения, неточности и ошибки Ктесия Книдского в описании Греко-персидских войн детально рассмотрел Дж.М. Бигвуд (Bigwood 1978). Исследователь отнес их именно на счет Ктесия, а не его эпитоматора Фотия.

⁷ Ктесий, в отличие от Геродота, вообще не уделяет внимания истокам и причинам греко-персидского конфликта. Поводом же к походу Ксеркса против Греции книдский историк называет не участие афинян в Ионийском восстании и поражение персов при Марафоне, как это отмечает «отец истории» (VII. 8), а враждебные действия халкедонян (их попытка разрушить мост через Босфор, воздвигнутый по приказу Дария во время его похода в Скифию, и разрушение алтаря Зевсу Диабатерию), а также и отказ афинян выдать персам тело Датиса, убитого в битве при Марафоне (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 13 § 21). Конечно, такое видение событий не может вызвать ничего, кроме недоумения историков.

ра⁸), и в меньшей, в связи с их восприятием в античной традиции (приоритетным в историографии становится тема восприятия античными авторами персов и Персии в целом⁹, а не только личностей конкретных представителей Ахеменидов¹⁰). Наше исследование начнем с замечания, что Дарий I и Ксеркс I в представлении как античной традиции, так и в современной культуре ассоциируются в первую очередь с войнами против греков¹¹. Правление этих двух царей характеризует эпоху экспансии Ахеменидской империи в Европе, которая в итоге оказалась неудачной

⁸ Со времени издания в середине XIX в. известных книг Дж. Эбботта из серии «творцы истории», посвященных непосредственно Дарию и Ксерксу (Abbott, 1850; 1854), появились лишь несколько монографий, в которых детально рассматриваются биографии этих правителей Персии (Briant 1992; Stoneman 2015).

⁹ Lewis 1997; Munson 2009; Provencal 2015.

¹⁰ Sánchez 2009; Bridges 2014; Grethlein 2009; 2011.

¹¹ Массовое знакомство с образами Дария и Ксеркса в современном обществе произошло с помощью кино. Образ Дария I предстает в итало-французском фильме «Марафонская битва» (в его английской версии – «Гигант Марафона») 1959 г. Фильм полон антиисторических деталей, в том числе, что персидскую армию при Марафоне возглавлял лично сам царь. Сегодня нам известно три фильма, имеющих отношение к сюжету Греко-персидских войн, которые в качестве основного знака имеют сочетание «триста спартанцев», что определяет смысловую доминанту репрезентации столкновения греков и персов: демократическая Греция сопротивляется деспотизму и тирании, идущей с Востока. Если в фильме 1962 г. все это выливается в апологию спартанского царя Леонида, а изображение персидского войска и образ Ксеркса служат лишь для символического обозначения восточного владыки, угрожающего Греции (см.: Levene 2007), то образ Ксеркса в фильме-комиксе «300 спартанцев» (2006 г.), основанном на комиксе Фрэнка Миллера, приобретает зловещие черты. В фильме 2013 г. «300 спартанцев. Расцвет империи» доминантой становится прямое вооруженное противостояние греков и персов, где противники предстают равно сильными. Правда, происходят некоторые антиисторические смещения: среди персов существует уверенность, что это Фемистокл сразил своей стрелой великого Дария при Марафоне, но месть за это в фильме исходит не от его сына Ксеркса, который, по версии авторов фильма, чуть-чуть не успел предотвратить гибель отца, бросившись к нему в момент подлета стрелы, а от гречанки Артемисии, которая выступает жестким полководцем и флотоводцем, превосходящим по силе всех персидских мужчин.

и завершилась поражением в греко-персидском конфликте. Напротив, сами надписи, составленные от лица Дария и Ксеркса, ни словом не упоминают о войнах с греками. Связано ли это было просто с состоянием нашей источниковой базы, включающей лишь незначительную часть надписей из всех созданных в Персии и сохранившихся до нашего времени, или же объясняется царской идеологией, не желающей акцентировать внимание на военных неудачах и направленной лишь на прославление и возвеличивание Великих царей Персии?¹² Трудно однозначно ответить на этот вопрос. Однако, думается, что идеологический момент также не следует сбрасывать со счетов, принимая во внимание, например, содержание знаменитых текстов времени правления Дария и Ксеркса (прежде всего, Бехистунскую и антидэвовскую надписи), которые отражают, помимо прочего, как восприятие исторического прошлого в Ахеменидской империи, так и идеологию персидских царей¹³ и повествуют о военных действиях, оказавшихся победоносными для упомянутых монархов и способствовавших их прославлению в мире собственных подданных и на международной арене.

* * *

В своих текстах Дарий I в апологетических тонах дает собственную оценку своей деятельности. В надписях на Бехистунской скале и на Накше-Рустамской гробнице он заявляет: все подвластные народы были «моими подданными» – *manā bandakā*¹⁴ (DB. I. 18–19), прино-

¹² В историографии можно встретить мнение, что Дарий и Ксеркс не воспринимали Греко-персидские войны как собственное поражение, а скорее, напротив, как свою победу (Briant 2002, 542; Ruberto 2012). Отчасти, это мнение навеяно замечанием Диона Хрисостома (XI. 149), который ссылаясь на якобы персидскую версию событий. Такой взгляд на события войны представлен в краткой поэме «Персидская версия», которую написал Роберт Грейвс – известный британский поэт и романист XX века (см.: Tuplin 2010, 251).

¹³ Sancisi-Weerdenburg 1993; Rollinger 2014.

¹⁴ Обращение *mana bandaka* ‘мой слуга, мой подданный’ по отношению к подчиненным персидских монархов греческие авторы переводили как ‘раб царя’ – *δοῦλος τοῦ βασιλέως* (Missiou 1993); обычно оно относилось к высокопоставленным персам – аристократии, чиновникам, военачальникам (Eilers, Herrenschmidt 1988; Klinkott 2008, 208–211).

сили мне подати (*manā bājim*), строго исполняли мои приказания как днем, так и ночью (DB. I. 19–20; DNa. 19–20). Далее царь отмечает, что он оказывал благодеяния лучшим людям и наказывал тех, кто был ему враждебен. «Все подвластные страны следовали моему закону (*manā dātā*)», – говорит царь (DB. I. 23; DNa. 21–22)¹⁵. В Накше-Рустамской надписи Дарий также добавляет, что для правдивого человека он был другом, а для несправедливого и лжеца – недругом, защищал слабого от притеснений сильного и т.д. (DNb. 5–15), обращает внимание и на свои личные качества, которые, вероятно, по его мнению, должны были соответствовать образу во всем совершенного правителя Персии¹⁶: “Я не вспыльчив. Когда я во гневе, я твердо держу это в моей душе, я твердо властвую над собой”. “Как воин, я – отличный воин... Я обладаю неутомимой силой в руках и ногах, как всадник – я отличный всадник. Как стрелок из лука, я – отличный стрелок из лука, как в пешем, так и конном строю. Как копьеносец, я – отличный копьеносец, как в пешем, так и конном строю. Это – способности, которыми одарил меня Ахурамазда, и я сумел использовать их” (DNb. 31–41)¹⁷. Имперская же политика Дария находит свое отражение в сообщении упомянутой надписи на царской гробнице в Накше-Рустаме (DNa. 39–47), высеченной вместе с рельефом, изображающим народы, поддерживающие царский трон, и в которой сам Дарий обращается к своим потомкам: «Когда ты подумаешь: сколь многочисленны были страны, которыми владел Дарий царь, то посмотри на изображение [подданных], поддерживающих трон. Тогда ты узнаешь и тебе станет известно, что копье персидского воина проникло далеко, тогда тебе станет известно, что персидский

¹⁵ Концепт *dāta* устанавливал «правовые» нормы существования Ахеменидской империи, основанные на обычае, ввиду отсутствия у персов собственного писанного законодательства. Суть этих норм заключалась в следующем: закон – это то, что установил царь для своих подданных (Tuplin 2015). В антидайвовской надписи Ксеркс заявляет, что закон (*dāta*) устанавливает Ахурамазда (XPh); но видимо этому «закону» следует и сам царь.

¹⁶ Llewellyn-Jones 2015, 211–212.

¹⁷ Здесь и далее древнеперсидские надписи цитируются в переводе М. А. Дандамаева.

воин далеко от Персии поражал врагов»¹⁸.

Позиционирование Дария в мире своих подданных, во-первых, вполне соответствует восточной монархической традиции, берущей начало с самого зарождения крупных территориальных царств с деспотической формой правления, в которой царь представлялся сначала визуально, а потом и текстуально в героическом ракурсе (в Месопотамии так царь позиционировал себя со времен Саргона Древнего¹⁹), а, во-вторых, соотносится с имперской идеологией самого Дария, особенно в том, что касается обозначения размеров его государства, созданного посредством проведения завоевательной политики²⁰.

И если Дарий стремился к обоснованию своего родства с предшествующими правителями Тейспейдов – предками Кира Великого (DB. I. 6–11)²¹, чтобы тем самым оправдать свой захват персидского престола, то его сын Ксеркс в своих надписях подчеркивает то, что он был верным преемником и продолжателем политики своего отца. Наиболее значимая в этом смысле знаменитая «гаремная надпись» Ксеркса следующего содержания: «Дарий имел других сыновей, но таково было желание Ахурамазды: Дарий мой отец сделал меня величайшим (*maθiṣta*) после себя (*pasā tanūm*)»²². Когда мой отец Дарий ушел, милостью Ахурамазды я

¹⁸ Привлекательно видеть здесь аллюзию на военные действия в Европе, предпринимаемые персами под командованием Мегабаза в 513 г. до н.э. и Мардония в 492 г. до н.э. (Ср.: Hdt. VII. 108). Однако, текст рассматриваемой надписи мог ссылаться в принципе также и на скифский поход самого Дария, который хоть и закончился неудачей, но позволил персам на несколько десятилетий закрепиться на европейском берегу Босфора.

¹⁹ Westenholz 2000; Llewellyn-Jones 2015, 230.

²⁰ Об имперской идеологии Ахеменидов, отражаемой в царских надписях подробнее: Sancisi-Weerdenburg 1993; Kuhrt 2010; Рунг 2015.

²¹ О месте Дария в родословной Ахеменидов: Waters 1996.

²² Слово *maθiṣta* (см.: Рунг, Орлов 2016) могло быть ассоциировано как с персидскими личными именами Масист и Масистий, встречающимися у Геродота (Масист: Hdt. VII. 82, 121; IX. 107–108, 110–113; Масистий: Hdt. VII. 79; IX. 20, 22, 24–25, 31), так и с определениями «величайший при царе» (μέγιστος) и «второй после царя», о чем говорит Плутарх (Мор. 173 b-c; 488 c-f) по отношению к Ариамену, которого он называет братом царя Ксеркса, полагая тем самым,

стал царем на месте своего отца» (XPf. 27–43)²³. Это текст интерпретируется в историографии по-разному. Одни исследователи считали, что надпись ссылалась на совместное правление Дария и Ксеркса²⁴, другие, однако, полагают, что в нем идет речь просто о выборе Дарием своего преемника в лице своего сына Ксеркса²⁵. На наш взгляд, эта надпись находится в тесной связи с другими, относящимися, главным образом, к строительной политике ахеменидских царей, в которых Ксеркс представляет себя в качестве последовательного продолжателя дел своего отца по сооружению дворцовых комплексов в Персеполе и Сузах (ХРа. 11–17; ХРс. 9–15; XPf. 27–43; XPg; XSa; XSd; XVa). На каменной же табличке, найденной близ Персеполя в 1967 г., Ксеркс практически дословно повторяет ту характеристику, которую дал себе его отец Дарий в тексте на Накше-Рустамской гробнице²⁶. Ксеркс говорит, что он друг правого и недруг лжеца, что он заботится о том, чтобы сильный не обижал слабого и слабый не претерпевал обиды от сильного, что он сдержанного нрава, стойко переносит военные опасности, награждает за преданность и наказывает за враждебность, что тело его сильно, руки и ноги искусны, что он хороший воин в битве, отличный лучник, всадник и копьеносец и т.д.

что тот был назначен наиболее приближенным к царю. М. Санчес допускает возможность, что титул «величайший после царя» мог и не быть тождественным титулу «второй после царя»: последний же мог даваться тому представителю династии Ахеменидов, который проиграл спор за наследство (Sánchez 2014).

²³ Версия надписи на аккадском языке вполне определенно заявляет, что «когда Дарий отправился к судьбе» (т.е. умер естественной смертью), Ксеркс сменил своего отца на царском троне (De Blois 1995, 63).

²⁴ Kent 1933; Shahbazi 1993; Llewellyn-Jones 2013, 18. Согласно сообщению Геродота (VII. 1–4), персы имели обычай перед готовящимся походом назначать другого царя, и этим-то обычаем воспользовался Дарий, поставив царем Ксеркса перед предстоящим походом в Египет.

²⁵ Sánchez 2005, 229. Ряд рельефов (в тронном зале дворца Дария в Персеполе и так называемом «зале Совета») содержат изображения сидящего в царском одеянии Дария и стоящего за ним наследника престола Ксеркса: оба изображены практически идентично в том, что касается внешности, одеяния и короны (см.: Root 1979, 91–94).

²⁶ Mayerhofer 1979.

(XPI). По справедливому замечанию Э. Бриджес, то, что Ксеркс решил почти слово в слово воспроизвести концепцию царской власти своего отца в надписи, найденной вблизи Персеполя, демонстрирует его желание в качестве наследника на троне подчеркнуть преемственность с прошлым, а также свое место в династии, основанной его отцом. Кроме того, как замечает исследовательница, эта надпись также напоминает нам, что текст следует воспринимать не как индивидуальную характеристику конкретного монарха, но в большей степени как акцентирование внимания на индивидуальных качествах совершенного ахеменидского царя ²⁷.

Еще один источник, свидетельствующий о саморепрезентации Ксеркса, – антидайвовская надпись (XPh). В ней царь клянется в своей приверженности богам Ахурамазде и Арте, а также извещает о борьбе с теми, кто не почитает этих божеств. С точки зрения царя Ксеркса, эти его заявления о приверженности Ахурамазде, установившей закон (*dāta*) для всех людей, не должны были как-то находиться в противоречии с религиозными убеждениями его отца Дария, во всех своих надписях также утверждавшего о своем почитании Ахурамазды и получении от этого божества неизменной поддержки ²⁸. В историографии свидетельство антидайвовской надписи Ксеркса иногда воспринимают, напротив, как показатель отхода этого царя от политики религиозной толерантности, проводимой его отцом Дарием I ²⁹. Однако, очевидно, для Ксеркса такого противоречия просто не могло существовать: борьба с почитателями *дайвов*, а значит и не поклоняющимися Ахурамазде, была вполне естественным средством проведения им религиозной политики ³⁰. Кроме того, голландская исследовательница Х. Саншизи-Веерденбург справедливо обратила внимание на смысловую связь антидайвовской надписи Ксеркса с завершающими строками Бехистунской надписи (DB. V.

²⁷ Bridges 2014, 83.

²⁸ Lincoln 2007, 45; 2008.

²⁹ Ahn 1992, 111–122; Shannon 2007, 84. Исторический контекст надписи не может быть точно установлен. В частности, невозможно определить ту страну, куда совершил поход Ксеркс для наказания тех, кто почитал дайвов, а также и хронологию этого похода (об этой проблеме см.: Briant 2002, 552). Р. Стоунеман допускает, что это могли быть Вавилон или Греция, однако, данный факт доказать невозможно (Stoneman 2015, 106–107).

³⁰ Bridges 2014, 92.

14–38), где упоминаются походы Дария против эламитов и саков, которые, как это отмечается в самом тексте, были неверными и не почитали Ахурамазду³¹. Итак, Дарий сам «сотворил» свой образ идеального царя, превознося себя в своих монументальных надписях как прекрасного правителя, военачальника и воина, а Ксеркс следовал этой традиции, установленной его отцом. Теперь обратимся к греческой репрезентации образов Дария и Ксеркса, представленной столь основательно в драме Эсхила «Персы» и в «Истории» Геродота.

* * *

Если в случае с древнеперсидскими текстами образы персидских царей были сотворены ими самими в целях своей пропаганды, то в случае античной традиции мы имеем дело с их колоритными образами, в основе которых, конечно, лежали исторические прототипы, однако, имеющие немного общего с ними: фактически эти «исторические образы» оказывались отчасти образами художественными, новеллистическими, а не изображениями реальных исторических фигур³². Причем, в античной традиции образ Дария скорее позитивный, чем негативный, и возникает вопрос, в какой степени этот образ был навеян официальной персидской пропагандой, известной грекам. Иным был образ Ксеркса и, в отличие от образов этих царей, «созданных» царской пропагандой, в античной традиции налицо явное противопоставление Дария и Ксеркса. И дело здесь вероятно не только и не столько в самом факте вторжения Ксеркса в Грецию, масштабы которого затмили предпринимаемые Дарием попытки покорения греков (этого тоже отрицать нельзя), сколько в том, что греческие авторы, хорошо знали о «счастливом» конце Дария, умершего в зените славы, и «несчастном» конце Ксеркса, преследуемого неудачами и в конечном итоге убитого в результате заговора с участием собственного сына.

Драма Эсхила «Персы» является первым произведением, целиком посвященным персидской тематике³³, которое было создано после по-

³¹ Sancisi-Weerdenburg 1980, 16–17, 35; 2002, 581, 589.

³² См.: Flower 2006, 278.

³³ О специфике «исторической драмы» Эсхила: Суриков 2011, 49–51. Несколько описание событий Эсхилом в «Персах» может быть соотнесено с историческими реалиями, известными из других источников, в частности, из труда Геродота, см.: Harrison 2000.

беды греков в войне с персами и в котором находит наиболее явно отражение греко-варварская поляризация³⁴. Основная идея этой трагедии, конечно же, – прославление побед греков, и в большей степени, именно афинян³⁵, сюжет же – события, связанные со знаменитым сражением при Саламине в 480 г. до н.э., а герой ее, точнее «антигерой», – персидский царь Ксеркс, потерпевший сокрушительное поражение в морской битве от греков во главе с афинянами³⁶. Однако, как это вполне очевидно при обращении к тексту трагедии, Эсхил в этом своем произведении пытается взглянуть на персидское общество глазами грека³⁷, хотя, конечно,

³⁴ Мнения в историографии различаются в отношении общей оценки «Персов» Эсхила. Большинство же исследователей, посвятивших свои публикации творчеству Эсхила, полагают, что в этой трагедии, впервые в греческой литературе, обстоятельно представлена поляризация эллинов и варваров-персов (Goldhill 1988; Tuplin 1998, 134; Pelling 1997, 13–19; Kantzios 2004; Маринович 2006, 14–15). С этой точкой зрения выражает несогласие И. Е. Суриков, по мнению которого, в «Персах» Эсхила греко-варварское противостояние намечено лишь эскизно (Суриков 2011, 267).

³⁵ Об афиноцентризме Эсхила: Lattimore 1943, 91–93.

³⁶ По мнению Г. Мюррея, персы изображались в драме в героическом духе; не было ненависти к ним, в особенности, «пропаганды войны» (Murray 1940, 127–128). Однако, как считает Э. Холл, «Персы» Эсхила, которые знаменуют победу над Персией, – самое раннее свидетельство абсолютной поляризации в греческой мысли эллина и варвара, которое появилось в некий момент в ответ на возрастание угрозы греко-язычному миру от огромной Персидской империи (Hall 1989, 57). Та же исследовательница следует концепции «ориентализма» Э. Саида (Саид 2006) и видит отражение в «Персах» Эсхила идеи превосходства эллинов над варварами, а Греции над Азией, причем рассматривает это превосходство также и в соответствующих гендерных категориях. Так, согласно точке зрения Э. Холл, «мускулиная» Греция победила «фемининную» Азию (Hall 1993, 108ff).

³⁷ Й. Фогт в своей работе приводит аргументы в пользу эллинизированного образа персов в трагедии Эсхила (Vogt 1972). Однако, П. Джорджес справедливо замечает, что в представлении Эсхила «персы не были греками и в этой драме они не вели себя так, как если бы они были греками... напротив, “Персы” являются трагедией чистейшего варварского этоса, который мог только иметь место...» (Georges 1994, 86).

следует запросам драматического жанра. Последнее, в частности, нашло наиболее яркое выражение в присущей трагедии «бинарной оппозиции»³⁸, проявляемой, в частности, и в противопоставлении «хорошего» царя Дария и «плохого» Ксеркса по следующим параметрам:

1. Дарий – старец (854: γηραιός); Ксеркс – юнец (782: παῖς νέος);

2. Дарий – богомудрый (654–655; θεομήτωρ); Ксеркс – глупец (733: μέλεος);

3. Дарий – самый счастливый из всех смертных (710: βροτῶν πάντων ὑπερσχὼν ὄλβον); Ксеркс – несчастный (720: τάλας);

4. Дарий – незлобивый (663: ἄκακος); Ксеркс – неистовый (718, 754: θοῦριος), дерзкий по своей молодости (745: νέφ θράσει), которого обуяла гордыня – ὕβρις (808, 820–821, 827)³⁹.

Эсхил стремится выразить персидское восприятие Дария, когда устами ли самой царицы или хора персидских старцев заявляет, что этот царь принес победы, процветание и благополучие своей стране, правя в Сузах, не зная бед (554–557): «Он не губил в войнах людей, / Не посылал их навстречу смерти, / Он, богомудрым царем сльвя, / Был богомудр, ибо умел / Войском персидским разумно править» (652–656); «Жизнью счастливой, по добрым обычаям / Жили мы, свято законы державы чтя, /

³⁸ См.: Wiles 1999, 142–143. Подробнее об основных «полярных категориях» в «Персах» Эсхила см.: Pelling 1997, 1–13; Lincoln 2000.

³⁹ В историографии дискутируется вопрос в отношении того, в чем видел Эсхил гордыню Ксеркса, которая и привела к поражению царя. По мнению Д. Конейчера, драматург (762–764) считал, что своим переходом из Азии в Европу Ксеркс оскорбил Зевса, ибо нарушил его «закон» (Conacher 1974, 164). Согласно Э. Холл, Эсхил (809–828) думал, что ὕβρις Ксеркса состояла в его осквернении греческих святынь (Hall 1996, ad 808). Л. Пападимитропулос полагает, что драматург видел ὕβρις Ксеркса в самих масштабах экспедиции в Грецию и в алчном стремлении этого царя достичь победы (Papadimitropoulos 2008). Между тем, сам Эсхил, как думается, склонен был усматривать проявление гордыни этого царя в его действиях, в которых он бросил вызов бессмертным богам: построив мост через Геллеспонт (745–750: букв.: решил связать оковами как раба священный Геллеспонт, божественный поток Боспора), Ксеркс разгневал богов и самого Посейдона, а своими святотатственными действиями в Греции, он навлек на себя кару Зевса (809–828).

В дни, когда правил / Всеми любимый, во всех побеждавший боях, / Богоподобный старец, Дарий кроткий. / Славой себя покрывали в походах мы, / Правопорядок повсюду, как башня, был / Нашим оплотом. / Без поражения, не зная ни бед, ни забот, / Домой мы приходили с поля битвы» (852–863) ⁴⁰. Согласно Эсхилу, Дарий подчинил своей власти множество городов, лично сам не участвуя в походах (864–865: букв.: не переходя реку Галис – οὐ διαβὰς Ἄλως ποταμοῖο) ⁴¹; мудро правил Фракией, городами Геллеспонта, Пропонтиды, греческими островами Эгейского моря и материковой Элладой (897–900: букв.: он властвовал в ионийском краю богатыми и многочисленными городами греков – τὰς εὐκτεάνους κατὰ κλῆρον Ἰαόνιον πολυάνδρους Ἑλλάνων ἐκράτυνε ⁴²), имел в своем распоряжении неутомимое войско, готовое по приказу выступить в поход (864–906).

В данном контексте не упоминаются военные неудачи Дария: скифский поход 514 г. до н.э., возглавляемый лично самим царем, экспедиция Мардония 492 г. до н.э. или поражение персидских военачальников Датиса и Артаферна при Марафоне в 480 г. до н.э. Хотя ссылка на Марафонскую битву и присутствует в тексте драмы (474–475), но она сделана без всякой привязки к Дарию: это упоминание о намерении Ксеркса отомстить Афинам за поражение при Марафоне, и создается впечатление, что в глазах персов, как это видел великий драматург, поражение должно быть уделом только Ксеркса, а никак не Дария, только с Ксерксом оно должно было ассоциироваться. Все перечисленные события не укладывались бы в замысел Эсхила, нацеленный на представление Дария и

⁴⁰ Здесь и далее «Персы» Эсхила цитируются в переводе С. К. Апта.

⁴¹ Так, по представлениям Геродота (I. 105, 107, 108, 192), вся Азия делилась на две части: нижнюю (κάτω) (I. 72, 177) и верхнюю (ἄνω) (I. 95, 103; IV. 1), границей которых считалась река Галис (I. 103). В тексте Эсхила река Галис выступает в качестве своего рода «фронтيرا», отделяющего внутренние районы Ахеменидской империи – земли Мидии, воспринимаемые как владения царя, от Лидии, соседней с греками (Dan 2013, 116–117).

⁴² Эсхил, подобно другим своим современникам, вероятно предполагал, а может быть даже и знал, что Дарий включал в число своих подданных и греков Балканского полуострова (Рунг 2012). Подобные мысли мы можем встретить в труде Геродота (VII. 9).

Ксеркса как диаметрально противоположных персонажей своей трагедии⁴³. Однако, изобразив Дария неким безупречным правителем, драматург тем самым неосознанно приблизился к тому образу этого царя, каким он представлял сам себя в высеченных от его лица надписях.

Эсхил, с одной стороны, ссылается на закон (τιμή), ниспосланный Зевсом, по которому истари один лишь жезлоносный правитель должен был управлять Азией (762–764), а, с другой, представляет персов счастливо живущими по законам (πολιτισσόνόμου βιοτᾶς ἐλευκέρσμεν), установленным Дарием (852–857). Данное видение персидской традиции знаменитым драматургом, находящее выражение в противопоставлении божественной τιμή и человеческого νόμος, в некоторой степени соотносится с самой персидской традицией, по которой закон (data) – это установление Ахурамазды и все в мире, включая царя, подчиняется Ахурамазде (XPh. 4), однако, именно царь также служит источником закона для своих подданных (DB. I. 23; DNa. 21–22). Наряду с прославлением Дария как «богомудрого» царя (654–655), в тексте Эсхила дважды в пении Хора фигурирует восклицание: «приди незлобивый Дарий-отец» (663, 671: βάσκει πάτερ ᾧκακε Δαρίαν), что, как это стремился показать автор трагедии, наиболее явственно свидетельствует о восприятии этого царя в самой Персии. Удивительно, но и здесь мы находим перекликанье с заявлением самого Дария о себе как человеке не вспыльчивом и негневливом (DNb. 5–15). Особенно интересным выглядит представление Эсхилом (556) Дария как «повелителя лучников» (τόξαρχος), что в общем соответствует стереотипному представлению греков (и не только) об азиатах-персах как лучниках⁴⁴, однако, в пер-

⁴³ Как точно подметил Т. Харрисон, Эсхил преувеличивал достижения Дария для драматического контраста: Дарий служил контрастом для Ксеркса, он мудрый царь, тогда как Ксеркс – безрассудный царь (Harrison 2000, 85). Однако, едва ли можно согласиться с дальнейшим предположением исследователя, которое выглядит весьма надуманным, что, помимо драматического, было политическое объяснение этого контраста: Эсхил акцентировал внимание на морской, поэтому «демократичной», битве при Саламине, по сравнению с гоплитской, «менее демократичной» битвой при Марафоне, тем самым оказывая поддержку Фемистоклу, а не Кимону, сыну Мильтиада.

⁴⁴ Westenholtz 2000, 115–117, 123; О распространении лука и использовании лучников на войне в древней передней Азии: Zuttermann 2003.

сидской надписи качества Дария как лучника фигурируют лишь наряду с его другими качествами – превосходного воина, всадника и копьеносца (DNb. 31–41), хотя, например, на монетах-дариках и помещалось изображение персидского царя в виде лучника ⁴⁵, а усадьбы, которые получали в Персии за службу царю, по-видимому, назывались «имениями лука» ⁴⁶. И, наконец, в другом месте текста Эсхил (754–755) заявляет, что Дарий большое богатство сыновьям добыл копьем (ξὺν αἰχμῇ). Встретить упоминание в данном контексте копья весьма необычно, поскольку в тексте «Персов» прослеживается противопоставление копья (αἰχμή, λόγχη) и лука (τόξον) как оружия ведения боя греков и персов соответственно: персы называются «меткими стрелками из лука» (26, 30, 926: τοξοδάμαντες), «натягивающими лук» (56: τοξουλκοί); греки предпочитают натягиванию лука держать в руках копье (239: αἰχμή), при Платеях совершат кровавое возлияние дорийским копьем (817: Δωρίδος λόγχη); но тем самым примечательнее обнаружить упоминание о копье при отсылке на завоевания Дария в тексте Эсхила. Последнее хорошо соотносится с персидским материалом, прежде всего, в том, что касается указание на завоевание Дарием новых земель при помощи копья – *aršti* (DNa. 39–47). Однако, все эти соответствия еще не свидетельствуют о знании Эсхилом царской идеологии, и потому, любые совпадения с положениями, присутствующими в ахеменидских надписях, могут считаться довольно случайными. Великий драматург, как участник Греко-персидских войн, в одних случаях, несомненно, обладал некоторой информацией о персах и Персии, а, в других, он воспроизводит стереотипное представление о врагах греков, которые

⁴⁵ Nimchuk 2002.

⁴⁶ Определение «имения лука» встречается в аккадской версии Бехистунской надписи, согласно которой Дарий заявляет (стк. 26): «Я возвратил войску табуны, стада и наемных рабочих, включая имения “лука” (É qa-ša-a-tú), которые Гаумата-маг взял от них» (§ 13; перевод с аккадского см.: Voigtlander 1978, 55). Параллельное место из Бехистунской надписи на древнеперсидском гласит (§ 14; DB. I. 61–71): «Я возвратил народу имения, домашний скот, слуг и (вместе с ними) дома (viθbišcā), которых Гаумата-маг лишил их» (Schmitt 1991, 55).

были у всех на слуху ⁴⁷.

В отличие от Дария, Ксеркс, как это изображается Эсхилом, по мнению персов, принес своей стране одни бедствия и страдания, и в одном из мест «Персов» контраст между двумя правителями наиболее очевиден (550–557): «Повел их за собою Ксеркс, / Их гибели виною Ксеркс, / Все это горе неразумный Ксеркс / Уготовил кораблям. / Почему, не зная бед, / Правил Дарий, древних Суз Повелитель дорогой, Славных лучников начальник?».

Итак, Ксеркс представлен драматургом в качестве виновника гибели персидских воинов и кораблей: в сражении при Саламине (353–432), на о. Пситталия (447–471), при отступлении – от жажды и голода (δίψη τε λιμὴ) в Беотии (482) и Фессалии (489–491), во Фракии, во время переправы по скованному морозом льду через реку Стримон (494–508) ⁴⁸; в итоге Персия лишилась мужчин, гибель которых оплакивают их матери и жены (532–547).

Эсхил (50) видит цель похода Ксеркса в намерении «наложить рабское ярмо на Элладу» (ζυγὸς δοῦλις). Геродот (VII. 8), словами самого Ксеркса, называет такое же предназначение его экспедиции, употребляя определение «рабское ярмо» (δοῦλιος ζυγός) ⁴⁹. Вообще же, по справедливому замечанию М. Андерсона, периодически повторяющийся образ, значение которого в «Персах» давно было признано, – это метафора ярма (ζυγός) ⁵⁰. Кроме названного примера (50, 594), афинский драматург употребляет слово ζυγός в связи с упоминанием составленного из лодок моста, посредством которого Ксеркс соединил оба берега пролива Гелле-

⁴⁷ На эту особенность восприятия персов греками обратил внимание П. Джорджес, который написал: «С начала персидского правления в Ионии греки замечали публичные факты – то, что можно было увидеть и обсудить и которые стали общеизвестными. Но по большей части персы оставались *tabula rasa*, на которой греки нарисовали свой портрет, отвечающий целям их собственного воображения» (Georges 1994, 47–48).

⁴⁸ Как это отмечается в историографии, эпизод с переправой по замерзшей реке Стримон был выдуман самим Эсхилом, однако, объяснения этого разнятся (Lincoln 2000, 14–15).

⁴⁹ О метафоре ярма у Геродота см.: Bridges 2014, 57–59.

⁵⁰ Anderson 1972, 167.

спонт (72). Однако даже более выразительна метафора ярма в представлении драматургом так называемого «сна Атоссы»: Ксеркс поместил под ярмо (ὕπὸ ζεύγυνσιν) и впряг в одну колесницу женщин, олицетворявших Элладу и Азию, которые до того были в распре (στόσις); одна из женщин, Азия, послушно согласилась находиться под ярмом, другая же, Эллада, сбросила упряжь и сломала ярмо (181–197).

Представляется Ксеркс и причиной возмездия греков, которое настигнет персов в битве при Платеях (817) и послужит знаменем для них и в будущем (818: букв.: вплоть до третьего колена – καὶ τρίτοσπύρον). Эсхил (Pers. 807–819) первым из античных авторов изображает Ксеркса в качестве святотатца, посягнувшего на греческие святыни: «Кто, в Грецию явившись, позволял себе / Кумиры красть святыне или храмы жечь (809–810: οὐ θεῶν βρέτη ἡδοῦντο συλᾶν οὐδὲ πύμπρᾶναι νεώς). / До основанья алтари разрушены, / С подножий сбиты и разбиты статуи» (811–812: βωμοὶ δ' αἰστοί, δαιμόνων θ' ἰδρύματα πρόρριζα φύρδην ἐξανέστραπται βάθρων)»⁵¹. И, наконец, как это дает понять Эсхил (755), приближенные Ксеркса, побуждавшие его к походу против Эллады, обвиняли его в трусости (ἀνανδρία), сравнивая его с Дарием.

Однако, было нечто, что в представлении Эсхила сближало Дария и Ксеркса⁵². Драматург представляет обоих персидских царей как абсолютных властителей, описывая их статус при помощи определений ἄναξ, – «владыка» (5, 762, 787), ποιάνωρ – «пастырь» (241), δεσπότης – «господин» (666, 1049), βασιλεύς – «царь» (5, 8, 58, 66, 234, 629, 634) и βασιλεὺς μέγας – «великий царь» (24). Оба эти царя именуются богами (157: царица называется супругой бога персов и матерью бога – θεοῦ μὲν εὐνάτειρα Περσῶν, θεοῦ δὲ καὶ μήτηρ ἔφυς) или же «богоподобными» –

⁵¹ О разрушении греческих храмов персами в связи с греческой пропагандой: Rung 2016. В более широком контексте о практике сожжения храмов в древней Греции, в том числе и персами, см. также: Miles 2014.

⁵² Н. Ф. Дератани замечает, что влагая оценку Дария в уста персов, Эсхил затушевывает то, что Дарий по существу такой же персидский деспот, как и его сын Ксеркс (Дератани 1946, 15). Однако, различие между двумя царями, по мнению драматурга, пролегали не в характере власти их обоих, а в их конкретной деятельности.

ισόθεοι (80, 856)⁵³. Так, Ксеркс представляется «неистовым властителем многолюдной Азии» (73: πολυάνδρου δ' Ἀσίας θούριος ἄρχων), богоподобным человеком, принадлежащим к златорожденному роду (79–80: χρυσογόνου γενεᾶς ισόθεος φύς), а его отец характеризуется как «старец, всемогущий, незлобивый, непобедимый царь, богоподобный Дарий» (854–857: ὁ γηραιὸς πανταρκτῆς ἀκάκας ἄμαχος βασιλεὺς ισόθεος Δαρεῖος). Даже представляя Дария и Ксеркса в равном «сакральном» статусе, Эсхил, тем не менее, не скупится на эпитеты, которыми он награждает Дария, и очень немногословен при аналогичной характеристике, даваемой Ксерксу, называя его только «неистовым властителем» и ограничиваясь указанием на его происхождение от эпонимного для персов героя Персея⁵⁴.

* * *

В основе «Истории» Геродота лежит описание греко-персидского конфликта, о чем он сам недвусмысленно заявляет в своем «введении» (Hdt. Ip). Подходы же «отца истории» к изображению персов получают далеко неоднозначную оценку в современной историографии. Мнения исследователей значительно разнятся, от заявлений, что Геродот вообще был свободен от всякой предвзятости и чувства эллинского превосходства над варварами⁵⁵, и до утверждения, что тема «персидской

⁵³ Древнегреческие авторы определенно свидетельствовали в пользу того, что персы либо непосредственно считали своего царя богом, либо же представляли его богоподобным (см. также: Hdt. VII. 56; [Arist]. De mundo. 398 a; Plut. Them. 27). Однако, древнеперсидские тексты не столь категоричны, как античные источники, в определении сакрального статуса Великих царей (о проблеме в целом см.: Рунг 2016).

⁵⁴ Garvie 2009, 74–76 (ad 79–80).

⁵⁵ В отечественной историографии подобную точку зрения последовательно отстаивал С. Я. Лурье (Лурье 1947, 32–98). Имеет она сторонников и в зарубежной историографии. По словам Дж. Уэллса, «свобода от национально предвзятости проявляется в благоприятных оценках персов», и «Геродот свободен от обычной греческой концепции варварства» (How, Wells 1912, 1, 37–38). Х. Саншизи-Веерденбург считает, что, хотя персы у Геродота – «другие», они не «низшие» (inferior), как изображаются более поздними греческими историками V–IV вв. до н.э. (Sancisi-Weerdenburg 1987, 44). Согласно мнению Б. Айзэка, «Геродот не выражает какие-либо антивосточные чувства, никогда не идет так далеко, как более поздние авторы, в поляризации греков и других» (Isaac 2004. 263).

ущербности» по сравнению с греками вполне очевидна и проходит через весь его труд ⁵⁶. Как Дарий, так и Ксеркс, таким образом, являются героями повествования «отца истории», и каждому из них он уделяет значительное место в своем труде. Однако же Геродот, в отличие от Эсхила, уже редко непосредственно противопоставляет этих двух персидских монархов, да и сами они также сравниваются друг с другом совсем нечасто. По сути дела, налицо только несколько примеров прямого их сопоставления, но как таковые они выглядят далеко не в пользу Ксеркса ⁵⁷.

Рассмотрим первый пример. «Отец истории» (I. 183) рассказывает, что в Вавилоне Дарий увидел великолепную статую из чистого золота (Бела-Мардука?), но не дерзнул захватить ее (ἐπιβουλεύσας οὐκ ἐτόλμησε λαβεῖν). Однако же Ксеркс взял статую (ἔλαβε) и умертвил жреца, который запрещал двигать ее с места ⁵⁸. Геродот здесь был первым, если не зачинателем античной традиции, представленной у целого ряда более поздних авторов, которые создают образ Ксеркса – святотатца и «разрушителя» вавилонских святынь: так, в числе прочего, Ксеркс разрушил гробницу Бела (Strab. XVI. 1. 5) или храмы, в том числе храм Бела, восстановить которые вавилонянам приказал Александр Македонский

⁵⁶ По мнению И. Е. Сурикова, греко-варварское противостояние, намеченное только Эсхилом, Геродот разворачивает в широкую, многогранную картину, которая становится главным содержанием его фундаментального труда (Суриков 2011, 267). Ф. Артог акцентирует внимание на изображении Геродотом военного превосходства греков над персами (Hartog 2009, 44–46). М. Флауэр приходит к выводу, что Геродот вполне осознавал греко-варварскую дихотомию, но она еще не абсолютна; изображение им народов имеет свои нюансы (Flower, Marincola 2002, 37–39).

⁵⁷ С. Саид, например, считает, что Дарий в «Истории» Геродота далек от того, чтобы быть мудрым царем и антиподом (polar opposition) своему сыну, он подобен ему (Saïd 2002, 145). Однако, как это очевидно, в ряде случаев противопоставление одного другому имеет место в труде «отца истории».

⁵⁸ С. М. Шервин-Уайт и А. Курт в результате текстологического анализа этого сообщения Геродота пришли к выводу, что Ксеркс не похищал статуи Бела-Мардука из храма в Вавилоне, а «отец истории» говорит о какой-то другой статуе, взятой этим персидским царем (Kuhrt, Sherwin-White 1987, 69–72). В своей статье авторы еще не опровергают образ Ксеркса как похитителя статуи из вавилонского храма, как он вырисовывается из текста Геродота.

(Arr. *Anab.* III. 16. 4; VII. 17. 1–3). Между тем, В. Хенкельман, А. Курт, Р. Роллингер и Й. Визехёфер, ссылаясь на аргументы в отношении того, что Ксеркс не похищал статуи Бела-Мардука, опровергают и всю эту античную традицию. Эти исследователи, во-первых, ссылаются на сообщения других античных авторов, которые говорят, что Ксеркс посетил гробницу Бела и даже вскрыл ее (Ctes. *FGrHist.* 688. F. 13 § 26; Aelian. *VH.* XIII. 3), а отнюдь не о ее разрушении, а, во-вторых, считают, что сообщения о святотатствах Ксеркса отражают позицию вавилонского жречества, враждебную этому царю⁵⁹. Принимая эту точку зрения, А. Курт в другой своей статье даже заявляет: «Пока нет и никогда не было никаких доказательств в отношении разрушения вавилонских храмов и культов Ксерксом (или персами), помимо этого неоднозначного материала, так что мы теперь имеем больше материала, который позволяет нам начать конструктивную переоценку его правления как периода глубоких перемен, характеризующихся значительным ужесточением контроля Ахеменидов на своих имперских территориях. Ксеркс появляется все более и более как один из наиболее важных создателей стабильной и успешной Персидской империи»⁶⁰. Курт также цитирует сообщение Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (XI. 5. 1), которое, казалось бы, идет в разрез с устойчивой традицией противопоставления Дария и Ксеркса, а более соответствует образу царя, представленному в древнеперсидских надписях, что один следовал политическому курсу другого: «После того как Дарий умер, его сын Ксеркс перенял царскую власть; последний унаследовал его благочестие и уважение к Богу. Он следовал отцу своему в богопочитании и был очень расположен к иудеям». Однако, возникает следующий вопрос: следует ли этот образ Ксеркса, сложившийся в рамках иудейской традиции, считать более объективным чем тот, который возник об этом царе в античной традиции? По крайней мере, свидетельство Иосифа Флавия показывает, что репрезентация Ксеркса в различных культурно-исторических традициях была неоднозначной, однако, восприятие его греками, как это демонстрируют Эсхил и Геродот, не было позитивным.

⁵⁹ Henkelman et al. 2011, 451–461.

⁶⁰ Kuhrt 2014, 169.

Обратимся ко второму примеру противопоставления Дария и Ксеркса. Кратко сообщая об экспедиции Ксеркса против мятежников, которая последовала сразу за вступлением того на престол, Геродот (VII. 7) резюмирует, что весь Египет оказался во много более тяжелом рабстве, чем был при Дарии – Αἴγυπτον πᾶσαν πολλὸν δουλοτέρην ποιήσας ἢ ἐπὶ Δαρείου ἦν. Несомненно, данное сообщение является отголоском некой египетской традиции благоприятного восприятия царя Дария и враждебного – царя Ксеркса, которой следует и «отец истории» также (однако, наиболее значимой в этой связи является информация Диодора Сицилийского, в частности представляющего Дария как благочестивого царя с точки зрения египтян и великого законодателя Египта: Diod. I. 95. 5)⁶¹. Собственно говоря, и Геродот также ранее пересказывает историю о том, что Дарий попытался поместить свою статую в мемфисский храм, но вынужден был подчиниться запрету жреца (Hdt. I. 110).

Таким образом, по мнению Геродота, Ксеркс отличался от своего отца Дария, прежде всего, своим отношением к религии. В этом вопросе «отец истории» сходится с Эсхилом, обращая внимание, во-первых, на «нечестивое» поведение царя при переправе войска через Геллеспонт, а, во-вторых, на его систематическое сожжение и разграбление греческих храмов. Эсхил (750) подчеркивает «нечестие» Ксеркса, граничащее с безумием (νόσος φρενῶν) в эпизоде у Геллеспонта: царь обуздал пролив ярмом (72: букв. «набросил ярмо на горло понта» – ζυγὸν ἀμφίβαλὼν αὐχένι πόντου), наложил на него как на строптивного раба железные оковы (747: πέδαις σφυρηλάτοις), тем самым намереваясь одолеть Посейдона⁶². Согласно же Геродоту (VII. 8, 10), Ксеркс объявил о намерении, «связав» Геллеспонт мостом (ζεύξας τὸν Ἑλλήσποντον),

⁶¹ О восприятии Дария в Египте см. подробнее: Ладынин 2011, 11–12 (исследователь привлекает и египетские источники, свидетельствующие об отношении египтян к Дарию).

⁶² А. Дан рассматривает греческое и персидское отношение к «обузданию» Геллеспонта. Она доказывает, что, если для греков «наказание Боспора» было оскорблением божества, то для персов, напротив, это было обузданием злого демона, который попытался помешать Ксерксу в завоевании мира (Dan 2015).

повести войско в Элладу, и в этом он сравнивается с его отцом Дарием, который «связал» мостом Боспор Фракийской (ζεύξας Βόσπορον τὸν Θρηίκιον) во время похода против скифов (VII. 23). Далее следует хрестоматийный сюжет о том, как Ксеркс «высек море», затем приказал погрузить в море пару оков (πεδέων ζεύγος), заклеить воды клеймом, при этом говоря варварские и нечестивые слова (λέγειν βάρβαρα τε καὶ ἀτάσθαλα), а также казнить тех, кто надзирал за ходом прежних строительных работ (Hdt. VII. 35). Что касается святотатства по отношению к греческим святилищам, то Геродот (VI. 19, 32; VIII. 33, 140, 143–144; IX. 13), как и Эсхил (807–819), также признает это, однако, в отличие от драматурга, считает его лишь актом возмездия со стороны как Дария, так и Ксеркса за сожжение греками святилища богини Кибелы в Сардах во время Ионийского восстания (V. 102; VI. 101). Так что, историк все же снимает часть ответственности с Ксеркса за его действия в Греции, которые так или иначе непосредственно затрагивали эллинскую религию⁶³, при этом, однако, обращает внимание на большую значимость для греков, в частности, для афинян, этого святотатства персидского царя (VIII. 144). Однако, с одной стороны, неоднократное упоминание Геродотом об осквернении Ксерксом тела Леонида, героически погибшего при Фермопилах (VII. 238; VIII. 141; IX. 64, 78–79), а, с другой, об отказе Павсания таким же образом поступить с телом Мардония, убитого при Платеях (IX. 78–79), проводит некую этическую грань между поведением варвара и эллина, что явно способствует негативному восприятию персидского царя читателями «Истории»

Свое отношение к обоим царям Геродот (VI. 98) проявляет еще и по другому поводу, при объяснении значения имени каждого из них⁶⁴: «На эллинском языке имена персидских царей означают вот что: Дарий – деятельный, Ксеркс – воин, Артоксеркс – великий воин (Δαρεῖος ἐρξίης, Ξέρξης ἀρήιος, Ἀρτοξέρξης μέγας ἀρήιος), и мы могли бы совер-

⁶³ Funke 2007; Rung 2016, 171.

⁶⁴ Здесь и далее «История» Геродота цитируется в переводе Г. А. Страгановского (в ряде случаев с нашей корректировкой).

шенно правильно этих царей так и называть на нашем языке»⁶⁵. Так что «отец истории» в случае с царем Ксерксом особо подчеркивает военный аспект его деятельности, хотя, понятно также, что Геродот ошибался при интерпретации значения имен⁶⁶.

Не прибегая более к прямому сопоставлению Дария и Ксеркса, может быть «отец истории» дает своему читателю возможность сравнить

⁶⁵ Слово ἐρξίνης редко употребляется в греческом языке, однако Et. Mag. s.v. ἐρξίνης дает интерпретацию этого слова как ὁ πρακτικός. Еще в начале XX века в небольшой своей заметке А. Б. Кук сделал привлекательное предположение, что на самом деле в тексте Геродота соответствие между именами персидских царей и греческими словами, воспринимаемыми как их эквиваленты, должно было быть изначально иным. Так, ἀρήςιος должно было относиться к Δαρείος, ἐρξίνης – к Ξέρξης, а κάρτα («очень») – более подходящее слово чем μέγας ἐρξίνης – к Ἀρτοξέρξης. Одним из аргументов исследователя был следующий: почему Геродот должен был использовать очень редкое слово ἐρξίνης, если только он не хотел сделать это для установления очевидной этимологии имени Ксеркса? (Cook 1907, 169). Несмотря на всю остроумность этой гипотезы, следование ей, на наш взгляд, приведет к противоречию с восприятием греков (и Геродота, в том числе) Дария как «устроителя» империи, а Ксеркса как более воинственного царя (о других, чисто лингвистических трудностях такой существенной корректировки текста Геродота см.: Harrison 1998, 35). Альтернативный вариант слова, которым Геродот переводит имя Дария, предложил Л. Скотт в своих комментариях к VI книге труда Геродота – *ἐξίνης, производный от глагола ἔχω, что означает «обладатель» (исследователь определенно стремился таким образом приблизить геродотову этимологию имени Дария к собственно подлинной этимологии имени, основанной на древнеперсидском прочтении: Scott 2005, 349).

⁶⁶ В данной работе принимается этимология имен персидских царей, представленная в статьях Р. Шмитта в многотомном издании «Encyclopædia Iranica» (однако, в литературе можно встретить и отличающиеся в большей или меньшей степени этимологии имен). Имя «Дарий» (др.-перс. Dārayavauš) выводится этим исследователем из сочетания двух др.-перс. слов: dāraya- «владеющий» и прилагательного vau- «добрый»; следовательно, имя должно означать: «владеющий добром» (Schmitt 1994, 40). ЛИ «Ксеркс» и «Артаксеркс» в древнеперсидском написании не имели общего корня. Имя «Ксеркс» (др.-перс. Xšayārša) – также композит, который мог состоять из двух слов xšaya- «правлящий» и *ršan- «герой»; переводится как «правлящий над героями» (Schmitt 2011), а имя «Артаксеркс» (др.-перс. Artaxšaça) как «тот, кто царствует по справедливости» (Schmitt 1986).

их? Для поиска ответа на этот вопрос обратимся к характеристике, которую Геродот дает обоим монархам, однако, в данном случае, она уже не столь очевидна, как в случае с Эсхилом, поскольку историк избегает, в отличие от драматурга, употреблять по отношению к ним различные эпитеты. Во всяком случае, единственный пример использования «отцом истории» (III. 89) такого рода эпитетов – это его упоминание о прозвищах, которые, по словам историка, были даны трем первым царям в Персии: Дарий – торгош, Камбис – владыка, Кир – отец (Δαρεῖος μὲν ἦν κάπηλος, Καμβύσης δὲ δεσπότης, Κύρος δὲ πατήρ).

Очевидно, употребление Геродотом по отношению к Дарию эпитета κάπηλος преследовало ту же самую цель, что и перевод его имени как ἐρζίζης: в обоих случаях историк стремится привлечь внимание читателя не на военную деятельность этого царя (и здесь Дарий контрастирует с Ксерксом), а на его политику по обустройству государства, заявляя, что «он все дела вел по торгошески» – ὁ μὲν ὅτι ἐκατήλευε πάντα τὰ πρήγματα⁶⁷ (хотя слово κάπηλος по отношению к правителю огромной и могущественной империи выглядит несколько неуместным и даже пренебрежительным⁶⁸, но замысел Геродота состоял видимо в том, чтобы употреблением фразы λέγουσι Πέρσαι в этом контексте привлечь внимание читателя на персидское восприятие своего царя⁶⁹).

Л. Кьюрк полагает, что, употребив слово κάπηλος, пришедшее в древнегреческий язык из Лидии, применительно к Дарию, Геродот намекает на его стремление получить выгоду из всего, а кроме того, имплицитно наделяет его качествами, присущими мелкому торговцу: ловкость, предприимчивость, плутовство. По мнению этой исследовательницы,

⁶⁷ На это обстоятельство обращает свое внимание К. Таплин, который убедительно показывает, что описание Дария как κάπηλος служит отрицанию его статуса как военного предводителя или завоевателя (Tuplin 1997, 379).

⁶⁸ К. Таплин также справедливо замечает, что в представлении греков κατήλοι являются абсолютно порочными людьми, и даже когда κατηλεία не осуждается как аморальная, ассоциации, связанные с ней, всегда уничижительны и не соответствуют образу традиционного ближневосточного царя (Tuplin 1997, 379–381).

⁶⁹ О первоначальном значении слова κάπηλος и о связи его с чеканкой монет и экономикой, основанной на денежном обращении см.: Descat 1994.

ряд эпизодов из жизни этого монарха, рассказанных «отцом истории» (I. 187; III. 39. 1–3; 71. 5; 72. 3–5; 85. 3–87), доказывает данную характеристику⁷⁰. Если согласиться с этой интерпретацией слова *κάληλος*, то обнаруживается, правда, в несколько скрытом виде, личное отношение Геродота к Дарию как человеку хитрому, даже вероломному. Понятно, что тот, кто не был рожден царем, а приобрел трон и удержался на нем во многом в силу личных заслуг, должен был быть предприимчивым во всем. Напротив, Ксеркс, который был рожден уже в царствование своего отца (VII. 3), очевидно, возымел иные личные качества, в числе которых Геродот (VII.24) отмечает, например, надменность (*μεγαλοφροσύνη*).

Итак, какие же аспекты деятельности, которые обнаруживаются в результате прочтения труда Геродота, характеризуют Дария и Ксеркса? В первую очередь, отметим, что между этими правителями заметны не только различия, но также и сходства, однако, при этом, каждый из них имеет свои нюансы в описании Геродота. Обозначим эти сходные черты, которые, хотя и могут иметь случайные параллели с данными древнеперсидских источников, однако, не могут как-то непосредственно свидетельствовать о воспроизведении историком на страницах своего труда персидской царской идеологии, а скорее (как и в случае с «Персами» Эсхила) являются представлениями самого историка о поведенческих стереотипах монархов династии Ахеменидов.

Геродот словами самого Ксеркса заявляет о его стремлении следовать политике Дария I (VII. 8: «я вовсе не собираюсь вводить ничего нового, но буду следовать лишь старому обычаю»), что, в свою очередь, перекликается с надписями Ксеркса, в которых он подчеркивал свое стремление продолжать дело своего отца (XPa. 11–17; XPc. 9–15; XPf. 27–43; XPg; XSa; XSd; XVa). Неоднократно историк говорит и о могуществе (*δύναμις*) как Дария, так и Ксеркса. Геродот (III. 88) завершает свой рассказ о воцарении Дария словами, что его могущество было беспредельно (*δυνάμιός τε πάντα οἱ ἐπιπλέατο*), а перечисление народов, собранных Ксерксом для похода против Греции, заканчивает замечанием (VII. 187), что из стольких мириад людей не было ни одного по красоте и статному телосложению более достойного обладать таким могуществом, чем сам Ксеркс (*κάλλεός τε εἵνεκα καὶ μέγαθος οὐδεὶς αὐτῶν ἀξιονικότερος ἦν*

⁷⁰ Kurke 1999, 65–100.

αὐτοῦ Ξέρξῳ ἔχειν τοῦτο τὸ κράτος), и в этих словах историк не скрывает своего восхищения персидским правителем ⁷¹. О мощи Ксеркса «отец истории» (VII. 24) говорит также со ссылкой на самого царя, приказавшего прорыть канал через мыс Афон в самом начале его вторжения в Грецию: «он желал показать свое могущество и оставить о себе памятник» (ἐθέλων τε δύναμιν ἀποδείκνυσθαι καὶ μνημόσυνα λιπέσθαι). Указание на могущество Ксеркса выступает также аргументом в пользу заключения договора афинян с царем со стороны македонского царя Александра I, направленного Мардоном в качестве посла в Афины после поражения персов при Саламине (VIII. 140): «ведь мощь у царя превышает человеческую, и рука у него очень длинная» (καὶ γὰρ δύναμις ὑπὲρ ἄνθρωπον ἡ βασιλείος ἐστὶ καὶ χεὶρ ὑπερμήκης) ⁷². Впрочем, сам Геродот избегает сравнения Дария с божеством, которое присутствует в «Персах» Эсхила, и с иронией относится к такому сравнению Ксеркса, единожды присутствующему в его труде. Историк (VII. 56), в частности, рассказывает о том, что когда лично сам Ксеркс уже переправился через Геллеспонт, какой-то геллеспонтиец обратился к нему: «Зевс! Почему ты в облике перса, приняв имя Ксеркса, желаешь опустошить Элладу и ведешь с собой полчища всего мира? Ведь это ты мог бы совершить и без них» ⁷³.

В описании Геродота Дарий и Ксеркс предстают суровыми в наказании и щедрыми в награде, что в целом соответствует тому, что эти монархи заявляли о себе в своих надписях: для правдивого человека они провозглашали себя его друзьями, а для несправедливого и лжеца – недругами (DNb; XPI). Наказаниям подвергались жители городов, обви-

⁷¹ Т. Харрисон признает такое замечание Геродота удивительным и объясняет это представлением историка о Ксерксе как «героическом идеале совершенства среди персов» (Harrison 2002, 566).

⁷² По мнению Т. Харрисона, прозвище «длиннорукий» (μακρόχειρ), которое относится различными античными авторами либо к Дарию, либо к Ксерксу (Pollux. 2. 151), либо же к Артаксерксу I (Plut. Artax. 1. 1; Mor. 173 d), и происходит от физического недостатка царя, на самом деле берет начало от неверно понятого заявления Александра в Афинах, что у царя Ксеркса χεὶρ ὑπερμήκης – «рука очень длинная» (Harrison 2011, 65–66).

⁷³ Ироничное высказывание софиста Горгия из Леонтин о Ксерксе как персидском Зевсе (или Зевсе персов) (Longin. De Sublim. 3. 2: Ξέρξης ὁ τῶν Περσῶν Ζεὺς) может быть парафразой приведенного Геродотом (VII. 56) пассажа, где Ксеркс сравнивается с Зевсом.

ненные в мятеже против царя и помощи восставшим: пленные милетяне поселены на берегу Эритрейского моря (VI. 19), а пленные эритрейцы – в области Киссия (VI. 119). Среди жестоко наказанных были также и частные лица, вызвавшие гнев царя. Дарий казнил всех трех сыновей перса Эобаза за то, что последний просил освободить от участия в походе в Скифию хотя бы одного из них (IV. 84), а Ксеркс казнил самым жестоким образом старшего сына лидийца Пифия, просившего царя освободить этого сына от участия в походе в Грецию (VII. 38). Но цари могли быть и милостивые. Дарий в ответ на увещевания жены Интаферна, согласился помиловать ее саму и одного из членов ее семьи, обвиненных в заговоре против царя (III. 119). Ксеркс же отказался мстить Сперфию и Булису, которые были направлены спартанцами в Сузы во искупление за смерть убитых в Спарте персидских глашатаев, сославшись на свое благородство (*μεγαλοφροσύνη*) (VII. 135), а затем освободил попавших в плен к персам греческих соглядатаев (VII. 146). О щедрости обоих персидских царей Геродот также сообщает неоднократно ⁷⁴. Награду полу-

⁷⁴ В основе взаимоотношений царя со своими подданными в Персидской державе находился традиционный обычай дарообмена, причем действовал принцип неравноценного обмена дарами и услугами: подарки и услуги кого-либо царю заметно уступали тем, которые он получал взамен от царя (см.: Sancisi-Weerdenburg 1989, 140–141; Mitchell 1997, 111–113). Представления о пресловутой щедрости Ксеркса, пройдя через античную традицию, были озвучены в рамках обращения к рецепции образа Ксеркса в культуре последующих веков. В начале XVII в. испанский драматург XVII в. Тирсо де Молина пишет свою дебютную пьесу «Стыдливый во дворце» (1606 г.), в которой ее пролог – Иоа включает в себя притчу о добром правителе Ксерксе и бедном пастухе, подарившем царю то единственное, что у него было – воду в простом кувшине. Ксеркс «был пленен» не только этим «бесценным» даром, но и речью пастуха, и сделал его правителем Эллады, полагая, что людям этой страны он будет пастырем. Возможно автор пьесы имел ввиду преподнесение земли и воды, которое было традиционным выражением обычая дароприношения; сами же эти «дары» олицетворяли «страну», которая, после их предоставления, символически передавалась царю Персии (Rung 2015). В итоге этот драматург обращается к своему правителю: «...о Ксеркс текущих лет, / Кому доверено правленье / Кастилией...» и кому драматург принес в дар свое произведение: «Ксеркс щедро одарил когда-то / За дар подобный бедняка... / Да будет и твоя рука / Благодеяньями богата!» (пер. А.С. Эфрон).

чали как жители городов в целом (VII. 117), так и наиболее ревностные из числа подданных, оказавших важные услуги царю: награда была представлена в виде денег ⁷⁵, городов и территорий (III. 140; V. 11, 94; VI. 70; VIII. 136), дома и жены-персиянки (VI. 39), командования войском (IX. 109), почетных титулов (III, 140; VIII, 85).

* * *

В заключении нашего исследования подведем некоторые его итоги и сформулируем основные выводы. Замысел нашего исследования состоял в рассмотрении восточного и античного восприятия образов Дария и Ксеркса (первое – в виде саморепрезентации, поскольку образы этих царей, выступающие из древнеперсидских надписей, были творением их самих же, а второе – репрезентация их авторами, близкими по времени к «сотворению» их образов на Востоке) с целью их сравнения друг с другом. И в этой связи следует обратить внимание на ряд обстоятельств. Прежде всего, в своем собственном восприятии Дарий и Ксеркс были равновеликими, а, кроме того, один подобен другому. В античной традиции, представленной современниками – Эсхилом и Геродотом, образы этих царей разнятся по отношению друг другу. Причем, если в трагедии Эсхила противопоставление Дария и Ксеркса явно выражено, что объясняется главным образом закономерностями драматического жанра, то в труде Геродота оно, хотя и имеет место, но все же не так явственно прослеживается. Тем не менее, при наличии общих черт, сближающих этих двух монархов, образ Ксеркса у Геродота в основном более предосудительный, чем образ Дария: последний все же далек от того образа идеального монарха, каким он изображается в драме Эсхила.

Обращаясь к репрезентации персидских царей Эсхилом и Геродотом можно обнаружить, что оба автора представляют Дария в большей степени администратором, нежели военачальником; таковым безусловно был Ксеркс. И далеко не случайно, что уже в рамках собственно древнеримской традиции как раз интерес к событиям Греко-персидских

⁷⁵ Геродот (III. 130) упоминает об одном экстравагантном случае дара: Дарий наградил врача Демокеда за свое исцеление тем, что каждая женщина гарема одарила его чашей золота, что, как признает «отец истории», было весьма щедрым даром (δαψιλῆς δωρεῇ).

войн также обусловил обращение к образам Дария и Ксеркса ⁷⁶. И уже именно под влиянием античной традиции образы этих двух персидских царей, связанные с событиями Греко-персидских войн, формировались в европейской культуре в последующие эпохи, став объектами рецепции в период Нового и Новейшего времени ⁷⁷.

References

Abbott, J. *The History of Darius the Great*. N.Y. 1850.

Abbott, J. *The History of Xerxes the Great*. L. 1854.

Ahn, G. *Religiöse Herrscherlegitimation im achämenidischen Iran*. Leiden; Louvan. 1992.

⁷⁶ Во-первых, римских авторов интересовали прежде всего почерпнутые из «Истории» Геродота темы, например, сюжет о строительстве Ксерксом моста через Геллеспонт. Во-вторых, в ряде случаев также в представлении римлян имена Дария и Ксеркса символизировали неслыханное богатство. И, в-третьих, в прагматических и идеологических целях топоним Греко-персидских войн увязывался с собственно римской внешней политикой в отношении Парфии и Сасанидского Ирана (Махлаюк 2012; Makhlaiuk 2015).

⁷⁷ Рецепция исторического прошлого предстает как способ актуализации, интерпретации и репрезентации в виде социальных представлений исторического опыта, исторической традиции и национальной мифологии в современном обществе (Chiglintsev 2015, 177). В отношении рецепции Персии в культуре последующих веков: Allen 2007; Harrison 2008; Grogan 2014. Рецепция же образов персидских царей Дария и Ксеркса наиболее представлена в следующих областях европейской культуры Нового и Новейшего времени: драматургии (Loloi 2010), оперном искусстве (Kimbell 2007), поэзии, философии (Усманов 2003), и, наконец, в кинематографе (Levene 2007). «Персы» Эсхила, и «История» Геродота служили здесь основными источниками для последующей рецепции образов обоих персидских царей, когда последние адаптировались различными авторами к своим потребностям, определяемым, в том числе, и социокультурной средой их времени. Но вот тут-то мы наблюдаем интересную деталь: образ Дария со временем перестает быть востребованным в изменившихся условиях, в отличие от образа Ксеркса, который продолжает будоражить умы ни одного поколения людей, воспринимаясь как символ щедрости и богатства, угрозы порабощения и опасности деспотизма, олицетворением Востока, противостояния свободы и демократии, наполняясь многими смыслами.

Allen, L. Chilminar olim Persepolis: European Reception of a Persian Ruin. In: C.J. Tuplin (ed.). *Persian Responses: Political and Cultural Interaction with (in) the Persian Empire*. Swansea, 2007, p. 313–342.

Anderson, M. The Imagery of the Persians. *Greece & Rome* 19. 1972, p. 166–174.

Balcer, J. M. The Persian Conquest of the Greeks 545–450 B. C. Konstanz. 1997.

Bigwood, J.M. Ctesias as Historian of the Persian Wars. *Phoenix* 32, 1978, p. 19–41.

Boedeker, D., Sider, D. (eds.): *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*. Oxford. 2001.

Briant, P. *Darius, Les Perses et l'Empire*. P. 1992.

Briant, P. *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.

Bridges, E. 2014: *Imagining Xerxes. Ancient Perspectives on a Persian King*. L.; New Delhi; N. Y.; Sidney. 2002.

Chiglintsev, E. A. Reception of the Icarus myth in the mass art of the late 20th–21st century. *Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis. Special Issue* 2014. Russian studies. From the early Middle Ages to the present day. Sebeş, Alba. 2015, p. 177–186.

Clifton, G. The Mood of the ‘Persai’ of Aeschylus. *Greece & Rome* 10, 1963, p. 111–117.

Conacher, D. J. *Aeschylus’ Persae: A Literary Commentary*. In: J. L. Heller (ed.). *Serta Turyniana: Studies in Greek Literature and Palaeography in Honor of Alexander Tutyn*. Urbana, 1974, p. 143–168.

Cook, A. B. *Nomen Omen*. *Classical Review* 21, 1907, p. 169.

Dan, A. Achaemenid World Representations in Herodotus’ Histories: Some geographic examples of cultural translation. In: K. Geus, E. Irwin, T. Poiss (eds.). *Herodots Wege des Erzählens. Logos und Topos in den Historie*. Frankfurt/M., 2013, p. 83–121.

Dan, A. Grecs et Perses sur les Détroits: Le Démon Enchaîné et la Démésure du Grand Roi. *Ancient West & East* 14, 2015, p. 191–235.

De Blois, F. “Place” and “Throne” in Persian. *Iran* 33, 1995, p. 61–65.

Дератани, Н. Ф. Эсхил и Греко-персидская война. *Вестник древней истории* 1, 1946, с. 9–19.

Descat, R. Darius, le roi “kapelos”. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt, M. C. Root (eds.). *Achaemenid history 6: Continuity and change. Proceedings of the last Achaemenid history workshop*, Ann Arbor, April 6 - 8, 1990. Leiden, 1994, p. 161–166.

Eilers, W., Herrenschmidt, C.: Banda. In: *Encyclopaedia Iranica* 3. 7, 1988, p. 682–685.

Flower, M. A., Marincola, J. *Herodotus: Histories Book IX*. Cambridge. 2002.

Flower, M. A. *Herodotus and Persia*. In: C. Dewald, J. Marincola (eds.). *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 2006, p. 274–289.

Funke, P. Die Perser und die griechischen Heiligtümer in der Perserkriegszeit. In: B. Bleckmann (ed.). *Herodot und die Epoche der Perserkriege. Realitäten und Fiktionen. Kolloquium zum 80. Geburtstag von Dietmar Kienast*. Köln; Weimar; Wien, 2007, p. 21–34.

Garvie, A. F. *Aeschylus. Persae. With Introduction and Commentary*. Oxford. 2009.

Georges, P. *Barbarian Asia and the Greek Experience. From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore. 1994.

Goldhill, S. Battle Narrative and Politics in Aeschylus’ *Persae*. *Journal of Hellenic Studies* 108, 1988, p. 189–193.

Grethlein, J. How Not to Do History: Xerxes in Herodotus’ *Histories*. *American Journal of Philology* 130, 2009, p. 195–218.

Grethlein, J. Herodot und Xerxes. Meta-Historie in den *Histories*. In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (eds.). *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire*. Wiesbaden, 2011, p. 103–122.

Grogan, J. *The Persian Empire in English Renaissance Writing, 1549–1622*. Basingstoke. 2014.

Hall, E. *Inventing the Barbarian. Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford. 1989.

Hall, E. Asia unmanned: Images of Victory in classical Athens. In: J. Rich, G. Shipley (eds.). *War and Society in the Greek World*. London; New York, 1993, p. 108–133.

Hall, E. (ed.). *Aeschylus Persians*. Warminster. 1996.

Harrison, T. Herodotus Conception of Foreign Languages. *Histos* 2, 1998, p. 1–45

Harrison, T. *The Emptiness of Asia: Aeschylus' Persians and the History of the Fifth Century*. London. 2000.

Harrison, T. *The Persian Invasions*. In: E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees (eds.). *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden; Boston; Köln, 2002, p. 551–578.

Harrison, T. *Respectable to Its Ruins: Achaemenid Persia, Ancient and Modern*. In: L. Hardwick, C. Stray (eds.). *A Companion to Classical Receptions*. Oxford, 2008, p. 50–61.

Harrison, T. *The long arm of the King* (Hdt. 8. 140–142). In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (eds.). *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire. Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema “Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen”*, Innsbruck, 24–28. November 2008. Wiesbaden, 2011, p. 65–74.

Hartog, F. *The Mirror of Herodotus. The Representation of the Other in the Writing of History*. Berkeley; Los Angeles. 2009.

Henkelman, W. F. M. et al. *Herodotus and Babylon Reconsidered*. In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (eds.). *Herodot und das Persische Weltreich – Herodotus and the Persian Empire: Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema “Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen”*, Innsbruck, p. 24–28. November 2008. Wiesbaden, p. 449–470. 2011.

How, W. W., Wells, J. *A Commentary on Herodotus*. 1–2. Oxford. 1912.

Hordern, J. H. *The Fragments of Timotheus of Miletus*. Oxford. 2002.

Isaac, B. *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton. 2004

Kantziros, I. *The Politics of Fear in Aeschylus' Persians*. *Classical World* 98, 2004, p. 3–19.

Keaveney, A. *Persian Behaviour and Misbehaviour: Some Herodotean Examples*. *Athenaeum* 84, 1996, p. 23–48.

Kent, R. G. *A New Inscription of Xerxes*. *Language* 9, 1933, p. 35–46.

Kimbell, D. *Operatic variations on an incident at the Hellespont*. In: E. Bridges, E. Hall, P. J. Rhodes (eds.). *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 2007, p. 201–230.

Klinkott, H. *Zum persischen Adel im Achaimenidenreich*. In: U. Walter, H. Beck, P. Scholz (eds.). *Die Macht der Wenigen. Aristokratische*

Herrschaftspraxis, Kommunikation und ‚edler‘ Lebensstil in Antike und Früher Neuzeit. Stuttgart, 2008, p. 207–251.

Kuhrt, A., Sherwin-White, S. Xerxes' Destruction of Babylonian Temples. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Kuhrt (eds.). *Achaemenid History 2: The Greek Sources*. Proceedings of the Groningen 1984 Achaemenid History Workshop. Leiden, 1987, p. 69–78.

Kuhrt, A. Earth and Water. In: A. Kuhrt; H. Sancisi-Weerdenburg (eds.). *Achaemenid History 3: Method and Theory*. Proceedings of the London 1985 Achaemenid History Workshop. Leiden, 1988, p. 87–99.

Kuhrt, A. Achaemenid images of royalty and empire. In: G. Lanfranchi, R. Rollinger (eds.). *Concepts of Kingship in Antiquity: Proceedings of the European Science foundation Exploratory Workshop held in Padova, November 28th–December 1st, 2007*. Padova, 2010, p. 87–106.

Kuhrt, A. Reassessing the Reign of Xerxes in the Light of New Evidence, In: M. Kozuh, W. F. M. Henkelman, C. J. Jones, C. Woods. *Extraction & Control. Studies in Honor of Matthew W. Stolper*. Chicago, 2014, p. 163–169.

Kurke, L. *Coins, Bodies, Games, and Gold: The Politics of Meaning in Archaic Greece*. Princeton. 1999.

Ладынин И. А. Статуя Дария I из СУЗ: к интерпретации памятника в свете религиозно-идеологических представлений Египта и Переднего Востока. *Вестник древней истории* 1, 2011, с. 3–27.

Lattimore, R. Aeschylus on the Defeat of Xerxes. In: *Classical Studies in Honor of William Abbot Oldfather*. Urbana, 1943, p. 82–93.

Lenfant, D.: *Les rois de Perse vus d'Athènes*. In M. Serwański (éd.). *Les grands hommes des autres. Actes du Xe colloque Poznan-Strasbourg des 4-6 novembre 1998*. Poznań, 1998, p. 33–49.

Lenfant, D. *Les Histoires perses de Dinon et d'Héraclide, fragments édités, traduits et commentés (Persika, 13)*. Paris. 2009.

Lenfant, D. Greek Monographs on the Persian World: The Fourth Century B.C. and its Innovations. In: G. Parmeggiani (ed.). *Between Thucydides and Polybius. The Golden Age of Greek Historiography*. Cambridge, MA, 2014, p. 197–210.

Levene, D. S. Xerxes Goes to Hollywood. In: E. Bridges, E. Hall, P. J. Rhodes (eds.). *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 2007, p. 383–404.

Lewis, D. M. Persians in Herodotus. In: D. M. Lewis. Selected Papers in Greek and Near Eastern History. Cambridge. 1997.

Lincoln, B. Death by Water: Strange Events at the Strymon (Persae 492–507) and the Categorical Opposition of East and West. *Classical Philology* 95, 2000, p. 12–20.

Lincoln, B. Religion, Empire and Torture. The Case of Achaemenid Persia. Chicago. 2007.

Lincoln, B. The Role of Religion in Achaemenian Imperialism. In: N. Brisch (ed.). Religion and Power. Divine Kingship in the Ancient World and Beyond. Chicago, 2008, p. 221–242.

Llewellyn-Jones, L., Robson, J. (tr.). Ctesias' History of Persia: Tales of the Orient. London; New York. 2010.

Llewellyn-Jones, L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE. Edinburgh. 2013.

Llewellyn-Jones, L. "That My Body is Strong": The Physique and Appearance of Achaemenid Monarchy. In: D. Boschung, A. Shapiro, F. Waschenk (eds.). Bodies in Transition: Dissolving the Boundaries of Embodied Knowledge. Paderborn, 2015, p. 211–248.

Loloi, P. Portraits of the Achaemenid Kings in English Drama: Sixteenth–Eighteenth Centuries. In: J. Curtis, St. J. Simpson (eds.). The World of Achaemenid Persia. History: Art and Society in Iran and the Ancient Near East. London; N. Y., 2010, p. 33–40.

Lur'e, S. Ya. Herodotus. Moscow; Leningrad. 1947.

Махлаюк А. В. Ахеменидская Персия в римской литературе: образ «иноного» и специфика исторической памяти. Вестник Университета им. Лобачевского 3, Нижний Новгород, 2012, с. 199–208.

Makhlauiuk, A. V. Memory and Images of Achaemenid Persia in the Roman Empire. In: J. M. Silverman, C. Waerzeggers. Political Memory in and after the Persian Empire. Atlanta, 2015, p. 299–324.

Маринович Л. П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами. (Античная цивилизация и варвары). Москва, 2006, с. 5–29.

Mayerhofer, M. Archaismus und Innovation. Eine Grammatische Unterscheidung in Keilschrift-Paralleltexten aus achämenidischer Zeit. *Archiv Orientalní* 47, 1979, p. 96–99.

Miles, M. M. Burnt Temples in the Landscape of the Past. In: J. Ker, C. Pieper (eds.). *Valuing the Past in the Greco-Roman World: Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on Ancient Values VII*. Leiden; Boston, 2014, p. 111–145.

Missiou, A. ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ: The Politics of Translation. *Classical Quarterly* 43, 1993, p. 377–391.

Mitchell, L. G. Greek bearing gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 BC. Cambridge. 1997.

Molyneux, J. H. *Simonides: A Historical Study*. Wauconda, IL. 1992.

Munson, R. V. Who Are Herodotus' Persians? *Classical World* 102, 2009, p. 457–470.

Murray, G. *Aeschylus: The Creation of Tragedy*. Oxford. 1940.

Nimchuk, C. L. The “Archers” of Darius: Coinage or Tokens of Royal Esteem? In: *Ars Orientalis*. Vol. 32: *Medes and Persians: Reflections on Elusive Empires*, 2002, p. 55–79.

Orlin, L. L. Athens and Persia ca 507 B. C.: A Neglected Perspective. In: L. L. Orlin (ed.). *Michigan Oriental Studies in Honor of G. G. Cameron*. Ann Arbor, 1976, p. 255–266.

Papadimitropoulos, L. Xerxes' hubris and Darius in Aeschylus' *Persae*. *Mnemosyne* 61, 2008, p. 451–458.

Pelling, C. B. R. Aeschylus' *Persae* and History. In: C. Pelling (ed.). *Greek Tragedy and the Historian*. Oxford, 1997, p. 1–19.

Pelling, C. B. R. De malignitate Plutarchi: Plutarch, Herodotus, and the Persian Wars. In: E. Bridges, E. Hall, P. J. Rhodes (eds.). *Cultural Responses to the Persian Wars. Antiquity to the Third Millennium*. Oxford, 2007, p. 145–164.

Provencal, V. L. *Sophist Kings. Persians as Other in Herodotus*. L.; N.Y. 2015.

Rollinger, R. Thinking and Writing about History in Teispid and Achaemenid Persia. In: K. A. Rauflaub (ed.). *Thinking, Recording and Writing History in the Ancient World*. Oxford, 2014, p. 187–212.

Rood, T. C. B. Thucydides' Persian Wars. In: C.S. Kraus (ed.). *The Limits of Historiography: Genre and Narrative in Ancient Historical Texts*. Leiden, 1999, p. 141–168.

Root, M. C. *The King and Kingship in Achaemenid Art. Essays on the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden. 1979.

Ruberto, A. La vittoria di Serse in Grecia. Problemi, testimonianze, ipotesi. *Klio* 94, 2012, p. 300–311.

Рунг Е. В. Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: От Симонида Кеосского до Эсхила. Вестник Санкт-Петербургского Университета сер. 2. 4, 2007, с. 149–158.

Рунг Е. В. Греки в ахеменидских царских надписях: к вопросу о локализации Яуна. Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVII Сергеевских чтений 2, Москва, 2012, с. 116–123.

Рунг Е. В. Имперская идея в государстве Ахеменидов. Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» 4. 2015, с. 130–140.

Rung, E. The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water. *Klio* 97. 2015, p. 503–515.

Rung, E. The Burning of Greek Temples by the Persians and Greek War-Propaganda. In: K. Ulanowski (ed.). *The Religious Aspects of War in the Ancient Near East, Greece, and Rome*. Leiden; Boston, 2016, p. 166–179.

Рунг Е. В., Орлов В. П. Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи. Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» 2, 2016, с. 83–91.

Рунг Е. В. Культ царя в Ахеменидской державе. В: С. Ю. Сарпукин. Боги среди людей. Культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире. Москва; Санкт-Петербург, 2016, с. 174–190.

Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург, 2006.

Säid, S. Herodotus and Tragedy. In: E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees (eds.). *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden; Boston; Köln, 2002, p. 117–147.

Sánchez, M. G. La figura del sucesor del Gran Rey en la Persia aqueménida. *Gerión* 9, 2005, p. 223–239.

Sánchez, M. G. El Gran Rey de Persia. Formas de representación de la alteridad persa en el imaginario griego. Barcelona. 2009.

Sánchez, M. G. The Second after the King and Achaemenid Bactria on Classical Sources. In: B. Antela-Bernárdez, J. Vidal (eds.). *Central Asia in Antiquity: Interdisciplinary Approaches*. Oxford, 2014, p. 37–42.

Sancisi-Weerdenburg, H. Yauna en Persai: Grieken en Perzen in een ander perspectief, unpubl. PhD thesis. University of Leiden. 1980.

Sancisi-Weerdenburg, H. Decadence in the Empire or Decadence in the Sources. In: H. Sancisi-Weerdenburg (ed.). *Achaemenid History 1: Proceedings of the Groningen 1983 Achaemenid History Workshop*. Leiden, 1987, p. 33–45.

Sancisi-Weerdenburg, H. Gifts in the Persian Empire. In: P. Briant, C. Herrenschmidt (eds.). *La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Décembre 1986*. Paris, 1989, p. 129–145.

Sancisi-Weerdenburg, H. Political Concepts in Old-Persian Royal Inscriptions. In: K. A. Raaflaub (ed.). *Anfänge politischen Denkens in der Antike. Die nahöstlichen Kulturen und die Griechen*. [Kolloquium, München 10.-13. Juni 1990]. München, 1993, p. 145–163.

Sancisi-Weerdenburg, H. The Personality of Xerxes, King of Kings. In: E. J. Bakker, I. J. F. de Jong, H. van Wees (eds.). *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden; Boston; Köln, 2002, p. 579–590.

Schmitt, R. Artaxerxes. In: *Encyclopaedia Iranica* 2. 6, 1986, p. 654–655.

Schmitt, R. The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. *Old Persian Text*. London. 1991.

Schmitt, R. Darius. i. The Name. In: *Encyclopaedia Iranica* 7. 1, 1994, 40.

Schmitt, R. Xerxes. i. The Name: <http://www.iranicaonline.org/articles/xerxes-1-name>. 2011.

Scott, L. *Historical Commentary on Herodotus Book 6*. Leiden; Boston. 2005.

Shahbazi, A. S. Crown Prince. In: *Encyclopaedia Iranica* 6. 4, 1993, p. 430–432.

Shannon, A. R. The Achaemenid Kings and the Worship of Ahura Mazda: Proto-Zoroastrianism in the Persian Empire. *Studia Antiqua* 5, 2007, p. 79–85.

Stoneman, R. *Xerxes. A Persian Life*. New Haven; L. 2015.

Stronk, J. P. *Ctesias' Persian History. Pt. I: Introduction, Text, and Translation*. Düsseldorf. 2010.

Суриков И. Е. *Очерки об историописании в классической Греции*. Москва, 2011.

Taifopoulos, Y. Z. Thucydidean Rhetoric and the Propaganda of the Persian War. *Parola del passato* 50, 1995, p. 91–115.

Tuplin, C. J. Achaemenid Arithmetic: Numerical Problems in Persian History. *Topoi. Orient-Occident* 1, 1997, 365–421.

Tuplin, C. J. *Achaemenid Studies*. Stuttgart, 1998.

Tuplin, C. J. The Marathon campaign: in search of a Persian dimension. In: K. Buraselis, K. Meidani (eds.). *Marathon: Deme and Battle*. Athens, 2010, p. 251–274.

Tuplin, C. J. The Justice of Darius: Reflections on the Achaemenid Empire as a rule-bound environment. In: A. Fitzpatrick-McKinley (ed.). *Assessing Biblical and Classical Sources for the Reconstruction of Persian Influence, History and Culture*. Wiesbaden, 2015, p. 73–126.

Усманов С. М. «Восток Ксеркса» в историософии Владимира Соловьева: в поисках интерпретации. В: *Соловьевские исследования*. Периодический сборник научных трудов 6. Иваново, 2003, с. 36-52.

Vogt, J. Die Hellenisierung der Perser in der Tragödie des Aischylos. In: R. Stiehl, G. Lehmann (eds.). *Antike und Universalgeschichte*. Münster, 1972, p. 131–145.

Voigtlander von, E. N. *The Bisutun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*. London, 1978.

Waters, M. W. Darius and the Achaemenid Line. *Ancient History Bulletin* 10, 1996, p. 11–18.

Westenholz, J. The King, the Emperor, and the Empire. Continuity and Discontinuity of Royal Representation in Text and Image. In: S. Aro, R. M. Whiting (eds.). *The Heirs of Assyria. Proceedings of the Opening Symposium of the Assyrian and Babylonian Intellectual Heritage Project. Held in Tvärminne, Finland, October 8-11, 1998*. Helsinki, 2000, p. 99–125.

Wieshöfer, J, Rollinger, R, Lanfranchi, G. *Ktesias' Welt – Ktesias' World*. Wiesbaden, 2011.

Wiles, D. *Tragedy in Athens: Performance Space and Theatrical Meaning*. Cambridge, 1999.

Zutterman, C. The Bow in the Ancient Near East: A Re-evaluation of Archery from the late 2nd millennium to the end of the Achaemenid period. *Iranica Antiqua* 38, 2003, p. 119–165.

Сведения об авторах

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Чиглинец Евгений Александрович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

About the authors

Edward V. Rung, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan).

Evgeny A. Chiglintsev, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of General History of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan).

Дата поступления 17.04.2018

УДК 93

Миграция галлов в Италию в IV в. до н.э. и ее влияние на эволюцию римской внешней политики

Л. М. Шмелёва

E-mail: procella@rambler.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью проследить влияние миграции галлов на Апеннинский полуостров в IV в. до н.э. на политику Рима в отношении италийских племен и государств. Цель статьи заключается в выяснении влияния переселения галльских племен на римскую внешнюю политику в IV в. до н.э. Методология исследования, представленного в статье, основана на принципах историзма, то есть рассмотрении всех событий в их исторической обусловленности. Использовались общие принципы историографического анализа: определение проблематики исследований, анализ теоретико-методологических позиций авторов. Также были использованы сравнительно-исторический и историко-генетический методы, которые позволили проследить изменения во внешней политике Рима в IV в. до н.э. и выявить влияние галльского переселения на эти изменения. В результате нашествия галлы разграбили и сожгли Рим, что привело к изменению внешнеполитического положения Римской республики. Риму вновь пришлось вести войны со своими бывшими союзниками: латинами и герниками, а также с эквами, вольсками и этрусками, которые активизировались после поражения римлян от

галлов. Латины, герники, вольски и галлы выступали в этой борьбе как союзники, но военные и дипломатические успехи Рима привели к тому, что в 30-е годы IV в. до н.э. римляне подчинили себе всю территорию Лация и Южной Этрурии и смогли в дальнейшем приступить к завоеванию всей Италии. Материал исследования может быть использован антиковедами, занимающимися изучением истории Древнего Рима и галльского переселения в Италию.

Ключевые слова: галлы, Рим, латиняне, вольцы, эквы, этруски, галльское нашествие, внешняя политика Римской республики.

Для цитирования: Шмелёва Л. М. Миграция галлов в Италию в IV в. до н.э. и ее влияние на эволюцию римской внешней политики. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018;38(3-4):159–175.

Migration of the Gauls to Italy in the IVs. and its influence on the evolution of Roman foreign policy

L. Shmeleva

E-mail: procella@rambler.ru

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The urgency of the problem under study is due to the need to trace the influence of gall migration on the Apennine Peninsula in the 4th century. BC. on the policy of Rome in relation to the Italic tribes and states. The purpose of the article is to clarify the impact of the resettlement of the Gallic tribes on the Roman foreign policy in the IV. BC. The methodology of the research presented in the article is based on the principles of historicism, that is, the consideration of all events in their historical conditionality. The general principles of historiographic analysis were used: the definition of the research problematics, the analysis of the theoretical and methodological positions of the authors. Were also used comparative historical and historical genetic methods that allowed us to trace the changes in the foreign policy

of Rome in the IV. BC. and identify the impact of the Gallic resettlement on these changes. As a result of the invasion, the Gauls looted and burned Rome, which led to a change in the foreign political position of the Roman Republic. Rome again had to wage wars with its former allies: the Latins and the Guernillas, as well as with the horses, Volsk and Etruscans, who intensified after the defeat of the Romans from the Gauls. Latins, hernics, Wolski and Gauls acted as allies in this struggle, but the military and diplomatic successes of Rome led to the fact that in the 30s of the 4th century. BC. the Romans subjugated the whole territory of Latsia and Southern Etruria and were able to proceed to the conquest of all Italy. The research material can be used by antiquaries studying the history of ancient Rome and the Gallic migration to Italy.

Keywords: Gauis, Rome, Latine, Volscians, Eqv, Etruscans, Gallic invasion, Roman Republic foreign policy

For citation: Shmeleva L. Migration of the Gauls to Italy in the IVs. and its influence on the evolution of Roman foreign policy. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2018;38(3-4):159-175. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

К началу IV в. до н.э. Римская республика занимала в Средней Италии ведущее положение. Риму удалось завоевать этрусский город Вейи, ослабить племена эквов и вольсков. Между римлянами и латинами действовал равноправный Foedus Cassianum, заключенный в 493 г. до н.э. Рим претендовал на гегемонию в этом регионе и всеми силами поддерживал свое превосходство. Гегемония Рима в регионе была нарушена вторжением галлов в Среднюю Италию в начале IV в. до н.э. Это вторжение имело серьезные последствия, как для самого Рима, так и для его внешней политики. Цель данной статьи рассмотреть вопросы миграции галлов в Среднюю Италию и проанализировать последствия и влияния этого вторжения на внешнеполитическое положение Римской республики в IV в. до н.э. Это была первая крупная волна иностранной мигра-

ции, обрушившаяся на Рим и потребовавшая быстрой реакции. История отношений Рима и галлов сквозь призму судеб народов Апеннинского полуострова может служить исторической проекцией на миграционные вызовы и формирование «миграционной политики» как ответных мер.

Основными источниками по истории галльского нашествия и положению Римской республики в IV в. до н.э. являются сочинения Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Полибия, Плутарха. Античные авторы обращают внимание на волны переселения галлов в Италию, причины похода галлов на Рим и поведение союзников Рима в этот период. Мы должны очень осторожно подходить к некоторым оценкам, данным античными авторами, так как в целом в их сочинениях представлена римская патриотическая версия традиции, явно обошедшая вниманием некоторые неприятные для Рима моменты (например, заплаченный галлам выкуп). К тому же все авторы использовали недошедший до нас труд римского историка Фабия Пиктора, который во многом приукрашивал и римскую историю, и историю своего рода (Alföldi, 1965).

Специальные работы по изучению влияния галльского нашествия на внешнюю политику Римской республики отсутствуют. Но данная проблема в тех или иных аспектах затрагивалась во многих трудах. Общее изложение нашествия и некоторые его последствия изложены в общих работах по истории Рима (Ковалев, 2002; Alföldi, 1965; Cornell, 1995 и др.). Часть последствий галльского нашествия разобраны в статьях, посвященных отдельным проблемам истории Рима и Лация (Шмелева, 2015; Ampolo Carmine, 1990; Martinez-Pinna, 2012 и др.). Также последствия галльского нашествия для Рима затрагиваются в сочинениях по истории кельтов (Филлип Ян, 1961). Однако в них не изучается в целом влияние галльского нашествия на изменение внешнеполитического положения Римской республики после галльского нашествия и изменения направлений ее внешней политики.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования в статье является миграция галльских племен на Апеннинский полуостров и ее влияние на эволюцию римской внешней политики в IV в. до н.э.

Методы

Методология данной статьи основана на принципах историзма, то есть рассмотрении всех событий в их исторической обусловленности. Использовались общие принципы историографического анализа: определение проблематики исследований, анализ теоретико-методологических позиций авторов. Также были использованы сравнительно-исторический метод, который позволяет рассматривать внешнюю политику Рима в VI в. до н.э. в сравнении с политикой предшествующего времени, и историко-генетический метод, который позволяет рассматривать выбор стратегии Рима во внешней политике с учетом галльской угрозы и отношения окружающих римлян государств.

Результаты

С VI в. до н.э. начинается проникновение кельтских племен на Апеннинский полуостров. Галлы использовали для продвижения в Италию альпийские перевалы, по которым ранее к ним проникали товары из этрусских городов. В первую очередь их интересовала долина реки По, где располагались этрусские центры. Древние источники утверждают, что первыми проникли инсубры в окрестности нынешнего Милана, за ними — бойи, лингоны и сеноны в Ломбардию (Ливий, 2002; Дионисий, 2005). Ливий указывал, что галлы пришли в Италию за двести лет до осады Клузия и взятия Рима (Ливий, 2002).

Инсубры разрушили крупный этрусский город Мельпум и заняли миланскую область. Основная же масса кельтских племен осела по реке По, кеноманы в северо-восточной части, бойи в болонской области, лингоны на юг от нижнего течения По до самых Апеннин. Сеноны проникли еще дальше, к адриатическому побережью в Умбрию между Римини и устьем Эзино севернее от Анконы; там они обосновались, и в течение некоторого периода эта область носила их имя (*Agesgallicus* ‘галльское поле’) (Филип Ян, 1961). Только область венетов к северу от нижнего течения реки По избежала галльского нашествия.

Галльские племена постоянно наседали в первую очередь на этрусков стремясь продвинуться в южные районы. В определенный момент этруски поняли, что без помощи Рима бороться с северными варварами будет очень тяжело. «В конце 90-х годов IV в. одно из галльских племен

численностью в несколько десятков тысяч человек под предводительством Бренна появилось в центральной Этрурии и осадило г. Клузий. Какое именно это было племя, установить невозможно, так как источники на этот счет расходятся. Клузяне обратились за помощью к Риму. В современной науке раздаются скептические голоса, утверждающие, что это выдумка позднейшей анналистики и что в ту эпоху Рим никак не был заинтересован в делах средней Этрурии. Однако если мы вспомним, каких успехов добились римляне в войнах с южными этрусками, обращение Клузия к своему сильному соседу кажется правдоподобным», — отмечал С. И. Ковалев. (Ковалев, 2002).

Римское правительство отправило к галлам посольство из трех представителей знатного племени Фабиев с поручением уладить дело дипломатическим путем. Римские послы потребовали от галлов не нападать на союзников, в ответ галлы потребовали уступить им часть этрусских земель. Этруски на это не пошли, а вскоре предприняли вылазку против галлов, в которой, вопреки *ius gentium*, запрещавшему послам участвовать в конфликтах на чьей-то стороне, приняли участие римские послы. Одному из Фабиев удалось даже убить галльского военачальника и завладеть его оружием (Дионисий, 2005). Этот поступок Фабия вызвал гнев галлов и, галльский вождь Бренн потребовал от римлян выдать ему послов. Римский Сенат был согласен на выдачу Фабиев, но возмущенный народ не дал этого сделать. Более того Фабии были назначены военными трибунами (Ливий, 2002).

Бренн снял осаду г. Клузия и повел свое войско на Рим. Это событие датируется 390 г. до н.э. или 387 гг. до н.э.. Римляне поспешили вывести на встречу галлам свое войско, которое встретилось с противником в 12 км. от Рима у р. Алии, притока Тибра 18 июля. Ливий передает, что день 18 июля (*dies Alliensis*) с этих пор стал *nefastus* (Ливий, 2002) и в этот день нельзя было вести дела, поэтому указания на день битвы можно считать надежными (Ковалев, 2002; Alföldi, 1965).

Относительно положения Алии также существуют два варианта. По Ливию, Алия впадала в Тибр с левой стороны, Диодор же говорит, что римляне сразились с галлами, перейдя через Тибр (Ливий, 2002). Поэтому и современная наука в определении места Алии расходится: одни ученые считают ее левым притоком Тибра, другие — правым. Об-

щие стратегические соображения заставляют думать, что Аллия была левым притоком. «Общепринятым годом является 390-й, хотя, быть может, указания Полибия и Диодора надежнее», считал С. И. Ковалев (2002).

Галлы атаковали сходу, и им сразу удалось опрокинуть левое крыло римского войска. Остальные части недолго сопротивлялись натиску галлов, бежали и укрылись в Вейях. Часть воинов бежала в Рим и укрылась вместе с сенатом в крепости. Дорога на Рим была открыта.

Рим охватила паника, часть жителей бежала из города, было принято решение эвакуировать римские святыни, принять жителей Рима согласился этрусский г. Цере (Alföldi, 1965). Часть жителей укрылась на Капитолии. Город был полностью разграблен и сожжен галлами. Однако взять цитадель галлы не смогли (Дионисий, 2005). После чего была начата осада Капитолия.

После семи месяцев осады римляне и галлы решили заключить перемирие. К заключению перемирия галлов подтолкнуло также известие о нападении на их земли венетов. Нападение галлов также способствовало объединению латинов и этрусков перед лицом общей опасности. Отряды этрусков и латинов уничтожали варварских фуражиров в окрестностях Рима (Ливий, 2002).

У галлов не было в это время необходимости в захвате земель, скорее перед ними стояла задача захвата ценностей. В этой связи становится понятным и выставление требования выкупа с римлян. Сенат поручил военным трибунам заключить мир с галлами. Военный трибун Квинт Сульпиций и галльский вождь Бренн согласовали сумму выкупа в 1000 фунтов золота (Ливий, 2002). Получив выкуп, враги действительно ушли из римской области и при отходе подверглись нападению римского войска, которое было вновь сформировано вне Рима за время осады Капитолия. Войском этим командовал герой вейской войны М. Фурий Камилл. Галлы, по-видимому, понесли некоторые потери. Ливий писал о столкновении Камилла с галлами уже после заключения мира и отступления галлов от Рима (Ливий, 2002)

С. И. Ковалев обращал внимание на то, что “патриотическое чувство римлян не могло примириться с позорными событиями 390 г., и позднее была составлена та их версия, которая отразилась в традиции”

(2002). Когда взвешивали золото, римские представители обратили внимание галлов на то, что их весы неверны, и стали протестовать. Тогда галльский вождь Бренн положил свой тяжелый меч на чашу весов со словами: «Горе побежденным!» (*Vae victis!*). В этот драматический момент явился Камилл со своим войском. Галлы были наголову разбиты, а золото отобрано (Плутарх, 1994).

Ливий передавал в своем сочинении, что перед римлянами встал вопрос о восстановлении города или уходе в другое место. Но и здесь Ливий передает легенду, по которой, когда сенаторы решали этот вопрос, мимо проходил военный отряд и, центурион громко скомандовал «Знаменосец, ставь знамя! Остаемся здесь!». Эта команда была истолкована сенаторами и жрецами как голос свыше, и было принято решение о восстановлении города (Liv.V. 55. 1-2).

Галлы еще несколько раз вторгались в пределы Лация и проникали до Южной Италии (Ливий, 2002), но вторично захватить Рим им не удавалось. Только в конце 30-х годов IV в. до н.э. римляне заключили с галлами договор (Ковалев, 2002).

Результаты галльского нашествия для Рима были в целом положительны. Экономический кризис обострил сословно-классовую борьбу и тем самым доставил плебеям решительную победу. Поражение при Аллии и разгром города вызвали необходимость в создании новой системы укреплений и явились исходной точкой военной реформы, сыгравшей огромную роль в дальнейшей истории Рима (Alföldi, 1965). Старые стены царской эпохи, пришедшие в ветхость еще до галлов, были заменены новыми. Остатки этих укреплений середины IV в. дошли до нас. Только весьма незначительная часть их может быть отнесена к VI в. (Alföldi, 1965). В армии был изменен принцип построения войск на поле битвы. Вместо расстановки по имущественному принципу, стали использовать расстановку воинов по возрасту и степени обучения – от менее обученной молодежи до опытных триариев. Были введены манипулы – тактические единицы, что повысило маневренность легионов. Также было заменено защитное и наступательное вооружение. Все это в дальнейшем позволило римлянам вести успешные войны в Италии (Ковалев, 2002).

Внешнее положение Рима, столь укрепившееся к началу IV в., после галльского нашествия резко ухудшилось. Все старые враги подняли голову: этруски, эквы, вольски. Даже союзники Рима – герники и некоторые латинские города решили воспользоваться создавшимся положением и попытались сбросить гегемонию римской общины (Alföldi, 1965). Около 50 лет тянулась борьба Рима за восстановление своего старого престижа. Делалось это силой оружия, дипломатическим путем (дарование прав гражданства отдельным общинам), а также выведением колоний.

Долгое время римляне вели летоисчисление от года сожжения Рима. Воспоминания о золоте, отданном в 390 г. до н. э. галлам, горело, как след от пощечины, на гордом лице великого города.

Дж. Коллинз отмечает, что можно объяснить завоевание Галлии потребностями римской обороны, но стоит обратить внимание на речь Цицерона «О проконсульских провинциях», где великий оратор и политический деятель ни слова не говорит об обороне. Галлы в его представлении – исконные враги Рима, правомерность войны и завоевания которых не являются предметом обсуждения (Collins, 1972). «Уже с начала существования нашей державы не было никого, кто бы размышляя здраво об интересах нашего государства, не считал, что наша держава более всего должна бояться Галлии. Но ранее ввиду силы и многочисленности этих племен, мы никогда не сражались с ними всеми сразу; мы всегда давали отпор, будучи вызваны на это. Только теперь достигнуто положение, когда крайние пределы нашей державы совпадают с пределами этих стран» (Цицерон, 1962). Цицерон восхваляет наступательные действия Юлия Цезаря, отдавая себе отчет в том, что в настоящее время галлы не представляют опасности, как это было раньше, но все же с галлами как источником постоянной военной угрозы надо покончить (Цицерон, 1962).

А. Б. Егоров обращает внимание на то, что «постоянные войны с одним и тем же противником превращали его в некоего «исторического врага», в отношении которого обычные дипломатические предосторожности становились «ненужными». Чаще всего, именно в этом случае, когда причина лежала в далеком прошлом, а проблема «виновника» становилась необычайно запутанной, римляне вполне допускали возмож-

ность собственной агрессии» (Егоров, 2012). Войны с историческим врагом заканчивались не мирным договором, а перемирием на определенное количество лет от 2-3 до 100. И это находило одобрение со стороны обывденной бытовой морали (Егоров, 2012).

Таким образом, захват галлами Рима и требование выкупа превратили их в «исторических врагов» римлян и соответствующее отношение к галлам в целом. Римляне всегда ждали от них нападения. Борьба с галлами стала одним из приоритетных направлений римской внешней политики с IV в. до н.э. до полного завоевания Галлии при Юлии Цезаре.

Рим был ослаблен галльским нашествием, и это привело к ухудшению его международного положения. Активизировались старые враги Рима: этруски, эквы, вольски. Латины использовали сложившееся положение, чтобы освободиться от римской гегемонии, к ним примкнули герники. В качестве меры воздействия на своих союзников римляне использовали две меры: выведение колоний и дарование прав римского гражданства.

Выведение колоний было прекрасным средством держать территории в подчинении, так как жители колоний представляли собой фактически римские воинские контингенты на враждебной или могущей стать таковой территории. Колонисты получали права римских или латинских граждан. В 80-х годах IV в. были основаны четыре «латинские колонии»: две в южной Этрурии (Сутрий и Непете в 383 г.) и две на территории вольсков (Сатрик в 385 г. и Сетия в 382 г.).

Дарование прав римского гражданства должно было внести раскол в некогда единые ряды римских союзников, так как некоторые из италийских общин, прежде всего, латинских, получили более привилегированное положение по сравнению с другими. Первой общиной, которая получила права полного римского гражданства, был Тускул (381 г. до н.э.) (Ливий, 2002; Ковалев, 2002). В V в. до н.э. Тускул играл одну из ведущих ролей в Аррицийской федерации, дарование ему прав римского гражданства фактически выводило общину из Латинского союза, тем самым существенно ослабляя его. В дальнейшем эту меру римляне активно использовали по отношению к латинским союзникам. Но все же основным средством восстановления своей гегемонии в регионе Рим видел войну.

Из римских союзников, прежде всего, отпали Фидены, которые были тесно связаны с этрусками, но римлянам достаточно быстро удалось подавить восстание (Shmeleva, 2015). Затем последовала череда столкновений с этрусками. В 389 г. до н.э. борьба за г. Сутрий, который остался в орбите римского влияния (Ливий, 2002). В 388 г. до н.э. Рим выступил против г. Тарквиний и захватил два укрепленных пункта. В 387 г. до н.э. римлянам удалось присоединить Южную Этрурию и основать там четыре новых трибы (Ковалев, 2002). В следующем году этруски во главе с г. Тарквинием напали на Сутрий и Непете (Ливий, 2002). После отражения этрусской опасности римляне вывели в эти города латинские колонии в 383 г. до н.э., что укрепило положение Рима в Южной Этрурии. Но спустя 25 лет тарквинийцы снова напали на римскую территорию. Консул Г. Фабий потерпел поражение (Ливий, 2002). К этрускам присоединились Фалерии, Цере – старый союзник Рима. Римляне также одержали в этой борьбе несколько побед: в 358 г. до н.э. под руководством диктатора из плебеев Г. Марция Рутила, в 355 г. до н.э. римляне опустошили территорию Тарквиний (Ливий, 2002), в 351 г. до н.э. римляне опустошили территории Тарквиний и Фалерий. С этрусками был заключен мир на 40 лет (Ковалев, 2002). Цериты получили еще в 353 г. до н.э. перемирие на 100 лет (Ливий, 2002). А. Альфöldи обращал внимание на то, что римляне подписывают два договора практически одновременно с Цере в 353 г. до н.э. и Карфагеном в 348 г. до н.э.. Оба они могут быть направлены против греков – в частности против сицилийских тиранов, которые в IV в. до н.э. предпринимают попытки завоевания северного побережья Италии, в частности побережье Лация, и завоевания карфагенской части Сицилии. Этрусские города были связаны с Карфагеном давними союзническими отношениями, а Рим в 509 г. до н.э. также заключил с Карфагеном союзный договор (Alföldi, 1965).

Таким образом, в результате войн с этрусками римляне не только восстановили прежнее положение, но и значительно расширили свои владения в Южной Этрурии и высоко поднял свой авторитет.

На восточной границе Лация жили эквы и герники. С эквами римляне покончили достаточно быстро. В 389 г. Камилл нанес им поражение около г. Бол (Boiae) и взял сам город (Liv. VI. 2. 14), а в следующем году римское войско опустошило всю страну (Ковалев, 2002).

Герники чаще выступали против Рима вместе с латинами и вольсками. В середине 80-х годов IV в. до н.э. герники и их союзники были дважды разбиты римлянами. В конце 60-х годов IV в. до н.э. римляне перешли в наступление на земли герников. В 361 г. до н.э. римляне захватили Ферентины, главный город герников (Ливий, 2002). А в 358 г. до н.э. заключили с ними союзный договор, но вероятно на менее благоприятных условиях, чем это было в 486 г. до н.э., когда римляне нуждались в союзниках для отражения опасности со стороны вольсков и эквов.

Но самым опасным соперником Рима в IV в. до н.э. были вольски. Если верить римской традиции, Рим вел войны с вольсками 50 лет (с 389 г. до н.э. до 338 г. до н.э.). Во главе вольсков стояли города Анций, Сатрик и латинская колония Велитры. В 389 г. до н.э. вольски проникли до Ланувия (Ливий, 2002). М.Фурий Камил нанес им поражение. В 386 г. до н.э. вольски с латинами и герниками вторглись на римскую территорию. Камил разбил их у вольского города Сатрик, а сам город взял штурмом. Затем Камил стал готовиться к осаде Анция, но война с этрусками заставила его отойти (Ливий, 2002). В 385 г. до н.э. вольски, латины, герники начали новую кампанию против Рима, но потерпели поражение. После этого в Сатрик была выведена римская колония в 2 тыс. человек (Ливий, 2002). В 382 г. Сатрик вновь был захвачен вольсками при поддержке латинов из Пренесте. А в 381 г. до н.э. Камил вновь разбил их (Ливий, 2002).

В начале 70-х годов IV в. до н.э. римлянам в ряде кампаний удалось разгромить вольсков. В 377 г. до н.э. вольски решили сдаться римлянам (Ливий, 2002). Здесь же Ливий обращал внимание на то, что вольски хотели сдаться, а их союзники – латины – продолжали войну. В 358 г. римляне прочно заняли Помптинскую равнину на юге Лация и образовали там две новые трибы (Ливий, 2002; Alföldi, 1965; Ковалев, 2002). Вольски в этот период не могли помешать продвижению римлян, но через 10 лет они оправились от поражения, нанесенного им римлянами, и предприняли новую попытку отстоять свою независимость. Ожесточенные столкновения между римлянами и вольсками продолжались до 338 г. до н.э., когда римляне захватили Анций и окончательно подчинили себе вольсков. Римляне получили в результате мира с вольсками еще один порт, а также конфисковали у вольсков флот.

Но важнейшим направлением внешней политики Рима в IV в. до н.э. было подчинение латинских общин. Галльское нашествие привело к тому, что некоторые латинские города отпали от союза с римлянами – Тибур, Пренесте, Велитры (Ливий, 2002). Они находили себе союзников в лице эквов, вольсков, герников и даже галлов (Ливий, 2002; Alföldi, 1965). Большинство латинских общин сохранило союзнические отношения с римлянами.

Война Рима с отпавшими общинами и их союзниками велась с большим упорством более 30 лет. В 360 г. до н.э. диктатор Квинт Сервий Агала (Ahalas) разбил галлов в кровопролитном сражении под стенами Рима. Враги бежали в Тибур. А в 358 г. до н.э. латинские общины, по сообщению Ливия, подтвердили верность договору 493 г. до н.э. (Ливий, 2002). По мнению С.И. Ковалева, «вряд ли договор 358 г. был механическим повторением документа 493 г. до н.э., ... маловероятно, чтобы при новой ситуации, изменившейся не в пользу латинов, Рим согласился на прежнее равноправие сторон. По-видимому, в договор были внесены какие-то пункты, закреплявшие руководящую роль Рима в латинском союзе» (Ковалев, 2002), однако имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют проследить изменения в тексте договора.

Взросшее значение Рима в Италии сказалось в возобновлении с Карфагеном в 348 г. договора 509 г. (Полибий, 1890; Ливий, 2002). Он повторял в основном прежние условия, но в несколько измененной форме, менее выгодной для Рима. Так, в договор был включен пункт, запрещавший римлянам плавать в Испании дальше Мастии (на юго-восточном побережье, около мыса Палос). Всякая торговля в Африке и Сардинии для римлян теперь была закрыта, тогда как в старом договоре она разрешалась. Но существенно было то, что новый договор подтверждал права Рима на прибрежную полосу Лация от устья Тибра до Таррацины. Изменение условий договора свидетельствовало об усилении Римской республики на международной арене.

Таким образом, основными направлениями внешней политики в период после галльского нашествия стали Южная Этрурия, территории эквов, герников, вольсков, но главной задачей продолжало оставаться подчинение латинских общин.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проблему миграции галлов на Апеннинский полуостров изучалась С. И. Ковалевым (2002), А. Алфёлди (1965), Т. Дж. Корнелом (1995).

Последствия галльского нашествия для Италии рассматривались в трудах А. Кармине (1990), Дж. Мартинец-Пинны (2012), Л. М. Шмелевой (2015).

Однако комплексно проблема галльской миграции на Апеннинский полуостров и ее последствия именно для внешней политики Рима не рассматривалась в историографии. Влияние галльской миграции на внешнюю политику Рима было весьма сильным и, фактически, привело к пересмотру стратегии и тактики в отношениях с врагами Рима, так и римскими союзниками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рост агрессивности Римской республики на некоторое время был прерван нашествием галлов в 390 г. до н.э. (Варрон, Ливий) или в 387/6 гг. до н.э. (Полибий, 1890; Дионисий Галикарнасский, 2005). Борясь с галльской миграцией, Рим принял следующие ответные действия: вывод колоний с римскими гражданами на враждебные территории, заключение союзных договоров, предусматривающих общие военные силы, дарование прав римского гражданства, что увеличивало собственные римские военные силы, военное отражение опасности. Так же это заставило римлян внимательно относиться к данной проблеме и стало одной из причин эволюции отношений с окружающими племенами.

Однако последствия галльского нашествия не были столь катастрофичны, как принято считать. Рим довольно быстро оправился в экономическом плане и приступил к масштабным строительным работам. Были возведены стены вокруг города, так называемая Сервиева стена. Имеются свидетельства о росте заморской активности римлян (основание колонии в Сардинии в 386 г., экспедиция на Корсику). Тем же периодом (между 380 и 350 гг. до н.э.) археологи датируют основание укрепленного поселения в Остии, ставшей главной морской базой римлян.

Резкое ухудшение внешнего положения государства в 80-х годах IV в. до н.э. после галльского нашествия послужило мощным стимулом к мобилизации всех сил римского народа и привело к тому, что маленькая

община на Тибре к середине IV в. до н.э. превратилась в самое крупное государство средней Италии, занимавшее вместе с союзниками территорию более 5 тыс. кв. км. Все эти факты сыграли решающую роль на следующем этапе римской истории – на этапе борьбы за среднюю Италию.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Материал исследования может быть использован антиковедами, занимающимися изучением истории Древнего Рима и галльского переселения в Италию.

Литература

Дионисий Галикарнасский. Римские древности. Москва: «Рубежи XXI». 2005, с. 271.

Егоров А. Б. Войны Рима, «Мнемон», 11: 2012, с. 189-208.

Ковалев С. И. История Рима. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «Полигон». 2002, с. 864.

Ливий Т. История Рима от основания города. Т. 1. Москва: «Ладомир». 2002, с. 702.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Москва: «Наука». 1994, т. 1, с. 704.

Полибий. Всеобщая история. Санкт-Петербург: Типография Е.К. Гербек. 1890, с. 680.

Филип Ян. Кельтская цивилизация и её наследие. 1890. Издательство Чехословацкой Академии Наук, Прага Retrieved from <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000024/st010.shtml> Accessed on the 14.07.2015

Цицерон М. Т. Речи в двух томах. т. 2. (62-43 гг. до н.э.). Москва: Издательство Академии наук СССР. 1962, с. 400.

Шмелева Л. М. Рим и Фидены: из истории отношений метрополии и колонии. In А.В. Коричко (eds) (2015), Культура, наука, образование: проблемы и перспективы, Издательство Нижневартковского государственного университета: 2015, с. 212-214

Alföldi A. Early Rome and Latins. Michigan: The University of Michigan Press. 1965, p. 434.

Carmine A. Roma arcaica e di Latina nel V secolo. In: Crise et transformation des sociétés archaïques de l'Italie antique au Ve siècle av. JC. Actes de la table ronde de Rome (19-21 novembre 1987), Rome: École Française de Rome, 1990, p. 117-133.

Collins J. H. Caesar as a Political Propagandist, Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, Tl. 1. Bd. 1: 1972, p. 922-941.

Cornell T. J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze age to the Punic wars (c. 1000-264 BC), London; New-York: Routledge. 1995, c. 507.

Martinez-Pinna J. Observaciones sobre el origen de la liga Latina, Mediterraneo antico, XV. 1-2: 2012, p. 411-424.

Barbina P., Ceccarelli, L., Dell'Era F., di Gennaro, F. In V. Jolivet et alii (eds.). Il Territorio di Fidenae tra V e II secolo A.C., Suburbium II. Il suburbio di Roma dalla fine dell'età monarchica all'ascesa della ville (V-II secolo A.C.). Roma: 2009, p. 325-345.

Сведения об авторе

Шмелёва Людмила Михайловна, канд. ист. наук, доцент, Институт международных отношений, отделение Высшая школа исторических наук и всемирного культурного наследия, Кафедра всеобщей истории. Казанский (Приволжский) федеральный университет г. Казань, Россия.

References

Dionisii Galikarnasskii (2005). 'Rimskie drevnosti'. Moskva: Rubezhi XXI. 271 s.

Egorov A.B. (2012). 'Voiny Rima', Mnemon, 11: s. 189-208.

Kovalev S.I. (2002). 'Istoriya Rima'. Sankt-Peterburg: OOO «Izdatel'stvo «Poligon». 864 s.

Livii T. (2002) 'Istoriya Rima ot osnovaniya goroda'. T. 1. Moskva: Ladimir. 702 s.

Plutarkh (1994). 'Sravnitel'nye zhizneopisaniya', Moskva: Nauka. 1994. T. 1. 704 s.

Polibii (1890). 'Vseobshchaya istoriya'. Sankt-Peterburg: Tipografiya E.K. Gerbek. 680 s.

Filip Yan 'Kel'tskaya tsivilizatsiya i ee nasledie'. Izdatel'stvo Chekhoslovatskoi Akademii Nauk, Praga Retrieved from <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000024/st010.shtml> Accessed on the 14.07.2015

Tsitseron (1962) M. T. 'Rechi' v dvukh tomakh. T. 2. (62–43 gg. do n.e.). Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 400 s.

Shmeleva L.M. (2015). 'Rim i Fideny: iz istorii otnoshenii metropolii i kolonii'. In A.V. Korichko (eds) (2015), Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta: s. 212–214

Alföldi A. (1965). 'Early Rome and Latins'. Michigan: The University of Michigan Press. 434 p.

Carmine A. (1990). 'Roma arcaica ed i Latini nel V secolo'. In: Crise et transformation des sociétés archaïques de l'Italie antique au Ve siècle av. JC. Actes de la table ronde de Rome (19–21 novembre 1987), Rome: École Française de Rome, 1990: p. 117–133.

Collins J.H. (1972). 'Caesar as a Political Propagandist', *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, Tl. 1. Bd. 1: p. 922–941.

Cornell T.J. (1995). 'The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze age to the Punic wars (c. 1000–264 BC)', London; New-York: Routledge. 507 c.

Martinez-Pinna J. (2012). 'Observaciones sobre el origen de la liga Latina', *Mediterraneo antico*, XV. 1–2: p. 411–424.

Barbina P., Ceccarelli, L., Dell'Era, F., di Gennaro, F. (2009). In V. Jolivet et alii (eds.). 'Il Territorio di Fidenae tra V e II secolo A.C.', *Suburbium II. Il suburbio di Roma dalla fine dell'età monarchica all'ascesa della ville (V–II secolo A.C.)*. Rome: p. 325–345.

About the author

Lyudmila M. Shmeleva, Cand. ist Sci., Associate Professor, Institute of International Relations, Department of Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage, Department of General History. Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

Дата поступления 22.03.2018

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Том 38, № 3-4

Оригинал-макет и компьютерная вёрстка Солдаткин А. А.

Подписано в печать 29.12. 2018 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 500 экз. Заказ № 441/4.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37. Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций.